

Архимандрит Рафаил (Карелин)

В поисках истины Беседы о духовной жизни

По благословению епископа Саратовского и Вольского Лонгина

© Издательство Саратовской епархии, 2004.

Содержание

От издателей

Диалоги со старой дворянкой

Часть 1	Часть 2	Часть 3	Часть 4	Часть 5	Часть 6
Часть 7	Часть 8	Часть 9	Часть 10	Часть 11	Часть 12
Часть 13	Часть 14	Часть 15	Часть 16	Часть 17	Часть 18

Десять лет спустя

Часть 1 Часть 2

Совместима ли хатха-йога с христианством

Интеллигент-богоборец

Часть 1 Часть 2 Часть 3

Послушник-«шатайка»

Слишком усердная прихожанка

Примечания

От издателей

Когда заходит речь о творчестве архимандрита Рафаила (Карелина), то слово «писатель» по отношению к нему представляется все более уместным. И не только потому, что за последние годы вышла в свет целая череда его книг, тиражи которых свидетельствуют об их востребованности как верующими, так и лишь находящимися на пути к вере людьми. Нет, сама форма изложения мыслей, литературный слог заставляют называть его именно так.

Оригинальной и чрезвычайно содержательной была последняя книга отца Рафаила «Умение умирать, или искусство жить», выдержавшая уже несколько переизданий. И вот новая работа нашего автора, новая для него не только по содержанию, но и по форме: это беседа духовника с его подопечными или с посетителями.

Сразу оговоримся: и духовник, и его посетители – лица не вымышленные, а реальные. Духовник – это сам отец Рафаил, посетители – люди, с которыми он говорил о различных сторонах их духовной жизни. В их числе и немолодая дама-аристократка, в зрелых уже годах пришедшая в Церковь и искренне стремящаяся к достижению духовного совершенства; и друг ее, потомственный теософ, судьба которого остается для автора загадкой, подобной книге, не имеющей последних страниц; и интеллигент-богоборец, заблудившийся в лабиринтах противоречий собственного ума; и йог-христианин, обеспокоенный надвигающейся экологической катастрофой; и послушник, по гордости и самолюбию оставивший свою обитель; и женщина, не разглядевшая в себе пристрастия к духовному отцу и не понимающая, за что он удалил ее от себя...

...Очень разные люди, с разными судьбами, с разными характерами. Но объединяет их одно: так или иначе каждый из них хочет найти истину. И каждый на пути к ней совершает те или иные ошибки, мучается и страдает из-за них, но поиска не оставляет.

Естественно, что самое нужное, существенно необходимое для этих людей – беседа с опытным, мудрым духовником, способным и увидеть их заблуждения, и разъяснить их сущность, и подсказать правильный путь, с таким духовником, каким является отец Рафаил. Беседуя с ним, посетители спрашивают, высказывают свои недоумения, спорят, сердятся, обижаются и с чем-то в конце концов соглашаются. Но, самое важное, они получают ответы на не дающие им покоя вопросы, вопросы, которые, возможно, беспокоят и тех, кто будет читать эту книгу.

Поэтому нам кажется, что она вряд ли оставит кого-то равнодушным. Ищущим истину она поможет так же, как помогли беседы автора реальным людям. Тем же, кому истина открылась как жизнь во Христе и Его Православной Церкви, послужит к разрешению недоумений, с которыми, придя в Церковь, по-прежнему неизбежно сталкивается всякий думающий человек, тех недоумений, устранение которых разрушает преграды на пути следования за Христом.

Диалоги со старой дворянкой

Часть 1

Одна немолодая дама из аристократической семьи говорила в минуту откровенности, что у нее мысли бегают во все стороны, как лягушки, и духовник посоветовал ей, прежде чем бороться со своими мыслями, начать бороться со своим языком. При следующей встрече он спросил:

– Ну как, болото, где водятся лягушки, начинает высыхать?

Дама ответила, что учиться молчать, но это оказалось мучительно трудно. Иногда, когда она старается сдерживать себя, у нее начинается сердцебиение, появляется чувство, будто кровь бросилась в голову. Она с удивлением признавалась:

– Никогда не думала, что молчать так сложно. Раньше я была уверена, что могу молчать и говорить по собственной воле, а теперь поняла, что мой язык водит меня, как привязанную к веревке, и бороться с ним так же трудно, как бороться с тираном.

Духовник дал ей совет не встречаться с прежними собеседниками, чтобы не растревать не зажившие еще раны, а также, когда есть возможность, выбирать время, скажем, час или два, для полного молчания.

Часть 2

В следующий раз эта дама сказала, что уже легче переносит, как она выразилась, «пост языка», и попросила благословения держать во рту нательный крестик, чтобы говорить еще меньше. Духовник возразил, что крест – это святыня, которую нельзя держать зубами и передвигать языком, а, если она хочет, пусть положит в рот небольшой камушек и незаметно вынимает его при необходимых разговорах и во время еды.

Через месяц дама сообщила, что по-прежнему учиться говорить как можно меньше, но камень во рту мешает: то собирается слюна, словно она сосет конфету, то камень ударяется о зубы, то кажется, что он не дает ей дышать, – и вообще ее мысли слишком много вращаются вокруг этого камня. На это духовник сказал, чтобы она клала камень в рот утром на пятнадцать-двадцать минут, а также перед сном, для напоминания о пользе молчания, и если поймает себя на том, что говорила днем попусту, то пусть держит камень во рту в два раза дольше, чем положено. Хорошо иметь этот камушек на видном месте, чтобы он бросался в глаза, и брать его с собой, отправляясь куда-либо. Дама пообещала:

– Если я научусь молчанию, то отправлю его в серебро в память о своей борьбе.

Затем духовник начал учить ее Иисусовой молитве и дал правило, которое она стала неуклонно выполнять.

Часть 3

Спустя некоторое время дама снова пришла к духовнику и сказала:

– Отче, я горю желанием учить Иисусовой молитве своих близких.

Духовник спросил:

– Легко ли дается молитва вам самой?

Она ответила:

– Легко. И у меня желание, чтобы все творили ее.

Тогда духовник заключил:

– У вас нет Иисусовой молитвы. Вы делаете лишь первые шаги, и это благодать помогает вам. А затем настанет время трудов и испытаний. Стремление же учить Иисусовой молитве других происходит от незнания себя и от неискорененного желания говорить и говорить, хотя бы под благовидным предлогом. Вы еще не прошли через огонь бесовских искушений, не опустили молитвой в глубину своей души, поэтому вы хотите сыпать налево и направо чужими словами. Помните, если не удержите себя в этом, то сами Иисусовой молитвы не стяжаете.

Посетительница задумалась:

– Отец, я полагала, что хочу делать это из любви к моим близким и знакомым...

Духовник твердо сказал:

– Даже не показывайте им, что занимаетесь Иисусовой молитвой. А если придется все же заговорить о ней, то скажите кратко, что когда-то этой молитвой занимались монахи и, наверное, теперь тоже есть люди, которые тайно творят ее, – и больше ничего.

Далее он спросил:

– Если вам поручат хранить золотую вещь, которую должно вернуть хозяину, то положите ли вы ее у дверей своего дома или спрячете подальше от чужих глаз?

Дама ответила:

– Конечно, спрячу. А если эта вещь очень дорогая, то не скажу о ней никому ни слова, даже шепотом, чтобы воры не услышали и не похитили ее у меня.

Духовник пояснил:

– Золотая вещь, драгоценность – это имя Иисуса Христа; двери – ваши уста; а место, где можно уберечь сокровище, – сердце; воры – страсти, и прежде всего страсть тщеславия; грабители – бесы, которые наводят на тех, кто творит Иисусову молитву, внутренние и внешние искушения.

Дама удивилась:

– Но даже если я не буду никому говорить об Иисусовой молитве, разве бесы не узнают, что я ее творю? Обычно, оставаясь одна, я произношу ее вслух, а ведь бесы слышат шепот и видят движение губ. Неужели поэтому нельзя молиться вслух?

Духовник ответил:

– Отцы благословляют читать Иисусову молитву вслух, особенно в начале духовного пути, а затем чередовать устную молитву с внутренней. Но здесь дело в другом: диавол может искушать человека лишь настолько, насколько ему будет попущено от Бога. Через наши страсти усиливается власть диавола над нашей душой; когда мы поддаемся желанию учить других, еще не научившись сами, или, еще хуже, когда мы показываем на себя как на пример молитвенного делания, тогда благодать отходит от нас и Господь, желая избавить нас от гордости, попускает нам скорби и испытания, а иногда даже падения в тяжелые грехи. И напротив, молитва, творимая со смирением втайне, защищает человека. Потому святые отцы и говорили: «Будь с людьми как глухой и немой – так сохранишь молитву от мысленных врагов».

Дама поинтересовалась:

– Существует много книг об Иисусовой молитве. Должна ли я читать их?

Духовник ответил:

– Чтение полезно, оно помогает уберечься от ошибок. Но одним изучением книжных руководств стяжать Иисусову молитву нельзя. К некоторому старцу, который находился в ссылке, незадолго до его смерти приехала духовная дочь. Она призналась, что с молитвой у

нее ничего не ладится и она дошла до такого сердечного окаменения, что, произнося слова «помилуй мя, грешную», недоумевает, в чем она грешна, и повторяет эти слова машинально. Тогда старец сказал: «Помолимся вместе», и сам стал читать Иисусову молитву. В его словах все сильнее и сильнее звучало покаяние, это был просто какой-то вопль души. Казалось, что он приносит перед Господом покаяние за всю свою жизнь. Духовная дочь слушала его, и в эти минуты глубина Иисусовой молитвы впервые открылась для нее. Затем она опустилась на колени и стала горько плакать. Старец сказал: «Читай Иисусову молитву так». Вскоре он умер, но молитва, как его благословение, потекла в ее сердце. А мы часто читаем молитву так, будто Бога, Который зрит в наше сердце, нет, а есть только слова – как узелки четок. Молитве не только учатся – молитва еще передается, как и другие духовные дары. Древние святые не имели книжных руководств, зато приобрели самое главное – чистоту сердца, и сама благодать была их наставницей. Они говорили с Господом так, словно живой Христос стоял перед ними.

Дама задумалась:

– Если я буду считать, что Христос стоит передо мной, то буду представлять Его образ. Может быть, следует запомнить какую-то из моих любимых икон и воспроизводить ее в памяти?

Духовник возразил:

– Если будете представлять Христа, то окажетесь во власти собственного разгоряченного воображения; если станете припоминать икону Спасителя, то не сможете войти в свое сердце, ум будет оставаться вовне. Молиться перед иконой и представлять икону – совершенно разные вещи. Во втором случае вы открываете свой ум для образов и представлений, и он начинает блуждать по созданной им же самим картинной галерее.

Дама выразила недоумение:

– Как же в таком случае я могу представлять, что Господь близ меня и я беседую с Ним?

Духовник пояснил:

– Не представляйте, а просто верьте, что Господь внимает каждому движению вашего сердца, что Он близ не в пространственном смысле, как стоящий рядом человек, но близок по Своему всеприсутствию.

Дама спросила:

– Что должно быть положено в основание молитвы?

Духовник ответил:

– Бдение и трезвение, а точнее, две первые заповеди блаженств: о нищете духовной и о плачущих, которые утешатся¹.

Дама сказала:

– Мне не совсем понятно, что такое бдение, неужели я не должна спать по ночам? А что касается трезвения, то я в рот не беру вина, разве по каким-нибудь особым случаям. Сейчас я почти перестала ходить в гости и принимать своих прежних друзей. Даже когда я вела светский образ жизни и, как теперь понимаю, много грешила, никто не видел меня пьяной. А что касается бдения, то, действительно, часто гости засиживались у меня до глубокой ночи, или бывало, что я читала любимые книги до утра.

Духовник ответил:

– Бдение – это очищение ума от помыслов, а трезвение – борьба со страстями. Каждая страсть опьяняет нас не меньше, чем вино.

Дама снова задумалась:

– Я что-то начинаю понимать... В молитве приходится постоянно бороться с помыслами, а иной раз в душе неожиданно возникают страстные чувства. Но все-таки: какая связь между борьбой с помыслами и обетованием: *Блаженны нищие духом?*

Духовник ответил:

– Быть нищим духом – значит не верить, что мы своими силами можем сделать что-либо доброе, а приписывать даже самое малое добро или победу над собой благодати

¹ См.: Мф. 5, 3–4. Здесь и далее все сноски и примечания принадлежат издателям.

Божией. Нищий духом чувствует, как мало он знает. У него появляется желание учиться, а в духовном смысле учение – это послушание и отсечение своей воли. Послушание в свою очередь рождает смирение, которое подает помыслам тишину, а уму – прозрачность. Человек, не отсекающий своей воли, всегда будет пребывать в состоянии волнения и тревоги. Ум гордеца не находит себе покоя: он, как голодный зверь, нападает на внешние знания, чтобы насытиться ими и через это утвердиться. Но таким образом он все равно не получает самого главного – душевного мира. Именно поэтому жизнь гордых людей беспокойна и мучительна. Человек, не стяжавший смирения, не может заключить свой ум в слова молитвы: ему тесно в этих словах, ему хочется вырваться из них, словно из темницы, на простор собственного воображения.

Следующая заповедь блаженств – *блаженны плачущие*. Плач, заповеданный Спасителем, – это покаяние в своих грехах; слезы, льющиеся из очей, или боль сердца угашают наши страсти, поэтому Иисусова молитва должна быть прежде всего молитвой покаяния. Искреннее покаяние открывает сердце для молитвы, оно указывает то место, где ум должен стоять во время нее. Когда покаяния нет, то сердце закрывается, как дверь, и ум стоит вне, не зная, как войти внутрь. Покаяние похоже на воду, которая гасит в нашем сердце огонь или тлеющие угли страстей. В покаянии пробуждается дух – око души. Кающийся уже здесь, на этой земле, получает утешение от Бога.

Дама спросила:

– Как стяжать смирение? Я видела людей, которые постоянно повторяли: «Прошу прощения», – это ли признак смирения?

Духовник ответил:

– Это – смиреннословие, а смирение – состояние души. Оно по виду просто, но душа, встретив истинно смиренного человека, чувствует радость, в то время как под показным смирением могут скрываться самолюбование и неискорененная гордость. Смирен не тот, кто называет себя грешником, а тот, кто терпеливо переносит обиду от других. Если помысл твой склоняется к осуждению человека, скажи себе: «Этот человек лучше меня, но в кривом зеркале своей души я будто бы вижу чужие пороки, которые на самом деле гнездятся во мне самом».

Дама спросила:

– А как не осудить человека за явный грех?

Духовник ответил:

– Помолитесь Богу об исправлении этого человека, а если заняты Иисусовой молитвой, то прибавляйте некоторое время: «Помилуй его и мя, грешную». Если же вы осудите, то это станет преткновением в вашей молитве. Непрестанная молитва заповедана всем христианам, но особенно – монахам-схимникам. Во время схимнического пострига на голову монаха надевается куколь, похожий на детскую шапку, в знак того, что молитвенник должен иметь незлобие младенца. Это незлобие скорее научит молитве, чем любая книга.

Дама спросила:

– А какая из книг может послужить лучшим руководством к Иисусовой молитве?

Духовник ответил:

– Святое Евангелие: в нем прикровенно преподано учение об Иисусовой молитве, учение, которое охватывает всю человеческую жизнь. Без исполнения заповедей невозможно творить Иисусову молитву, а без молитвы – исполнять заповеди.

Дама выразила неуверенность:

– Мне кажется, я что-то поняла, но все же не до конца.

Духовник добавил:

– Учение о молитве становится понятным постепенно, по мере трудов и стяжания духовного опыта. Если бы вы сказали, что поняли все, это было бы самым худшим из всех ответов. Вы знаете теперь, как сделать первые шаги, затем увидите другое.

Дама спросила:

– Какое благословение вы мне дадите?

Духовник ответил:

– Чтобы жизнь и молитвенное делание были сокровенны от мира.
На прощание дама сказала:
Я вижу, что вы хотите сделать из меня одновременно и христианку, и спартанку.

Часть 4

Вновь придя к духовнику, дама начала беседу вопросом:

– Человека создал Господь. Как я знаю, Церковь считает пагубной ересью учение манихеев^I и альбигойцев^{II} о том, что в творении человека принимал участие сатана. Свой ум, свои чувства, свою волю как свойства и способности души я получила от Бога. Он вывел меня из небытия, а теперь карает меня за то, что я такая, какой Он создал меня. Ведь я не сама выдумала или сочинила свои страсти. Когда я была ребенком, в каких-то смутных проявлениях они уже присутствовали во мне. Ведь художник не будет наказывать кнутом глиняное изображение, которое сделал сам, за то, что оно потом не понравилось ему. Я уже родилась со страстями, а потом еще и оказалась виноватой в них. Не понимаю: зачем меня надо было создавать такой? А если создана так, то за что наказывать? Здесь какой-то круг противоречий, из которого при всем своем желании я не могу выбраться. Может быть, мое тело действительно создал демон? Но для чего это было нужно: чтобы мучилась бедная душа? Я опять ничего не пойму...

Духовник ответил:

– Мне кажется, что здесь не роковой вопрос и даже не недоумение. В этой позиции: «Я ничего не могу понять, – следовательно, с меня взятки гладки» – есть какая-то искусственность, ложность. Возможно, что вы, попробовав бороться со страстями, увидели, насколько это трудно, и решили принять вид человека, который обдумывает непосильную задачу и нигде не может найти ответа. Вы полагали бороться со страстями не теми средствами, которыми обладает Церковь, а своими силами, не идя на послушание. И тут вы почувствовали, что ваши страсти сильнее вас, и встали в позу богоборца. Вы говорите Богу: «Зачем Ты создал меня не такой, какой я бы хотела быть? Зачем не спросил меня? Я объяснила бы, какой меня надо было создать...». Вы требуете ответов, но даже если и получите их, то станет ли вам от этого легче, сделаетесь ли вы лучше, изменится ли что-нибудь в вас? Мне кажется, что вы задаете вопросы, в глубине души надеясь, что на них не найдется ответов и вы выйдете победительницей – не греха, конечно, а спора. Вы говорите, как адвокат своих грехов: «Я такая, какой создана. Я живу соответственно своей природе; если бы Бог хотел, чтобы я была другая, то Он создал бы меня другой».

Дама заметила:

– Действительно, когда я начала заниматься внутренней молитвой и читать духовную литературу, искушения с большей силой напали на меня, как будто страсти таились где-то в подсознании, а затем, словно черви, полезли оттуда. Я на самом деле пришла к вам не в мирном духе, а расстроенной и даже озлобленной. Но все-таки согласитесь, что ваши слова тоже не ответ.

Духовник продолжал:

– Вы ищете ответа на рациональном уровне. Я помню книгу, сборник задач по алгебре, где в первой части были напечатаны задачи, которые казались мне головоломками, а во второй – подробные ответы на них. К сожалению, я не могу служить вам подспорьем для нерешенных задач, поскольку решить их вы должны сами. От меня зависит только помочь правильно поставить вопросы, а ответы на них должна дать ваша душа.

Дама возразила:

– Вы так и не ответили на мой вопрос. Мне кажется, что вам нечего сказать и вы просто уходите от него. Я повторяю: я так создана и живу в соответствии с тем, что заложено в меня еще до моего рождения. Говоря современным языком, исполняю свою генетическую программу. Я ее не выдумала сама и не привнесла извне. Мне говорят: «Это грех, это грех...», – а откуда он взялся? Я готова даже на Страшном Суде кричать: «За что меня наказывают?!».

Духовник ответил:

– Вы шумите уже до Страшного Суда, потому что ваша совесть говорит, что у вас что-то неладно. Я думаю, вы хотите не столько услышать от меня ответ, сколько защититься от собственной совести. Христианство показало вам, какая вы есть на самом деле, и, вместо того чтобы спросить, что же предлагает христианство больному для исцеления, грешнику для исправления, вы кричите: «Зачем и почему?!».

Дама сказала:

– Я готова вас слушать, но сначала скажите, можете ли вы ответить на мои вопросы четко: «да» или «нет». Не лучше ли признаться честно, что они неразрешимы?

Духовник ответил:

– Если я отвечу «да», это будет неправда; если отвечу «нет», то это тоже будет неправда.

Дама призналась:

– Я ничего не поняла.

Духовник пояснил:

– По мысли святого Григория Богослова, не все, что касается Божества, открыто нам и не все сокрыто. Если бы мы могли объять, то есть понять своим умом всю глубину Божественного Промысла, то наш разум был бы равен Божественному всеведению. Вы должны понять, что меньший не может вместить или ограничить большего. Но и если бы мы остались в совершенном неведении, то были бы подобны животным. И в первом, и во втором случаях исчезла бы сама вера.

Дама попросила:

– Объясните последние слова.

Духовник ответил:

– Если бы мы могли понять и узнать все, то вере не было бы места. Если бы мы находились в полном неведении, то не могли бы понять, что такое вера, во что мы верим, где истина и где ложь. Мы стоим перед тайной. Господь приоткрывает ее, сообразуясь с нашим состоянием. Если бы Он открыл сразу большее, то мы не смогли бы вместить его; если бы Он полностью закрыл духовное знание от людей, то нам нечего было бы вмещать, мы просто остались бы в непроницаемой темноте.

Тогда дама сказала:

– Значит, нам надо сначала понять, что мы знаем, а что не знаем.

Духовник ответил:

– Да, приблизительно так. Мы должны знать, чувствовать свою меру, а именно: что останется для нас вечной тайной, какая часть нашего пути озаряется светом и что мы не знаем, но можем узнать, следуя по этому пути.

Дама сказала:

– В нашем обществе люди не привыкли сомневаться в силе человеческого рассудка. Им кажется, что человек может понять и познать все. Это подразумевается во всех беседах, поэтому мы часто уверенно говорим о том, чего не знаем. Здесь именно уверенность в способности человеческого интеллекта помогает справляться с любой задачей.

Духовник ответил:

– Человеческий рассудок имеет дело только с начальными знаниями. Святитель Василий Великий говорил, что полностью не смог разгадать даже природу муравья. Именно вера открывает нам новые возможности познания.

Дама сказала:

– Когда я слушаю вас, то иногда меня убеждают ваши слова, а иногда я просто чувствую, что вы говорите правду. Это тоже вера?

Духовник ответил:

– Это, скорее, доверие, которое возникло у вас, и то оно постоянно требует доказательств. А вера – нечто другое. Это пробудившаяся способность духа познавать через особые духовные свойства метафизический мир в его нематериальных сущностях.

Дама сказала:

– Я, наверное, хожу в храм в первую очередь потому, что чувствую там присутствие этого невидимого мира. И в то же время мой рассудок раздирают сомнения. Я потому и задаю вам вопросы иногда так настойчиво и так дерзко, что боюсь потерять веру.

Духовник ответил:

– Мне кажется, что вы неточно выразили свое состояние. Вы как раз боитесь поверить с детской простотой в евангельское слово. Ведь там, куда вмещается рассудок, сужается область веры. Вы страшитесь потерять веру, но не в Бога, а в собственный рассудок и хотите сделать его судьей и арбитром в области невидимого и трансцендентного, где другие реалии и законы, где качественно новые формы бытия и где рассудок с его земным опытом и обычными представлениями становится бессильным.

Дама сказала:

– Такой оборот дела для меня несколько нов. Наверное, я не обращала на это должного внимания. Я считала, что посредством рассудка можно укрепить веру и что возникающие противоречия можно устранить с помощью того же рассудка. Теперь я понимаю, что мои вопросы были поставлены неправильно, но в таком случае снизойдите к моей немощи: я еще не способна к безусловной вере. Помогите распутать узлы, которые завязались в моем сознании. Я не могу верить, закрыв глаза, хотя глаза мои видят только ближайшую ко мне границу мира, и то в искаженной перспективе.

Духовник ответил:

– Несомненная вера и слепая вера – это не одно и то же. Несомненная вера – не какая-то пустота, в которую человек должен бросаться, закрыв глаза, а вера, основанная на реальном опыте, только особого характера: это мистический опыт, это переживание общения духа с Божеством, которое делает для человека духовный мир не абстракцией, а очевидностью.

Слепая вера – вера в сменяющие друг друга гипотезы, которые, как мотыльки, живут один день, это вера в предрассудки и суеверия, при которой теряется главное – память о Боге. У вас нет достаточного мистического опыта, чтобы поставить веру судьей рассудка, чтобы увидеть его ограниченные возможности, его беспомощность и поражение при соприкосновении с вечностью, то есть с миром причин и целей, с миром реалий, выходящих за пределы времени.

Дама попросила:

– Пожалуйста, объясните мне эту мысль подробнее. Но прежде мне хотелось бы задать вам вопрос: если вера основана на реальном опыте, то почему люди, имевшие веру, могли потерять ее и объявить себя атеистами (причем это не всегда было следствием насилия, в некоторых случаях такие поступки совершались вполне добровольно)? Человек говорил: «Я верил, а затем потерял веру». А сколько случаев, когда люди горячо брались за духовную жизнь, но после охладели и становились обыкновенными материалистами! Конечно, вы можете объяснить такую перемену недостатком религиозного опыта, однако это будет довольно неопределенный и расплывчатый ответ. Если вера основана на реалиях, то как можно, соприкоснувшись с ними, отрицать потом их очевидность?

Духовник ответил:

– Духовный опыт – это не эксперимент, который можно повторить произвольно, а встреча человеческой души с благодатью. Он не запечатлевается в образах, он невыразим словами, он проявляется в необыкновенном переживании человеческой души и носит реальный, но субъективный характер. Этот опыт нельзя запомнить и при желании воспроизвести снова. Когда от человека отступает благодать, этот опыт исчезает из его памяти. Мы **помним о нем**, но... **не помним его**. Даже несравненно более грубое эмоциональное состояние трудно воспроизвести по памяти. Например, вы в молодости любили кого-то, вы помните об этом факте, но, в сущности, он вас мало трогает, и вы можете дать ему теперь разные оценки. Но воспроизвести то состояние, пережить его снова для вас невозможно. Однако, конечно, это очень приблизительное сравнение. Отходит от человека благодать, и он теряет чувство реальности духовного мира. Он может сказать: «Я когда-то верил, а теперь понял, что верил в пустоту...», но на самом деле эта пустота образовалась в его душе, когда его оставила благодать и там снова воцарились уснувшие были страсти.

Поэтому для веры нужны жизнь в соответствии с верой и молитва как обращенность к Богу. Молитва – это глаза души, возведенные к Богу.

Дама сказала:

– Как будто я снова что-то начинаю понимать, хотя еще и неясно, но я, простите, перебила вас, когда вы говорили о различных способах и средствах познания. Конечно, разум мой ограничен, однако все-таки я не могу произвольно выключить его, как выключаю электрическую лампочку в своей квартире.

Духовник ответил:

– Вы зажигаете лампочку ночью, не так ли? Если вы выключите ее, то останетесь в потемках и можете заблудиться даже в собственной комнате. Но, когда взойдет солнце, лампочка будет вам уже не нужна, вы перестанете воспринимать ее свет. Когда в вашей душе пробудится способность духовного познания, которую мы не вполне точно называем интуицией, то вы не станете оценивать духовный мир через призму оземленного рассудка. Святые отцы различают два вида познания, как два вида света: одно – духовное, а другое – душевное. Мир постоянно путает свет духа со светом души, который в сравнении с первым кажется тьмой. Впрочем, все имеет свое место, как мы уже говорили.

Дама выразила недоумение:

– Значит, я не имею права даже спросить о вере, несмотря на то что эти вопросы волнуют мой разум?

Духовник ответил:

– Если от ответа на тот или иной вопрос зависит ваша вера, то, по сути дела, ее у вас нет. Вы хотите найти истину на уровне души, в области временного и преходящего – там, где царят рассудочные понятия. Вы хотите заменить веру знанием, успокоить свой мятущийся ум, а затем, удовлетворив его голод брошенной ему пищей, сказать: «Я верю». На самом деле вера должна основываться на другом – на Божественном Откровении, на чувстве достоверности, на самоочевидности веры, на аксиоматических доказательствах, которые дает мистико-аскетический опыт. Вы должны знать, что от ваших вопросов и от моих ответов не может зависеть моя вера, иначе она ничтожна. Но вы имеете право знать, что говорит об этом богословие.

Дама сказала:

– Может быть, ваши поправки и разъяснения были необходимы, однако то, что вы сказали, это только вступление, а не ответ на мое недоумение. Бывают книги с длинными предисловиями, но все-таки хочется узнать, что написано дальше, не ограничиваясь одним вступлением. Я вначале спросила вас: если я поступаю согласно со своей природой, которую получила от рождения, то за что меня наказывать? Вы ответили мне, что не все от нас скрыто и не все открыто. Но вы можете объяснить мне это, исходя из того, что открыто?

Духовник ответил:

– Вы сами ответ на ваше недоумение.

Дама удивилась:

– Я не понимаю ваших слов, хотя в молодости мне и нравились парадоксы Оскара Уайльда^{III}.

Духовник пояснил:

– Возможно, остатки прежней любви еще живут в вас, и вы подсознательно ищете противоречия и парадоксы в христианстве. Но перейдем к вашей проблеме: вы считаете, что поведение, согласное с природой, есть главный догмат нравственности, который не могут опровергнуть никакие юристы. Но всмотритесь в себя. Вы увидите в своей душе постоянный диссонанс, постоянные противоречия, словно у вас не одна, а несколько природ связаны и переплетены вместе. Проанализируйте ход своих мыслей хотя бы в течение получаса, и вы увидите противостояние намерений и желаний, борьбу помыслов друг с другом, внезапно вырывающийся из недр души черный огонь страстей, голос совести, обличающей вас, тучу нелепых мыслей, которые вторгаются в ваше сознание. Там нет ничего постоянного и твердого. О какой естественной и монолитной природе вы можете говорить? Если бы вы тотчас исполняли возникающие в вашей душе желания, как волю своей природы, то не были

бы удовлетворены. Человек, живущий по своим страстям, разочарован и несчастлив, – значит, это не его истинная природа, а, если вам угодно, природа, разъедаемая болезнью. Вы недоумеваете: что плохого в том, чтобы следовать болезни? А мы говорим: болезнь надо лечить. Христианство предлагает нам исцеление, которое требует борьбы, но в этой борьбе человек находит себя и, образно говоря, человеческая природа очищается от ржавчины.

Дама спросила:

– А почему Господь не сотворил меня чистой, подобно Ангелу, ведь это была Его воля?

Духовник ответил:

– Господь сделал для вас нечто лучшее. Вспомните, что Ангелы, будучи созданы светозарными духами, залюбовавшись собственной красотой, опьяненные духом гордыни, восстали против Бога и навечно превратились в демонов. Это отпадение было мгновенным и окончательным. Не считите укором мои слова, но при вашем характере вы могли бы оказаться в числе непокорных Ангелов и разделить их участь. Теперь же при всех ваших сомнениях (я бы сказал, уловках) у вас остается надежда на спасение. Поэтому благодарите Бога, что Он не сотворил вас Ангелом. Адам так же был сотворен безгрешным, но это не уберегло его от искушения. Вы жалуетесь и сетуете, вынужденно неся последствия первородного греха, но забыли о Христе, Который принял человеческую плоть и этим поднял достоинство человека на неведомую для еще не павшего Адама высоту. Блаженный Августин^{IV}, будучи упоен благодатью Божией и созерцая море Его милосердия и любви, воскликнул: «О благословенная вина Адама, давшая нам Такого Искупителя!». Василий Великий^V выразил подобную мысль в других словах: «Человек – это тварь, которой дано повеление стать богом». Я думаю, что причин унывать нет, а основой пессимизма, которому вы поддаетесь, является ваша собственная лень.

Дама сказала:

– Теперь мне захотелось прочесть блаженного Августина. У меня в библиотеке есть его сочинения, но признаюсь, что толщина томов прежде пугала меня. Но спрошу сейчас о другом. Я слышала, что Господь дал светлым Ангелам после отпадения сатаны такую благодать, что теперь они непоколебимы в истине. А почему Господь не дал им такую силу сразу же? Разве это не было бы более сообразным с любовью Божией?

Духовник ответил:

– До грехопадения сатаны – этой трагедии, потрясшей всю вселенную, – Ангелы не были способны принять и вместить благодать в совершенстве. Нужно было испытание, которое приблизило бы Ангелов к Богу, Ангелов, победивших искушение гордыней и оставшихся верными своему Творцу. Конец всякого искушения – победа или поражение, награда или наказание, для Ангелов – вечное пребывание с Богом или вечное отвержение от Него. Возможно, вам приходилось слышать, что Господь создал человеческий род для того, чтобы люди через послушание и покорность воле Божией заняли место Ангелов падших. Поэтому, вместо того чтобы укорять Творца и советовать, как Ему лучше было бы поступить, благоговейно склонитесь перед Его Промыслом. Если бы не пали Ангелы, то, быть может, мы сегодня не беседовали бы друг с другом.

Дама уточнила:

– Значит, я создана как «полуфабрикат», из которого надо что-то приготовить?

Духовник ответил:

– Это сравнение остроумное, но не вполне точное. Нам предстоит тяжелый труд, подобный подвигу. Сам человек не может ни исправить, ни довершить себя. Вся античная история мира говорит о нравственном и духовном бессилии человека, хотя мы и видим частные добродетели, спорадические проявления доблести народов, расцвет искусства, давший мировые шедевры. И в то же время история мира до Христа не явила ни одной гармоничной и освобожденной от греха личности. Человек может победить грех и стать новым творением только с помощью благодати Божией. Тогда человек увидит свою действительную природу, свое богоподобие. Вы чувствуете натиск страстей и отождествляете страсти с самой природой, как болезненную опухоль – со своим телом.

Вы упоминали о манихействе, которое учит, что дух человека – от Бога, а тело – от дьявола. В патерике написано, что одна древняя египетская подвижница сказала манихею: «Подчини тело свое закону, и ты увидишь, что оно от Бога». Если вы подчините себя Церкви, то увидите, что человек – это образ неизреченной славы Божией, хотя и носящий на себе язвы прегрешений.

Дама спросила:

– Как же спастись, если никто не может очистить себя от грехов?

Духовник ответил:

– Бог ищет нашего произволения, выражающегося в борьбе, а недостающее восполнит Его благодать.

Дама попросила:

– Можете ли вы кратко сформулировать страшную для меня мысль, с которой все-таки не примиряется мое сердце: почему за грехи человек навечно лишается Бога?

Духовник ответил:

– Потому, что в каждом грехе невидимо присутствует богоубийство. Вы сравнили себя с «полуфабрикатом», а я вспомнил пример из своего детства. Отец любил покупать мне игрушки; некоторые из них были заводные, со сложными механизмами. Увидев, что я вдоволь наигрался с игрушкой, отец брал ее и разбирал при мне на части, а затем собирал и при этом как будто забывал место детали и спрашивал меня. Я старался понять, припомнить, хотел помочь отцу, путал детали незнакомого механизма, пока наконец мы не находили нужное решение, после чего отец говорил, что без моей помощи дело бы не удалось. Иногда он усложнял задачу: «терял» детали и спрашивал меня, чего не хватает, что нужно найти или заказать... Если бы отец не устраивал таких игр, то я, заводя игрушки ключом, никогда бы не понял их устройства или механизма.

Если человек не будет вести духовную жизнь, бороться со страстями и исправлять себя, то он не сможет приобрести опыта самопознания, необходимого для его спасения. В борьбе с собой вы можете познать как свое интеллектуальное бессилие, так и помощь благодати. По мере очищения души от греха и страстей возрастает способность духовного познания. Если ученик начальной школы будет спрашивать учителя о высшей математике, тот ответит: «Узнаешь со временем, если будешь хорошо заниматься, а теперь ты просто не способен воспринять мои объяснения».

Дама сказала:

– Тогда скажите мне, с чего начать духовную жизнь?

Духовник ответил:

– Если бы новорожденный ребенок спросил, как ему начать жизнь земную, то, наверное, вы бы ответили ему: «Пока твое дело – сосать молоко матери, а затем сама жизнь научит тебя, как жить».

Дама задумалась:

– Это значит – жить жизнью Церкви, питаться ее таинствами и отложить вопросы до тех пор, пока я не вырасту и не окрепну... Но, может быть, тогда они будут излишни? Где мне взять простоту? Мой разум, как Мефистофель, задает мне коварные вопросы, которые волнуют меня.

Духовник ответил:

– Есть разум духа – это разум веры, молитвенных созерцаний и мистических интуиций. Этот разум отражает в себе небесный свет, этот разум озаряется лучами вечности. Есть другой – душевно-плотский разум. Он отражает реалии земного бытия и собственно человеческих представлений, это свет интеллекта, мерцающий и тусклый, где правда смешана с ложью, это око души, обращенное к земле и засоренное пылью страстей. Если этот разум берется решать трансцендентные вопросы, то он выходит из своего чина и к нему присасываются, как змеи, духи тьмы и лжи. Этот малый разум противостоит великому разуму Церкви и духовному разуму христианина. Поэтому не только слушайте, что говорит он, но и помните, «кто» может говорить через него. Вы сказали, что не можете верить в простоте души, вы немощны для этого. Диссонирующая сложность не сила, а слабость. Но в

таком случае читайте книги, где описан путь тех, кто шел от неверия и рационализма к Богу. Может быть, так вы лучше увидите себя.

Дама стала прощаться:

– Наша беседа была слишком продолжительной, и я многого уже не помню, а другое смешалось в моей памяти. Я воспользуюсь вашим последним советом. Я уже читала одну из таких книг: это «Исповедь»^{VI} блаженного Августина; в следующий раз я постараюсь задать вам меньше вопросов. А теперь благословите меня.

Часть 5

Диалог продолжился при следующей встрече.

Дама призналась:

– Меня смущает помысл, который мне нелегко открыть священнику. Я знаю, что Ориген^{VII} был осужден как еретик за свое учение, называемое «апокатастасис»^{VIII}, утверждающее в частности, что вечные муки грешника окончатся во времени и все творение вернется к Богу, как к своему первоначалу. Я хочу быть верной дочерью Церкви. Меня пугает слово «ересь», но все же сердце мое не хочет согласиться, да не только сердце, но и разум, с тем, что Бог, имя Которого – Любовь, оставит в вечной гибели и отвержении Свои создания.

Духовник твердо произнес:

– Бог не только неизреченная и безмерная Любовь, но также и высочайшая Правда, поэтому Он не может уравнивать добро и зло.

Дама спросила:

– Как раз такая постановка вопроса более всего непонятна для меня. И, прямо скажу, неприемлема. Если Бог есть высшее правосудие, тогда наказание должно быть соответствующим преступлению. А каким образом младенцы, не совершившие греха, уже отлучены от Бога только потому, что они не крещены? Затем: как можно наказать вечными муками за грехи, совершенные во времени? Ведь ясно видно, что наказание превышает степень греха. Даже самый страшный преступник наказывается отнятием временного, будь то жизнь или свобода, а тут получается, что грехи, совершенные человеком, будут наказываться вечно. В чем же правосудие? Это какой-то ужас! Вы простите, что я говорю так откровенно, но было бы хуже, если бы я думала вопреки учению Церкви и молчала об этом.

Духовник ответил:

– Я благодарен вам за искренность. Честное искание, даже выраженное в форме несогласия, лучше, чем лицемерие, похожее на болезнь, которую хотят загнать внутрь. Мне думается, дело в том, что вам, как и большинству наших современников, гуманистические понятия, воспринятые, как говорится, «с молоком матери», кажутся универсальными законами и вы прилагаете их к тому, что принадлежит метафизике и мистике. Вы рассматриваете человека изолированно, как некоего правового субъекта, а грех – как нарушение определенного этического, нравственного кодекса. Для вас грех, как для античных гуманистов, – это ошибка, продукт неправильного воспитания, слабость воли, иногда преобладание эмоций над интеллектом, то есть порабощение страстями. В общем, для вас грех – это оскудение добра или неверный выбор между различными внутренними мотивами. В этом случае, или в этом ракурсе, правосудие представляется как наказание греха, имеющее целью прекращение зла или перевоспитание самого человека. Так на земле наказание действительно служит защитой общества от насилия со стороны личности и возможностью исправления самой личности. Но религия, я имею в виду христианство, открывает нам другие емкости и глубины бытия, о которых не знает или забыло гуманистическое сознание. Человек по своей природе принадлежит двум планам: духовному и телесному, а по потенциальным возможностям своей воли – к двум мирам: Божественному и демоническому. Так в каждое мгновение своей жизни он находится на перекрестке двух дорог: одна ведет в небо, другая – в ад. Эти дороги проходят через его душу и скрещиваются в его сердце.

Человек наделен даром богоподобия – свободной волей. Но, будучи обращена ко греху, она ведет его к демоноподобию. Поэтому грех не только ошибка, нравственное падение, вспышка страсти и тому подобное; в метафизическом плане грех – это звено, которое соединяет душу с демоном, началом греха. Для спасения недостаточно одной человеческой «доброты». В противном случае Богу незачем было бы принимать человеческую плоть и идти на распятие. Спасение – это единение души с Богом, уподобление Богу по благодати, единство образа Божия с Божественным Первообразом, единство не как тождество, а как вечное восхождение к уподоблению.

За грехом стоит сатана, как артист в кукольном театре за ширмой, и, дергая за нити, заставляет кукол-людей делать различные движения. Только человек, в отличие от куклы, совершает греховные деяния по собственной воле, не насильственно увлекается к ним, не по необходимости, а в синергии^{IX}, взаимодействии с сатаной. Грех, не омытый покаянием, грех, перешедший в привычку, делает душу демоноподобной. Вечные муки – это не только огненное наказание, но осатанение самой души. Праведники становятся в благодати подобными Христу, а грешники и внутренне, и внешне уподобляются сатане. Они один дух с сатаной. Само бытие сатаны – ненависть к Богу, непрерывное богоотвержение. Такое свойство воспринимает грешник. Оно становится сердцевиной его души.

Если человек посмотрит в глубину своего сердца, особенно при свете благодати Божией, то увидит страшную картину, а именно: мы не просто грешим – мы любим грех. Здесь «мистика греха» – тайная любовь к сатане. Грешник ненавидит Бога, он хочет, чтобы Бога не было. Если было бы возможно, то он убил бы Бога. В каждом преступлении есть искра любви ко греху, душа как бы отдается сатане. Читая исповедь преступников и убийц, мы находим описание странного состояния: кажется, что в момент совершения преступлений ими овладевала какая-то посторонняя сила. Это демон, через грех соединяющийся с душой человека. Именно поэтому спасение грешников невозможно. Они становятся «потомками» сатаны, воспринявшими от своего «отца» ненависть к Богу. Рай – это не только место, но и общение праведных душ с Богом и между собой.

Некоторые люди не понимают, что такое спасение. Они представляют его как некую амнистию, которую Господь дает грешникам, и удивляются, почему эта амнистия не дается сразу, а нужен какой-то период наказаний и страданий. Это вульгарное и узкое представление. Спасение – это прежде всего способность к богообщению, основанная на любви к Богу. Грешник любит грех, и эта сила греха будет вечно отталкивать его от Бога. Загробное бытие грешника станет центробежным движением, то есть бесконечным удалением от Бога и уподоблением сатане. Апостол Павел сказал: *Не я, а благодать, живущая во мне*², и в другом месте: *пока не возобразится в вас Христос*³. В душе грешника проявляется, словно картина на доске, темный лик сатаны, поэтому спасение для грешника невозможно⁴. Он находится в мистическом единении с сатаной, причем способность выбора у него уже исчезла. У него осталась природная воля как хотение, а гномическая воля – возможность выбирать – атрофировалась в его душе⁵. Если больного с раковой опухолью, которая постоянно причиняет ему мучительную боль, поместить в самое прекрасное место на земле, то будет ли он от этого счастлив? Если больного лихорадкой положить на золотую

² Ср.: 1 Кор. 15, 10.

³ Ср.: Гал 4, 19.

⁴ Имеется в виду, что невозможно спасение для грешника, который пребывает в своем грехе, не обращаясь к покаянию.

⁵ Здесь отец Рафаил говорит о состоянии человека, всецело предавшегося служению своим страстям, о своего рода «смерти прежде смерти» — смерти духовной. Человек в таком состоянии уже не выбирает, а просто живет во грехе, ставшим для него естественным состоянием. Однако способность выбора как таковая остается у каждого из нас до самого исхода из этой жизни, в каком бы духовном или душевном состоянии мы ни находились. «Возможность выбирать атрофировалась» не строгое определение, а скорее, образ, используемый автором.

кровать, то исцелится ли он? Если умирающего от жажды принести к глубокому колодцу, откуда он не может почерпнуть воды, то уменьшатся ли его страдания? Но это только бледные тени того, что происходит в душе грешника. Он мучается, но ненависть к Богу не дает ему возможности даже пожелать райской жизни. Он перестает понимать, что такое вечная радость.

Демоноуподобление – это метафизическая тьма, в которой находится грешник. Бог может все, но Он не может отнять дар, который дал человеку⁶, а этот дар – свободная воля, она определяет здесь, на земле, его вечное бытие, с кем он: с Богом или сатаной, чей лик изображается в глубинах его души.

Дама спросила:

– А почему Господь дал человеку свободную волю?

Духовник ответил:

– Если бы не свободная воля, то человек был бы не богоподобным существом, а только предметом этого мира. В необходимости нет ни добра, ни зла. Нравственные категории существуют там, где есть выбор. Вы спрашиваете, почему Господь не сделал вас мухой, китом или собакой, то есть животным, или гомоидом без свободной воли, каким-то биомеханизмом, может быть, наделенным интеллектом большим, чем другие существа, но не человеком, а предметом. Где нет свободной воли, там нет образа Божия; где нет образа Божия, там нет богообщения.

Дама спросила:

– Я принимаю ту мысль, что грех не простое уклонение от добра, а мистическая причастность к сатане. Но почему должны быть преданы вечным мукам иноверцы, не знавшие Христа и даже не слышавшие о Нем?

Духовник ответил:

– Одним из самых трагических и в то же время важнейших факторов истории является грехопадение Адама. В этом акте богоотступничества, богоотвержения и богоборчества праотцы вместе с будущим человечеством, потенциально заключенном в них, оказались отданными в рабство сатане. Псалмопевец свидетельствует: *Я в беззакониях зачат и во грехах родила меня мать моя*⁷. Грех поразил всего человека, не какую-либо часть его души, а всю его духовно-телесную монаду^X. Грех, как печать принадлежности сатане, передается в самом зачатии, поэтому говорить о чистоте младенца можно очень условно. Существует инкубационный период болезни, когда она еще не проявляется, хотя человек инфицирован, и протекает без внешних симптомов. В ребенке живет грех, отравляющий его природу, только он еще не проявляется в виде сознательных действий, хотя некоторые из святых отцов и замечали у детей в самом раннем возрасте такие страсти, как злоба и ревность. Поэтому крещение названо вторым рождением. Здесь действует искупительная сила страданий Христа; вне ее очищение невозможно. Люди, исповедующие другие религии, не имеют средств ко спасению. За добрые дела они могут получить от Бога некие дары, а умершие младенцы – некое утешение, но они не получают Самого Бога. Поэтому спасение вне Церкви невозможно. Однако в раю и в аду обитателей много, и каждый получит по своим делам.

Дама спросила:

– Но почему Господь не дал жизнь неродившимся младенцам и не послал миссионеров для проповеди к тем, кто так и не узнал Христа?

Духовник ответил:

– Потому, что они, очевидно, не были способны воспринять евангельское благовестие⁸. Крещение стало бы для таких людей еще большим поводом к осуждению. Евангелие не было

⁶ «Не может» — это очень условно: для Бога нет ничего невозможного. Просто этот дар, дар свободы, по замыслу Божию, является неотъемлемым.

⁷ Ср.: Пс. 50, 7.

⁸ Речь идет о неродившихся младенцах и о тех, кто не услышал в своей жизни проповеди о Христе.

проповедано там, где, как предвидел Господь, не было ни одного человека, который мог бы спастись.

Часть 6

Прошло время. Дама снова пришла к духовнику для беседы.

– Принимаете гостей? – спросила она.

Духовник ответил:

– Для гостей у меня времени нет. Но, если вы пришли за духовной помощью, я всегда готов принять вас.

Дама спросила:

– Как принимаете: с радостью, как новорожденное дитя для Бога, или с досадой, потому что неугомонная старуха успела вам надоесть?

Духовник ответил:

– Мои эмоции в данном случае – дело второстепенное. Почему вас не устраивает мысль, что я принимаю вас по своему долгу? Если бы ко мне пришел мужчина, то он интересовался бы тем, что я скажу, а женщине не менее интересно, как я скажу. Ей важен не только ответ, но еще тон и выражение лица.

Дама сказала:

– У вас, наверное, есть в этом отношении солидный опыт. Но все-таки вы должны заметить, что, несмотря на мои маленькие капризы, я вас внимательно слушаю.

Духовник возразил:

– Между «слушаю» и «слушаюсь» есть разница. Первое видно сразу, а второе открывается впоследствии.

Дама сказала:

– Я хочу сделать вам сюрприз. Я все-таки начинаю понемногу слушаться вас, то есть внутренне соглашаюсь с вами: по вашему совету, я читала книги Владимира Соловьева^{XI}, Флоренского^{XII}, Булгакова^{XIII}, а также блаженного Августина. Блаженный Августин пленил меня своей речью, некоторые из его изречений ослепительны, как свет молнии. Но читать его подряд мне трудно. Он своей масштабностью закрывает от меня самого себя: представьте, я стою перед горой, но не могу видеть ее целиком, потому что она огромна. Я пытаюсь рассмотреть ее с разных сторон, но передо мной всё выступы и глыбы этого колосса. Или скажу по-другому: я хочу рассмотреть картину, написанную на широком полотне, но мой взгляд не может охватить ее, и я устаю от величия картины. Я схватываю только фрагменты личности блаженного Августина, а его творения куда-то уплывают от меня. Для меня остается наиболее близкой его «Исповедь». Но я чувствую, что его переживания, рожденные любовью к Богу, недоступны для меня. Эти гимны я воспринимаю скорее как вдохновенную музыку или как красоту слова. Редко, когда в одном человеке сочетаются поэт и философ, когда из одних уст звучат задушевная лирика и строгий, даже суровый ригоризм. Мне кажется, что блаженного Августина плохо понимают и потому недооценивают наши современники: они читают его другими глазами – такими же, как мои. Поэтому я думаю, что к блаженному Августину должна вернуться позже, уже пройдя несколько вех духовного пути.

Духовник ответил:

– Творения Августина находятся на стыке духовного и душевного. В них созерцание соприкасается с эмоциями, словно два электрических провода высокого напряжения коснулись друг друга, и от них посыпался каскад ослепительных искр. Я хотел бы сказать, что вы не столько почувствовали, сколько предчувствовали Августина. И лучше на время действительно оставить его в покое, вернее, себя в покое от него.

Дама продолжала:

– Я прочитала Флоренского – то, что смогла достать. Я и так не считаю себя достаточно воцерковленной, а книга «Столп и утверждение истины»^{XIV} отбросила меня назад, в мир моей прежней жизни. Я увидела в ней христианство и Церковь в какой-то далекой перспективе, и Церковь мне показалась похожей не на наш храм, а на античное здание с

колоннами. Мне показалось, что в этой Церкви никто не молится, а в ее дворах ходят философы, одетые в тоги, и горячо о чем-то беседуют и спорят, указывая пальцами куда-то в пустое небо. В этой книге нет тепла, в ней холод мрамора, на котором высечены какие-то таинственные знаки. Впрочем, я испытала чувство некоторого поэтического наслаждения, словно читаю не теодицею^{XV} богослова, а стихи Брюсова^{XVI} или мистерии Пшибышевского^{XVII}. Эта книга источает тонкий запах оккультизма. Я давно распрощалась с декадансом^{XVIII} в поэзии, а теперь неожиданно для себя встретила с ним в богословии. Флоренский поражает своей эрудицией, но в то же время она ничего не поясняет, а подавляет читателя. Ученость Флоренского похожа на ученость средневекового алхимика, которая выросла из магии.

Духовник спросил:

– Вы знаете, что Флоренский в свое время писал стихи?

Дама ответила:

– Я его стихов не читала, но полагаю, что они внешне безукоризненны, как стихи Готье^{XIX}, и похожи на вырезанные из камня надгробия – красивые и никому не нужные.

Духовник спросил:

– А как вам нравится его учение о Софии^{XX}?

Дама ответила:

– В молодости я посещала теософский^{XXI} кружок Николая Ломидзе. Там мы занимались чтением оккультной литературы, различных руководств по йоге и устраивали спиритические сеансы. Затем я стала ходить в церковь и, сравнивая состояние, которое испытывала прежде на спиритических сеансах, – состояние погружения в демоническую мистику, похожего на игру с огнем, состояние наполняющее душу несбыточными мечтами, а сердце тайной гордыней, – и то, что я ощущала в храме, пришла к выводу, что надо порвать с прежними друзьями, как разрывают знаменем креста заколдованный круг. Поэтому я и пришла к вам, как ребенок, но только отравленный ядом, который он принимал в течение нескольких лет. Вы спрашивали меня, слушалась ли я, исполняла ли то, что вы говорили. Внешне слушалась, носила камушек во рту, исполняла молитвенное правило, но внутри беспрерывно протестовала против учения Церкви. В то же время я понимала, что это – искушение, что во мне говорит старая теософская закваска. Знаю, что мои сомнения – это волны, которые выплескивает на поверхность души море той языческой лжи, в которой я жила.

Духовник сказал:

– К этому надо добавить и то, о чем вы умолчали. В вас восстают не только прежние теософские представления и идеи, но еще и ваши страсти, которым очень хотелось бы оправдать себя через теософию. Мой друг, священнослужитель, рассказывал, что в детстве читал Шиллера^{XXII} и Гете^{XXIII}, а в юности увлекся символистами^{XXIV}, акмеистами^{XXV} и прочей декадентской гнилью. Потом он понял, что все это лишь магия слов, явления демонизма, и обратился к Церкви. Он принял монашество, и перед ним открылся мир другой, чистой красоты. Он говорил, что совершенно забыл то, что читал раньше, и любил повторять слова одного средневекового философа: «Бог по Своему могуществу может уничтожить прошлое так, как если бы его не существовало». Но затем он впал в какое-то искушение, начал возражать своему духовному отцу и нарушал молитвенное правило. Однажды, нерадиво помолвившись, он приготовился ко сну и вдруг, к своему удивлению, обнаружил, что в его душе стали звучать стихи, которые он читал когда-то, будто открылись шлюзы памяти и муть потекла из них. Он исповедал это своему духовнику, покаялся в непослушании и стал более внимательно относиться к своей внутренней жизни.

Прошло некоторое время, и эти воспоминания снова исчезли, словно облако, развеянное ветром, как тают утром ночные тени.

Прошло еще некоторое время, и ему на глаза попала какая-то заумная философская книга. Он стал читать ее, сам не зная зачем, и повторилось то же искушение. Неожиданно ему вспомнилась оперная ария, притом не какая-нибудь серьезная, а из «Севильского цирюльника». Какая связь между антологией немецкой философии и «Севильским цирюльником» – трудно определить, но, думаю, причина одна: молитва ослабла, благодать

отошла, око ума опустилось от Бога к земле, и вскрылись раны, которые казались уже зарубцевавшимися.

Я полагаю, что после Страшного Суда Господь уничтожит греховное прошлое у спасенных, а пока благодать только скрывает грехи человека.

Дама спросила:

– Случайно вы и ваш друг не одно и то же лицо?

Духовник ответил:

– Нет. У меня с юности отвращение к философии «нового времени», особенно к немецкой, что-то вроде аллергии: до головной боли и тошноты. Я предпочту «Севильского цирюльника» Фихте^{XXVI} или Гегелю^{XXVII}, так что в этом отношении вы можете быть спокойны.

Дама сказала:

– Простите, что я задаю не относящиеся к делу вопросы, но ведь я все-таки женщина, и поэтому вы должны быть снисходительны ко мне. Женщина, даже когда исповедуется перед духовником, старается заглянуть в его душу, интуитивно увидеть его, «высветить» его внутреннюю жизнь и захватить его в свое эмоциональное поле. Женщина может многое не понять, но она компенсирует это за счет какого-то внутреннего чутья. Даже задавая метафизические вопросы, она исследует своего собеседника; придя к врачу, женщина готова подсказывать ему рецепты, а затем, если представится случай, лечить его. Поэтому учтите мой комплекс, чтобы затем не обращать на него внимания.

Теперь возвращаюсь к вашему вопросу, как я отношусь к учению Флоренского о Софии. Скажу откровенно, я не понимаю этого учения и даже не попыталась понять его. Но помню, когда я посещала теософский кружок, наш руководитель устраивал чтения, после которых давал свои пояснения и комментарии по поводу прочитанного; у него специально были выписаны цитаты из древних гностиков. Ломидзе, так была его фамилия, владел немецким языком и некоторые исследования, в том числе переводы с греческого на немецкий, вторично переводил на русский. Когда он читал выдержки из гностических трактатов, мне было скучно. Из вежливости я делала вид, что слушаю, то есть старалась не слушать. Мне все это казалось какой-то мрачной фантазией, игрой огромных мертвых теней. Но эти тени падали не сверху вниз, а снизу вверх и застилали небо. Некоторые из присутствовавших на таких лекциях выражали свое восхищение и говорили о том, что гностики^{XXVIII} интеллектуально намного выше христианских писателей. Они говорили, что гностики Валентин^{XXIX} и Василид^{XXX} – я уже не помню других имен – это гении, которые будут поняты в будущем. Однако мне в это время было тоскливо. С той поры я смутно запомнила учение о Софии. Я спросила как-то свою подругу: что же, в конце концов, София? Она ответила:

– Скажу тебе по секрету, это – женский бог, и служить ему должны не мужчины, а мы, женщины; у Софии должны быть не священники, а жрицы.

Эти слова для меня звучали как шутка, но подруга говорила об этом с вдохновением, даже глаза ее горели каким-то странным, «кошачьим» блеском. Когда я читала Флоренского, то мне попадалось имя «София», и вспоминались слова моей подруги: «София – это женский бог, который в будущем откроет себя миру», – слова, произнесенные с революционным пафосом. Я никогда не была феминисткой, как некоторые женщины из моего круга. Феминизм внушал мне чувство отвращения. В древности скифские племена сооружали около дорог изваяния – высеченные из каменных глыб человеческие фигуры; они состояли из туловища и головы, но рук и лица у них не было. Нельзя было разобрать, мужчина это или женщина; их называли «каменные бабы». Феминизм представлялся мне производством каменных баб. Женщины хотели сравняться с мужчинами и превращались в какие-то грубые, бесформенные существа. Теряя женскую красоту, они не получали мужской силы; теряя тонкость и изящество души, они не приобретали широты мужского рассудка. Феминистки, которые демонстративно подчеркивали свое равенство с мужчинами тем, что ездили на велосипедах по улице с папирсой в зубах, казались мне предательницами женского

достоинства, какими-то живыми карикатурами. Поэтому я предпочитала пропускать те страницы у Флоренского, где говорилось о Софии.

Духовник заметил:

– Многие из наших современников имели ложные, пошлые представления о христианстве. Им внушалось, что христианство – религия рабов и детей, что в нравственном отношении – это попрание человеческого достоинства, бегство от трудностей и борьбы в ирреальный мир, что в интеллектуальном плане – это скудоумие и обскурантизм. Не верующим из-за незнания людям, обманутым атеистической пропагандой книги Флоренского, отца Сергия Булгакова и других философов-богословов могут принести пользу – перевернуть прежние представления о христианстве и Церкви и послужить поворотным пунктом в их духовной жизни. Эти книги могут показать нашим современникам, что они были просто-напросто бессовестно обмануты, открыть им глаза и указать, что соединение с Богом в вечности является главной задачей и смыслом человеческой жизни. Для неверующих эти книги могут стать первыми шагами ко Христу, а для верующих, напротив, шагами от Христа, к языческому магизму или к рационалистической философии.

Духовник продолжал:

– Одна женщина вашего круга задала мне вопрос: «Почему книги Владимира Соловьева и его последователей, в частности Флоренского, обладают более притягательной силой, богатством идей и образов, чем книги ортодоксальных богословов; почему интеллигенция, особенно молодежь, читает их с большей охотой?». Я ответил ей: «Потому, что они более созвучны нашему времени, периоду духовного кризиса, когда, как на изломе, обнаруживаются слои пород. Ощущается тоска по потерянному, желание найти и вернуть его, и в то же время – какой-то духовный паралич, стремление заменить подвиг рассуждениями, тайну – знанием, а духовность – оккультизмом. Множественность и яркость идей и образов говорят о том, что человек в поиске; он еще не нашел и не обрел искомого, а когда найдет, то все ненужное отпадает. Но эта концентрация на главном является не потерей, а приобретением и результатом. Движение духа, его жизнь и действие труднее передать через слово, чем состояние души и ее эмоциональные перепады. Душа как бы раскрывается в гамме ярких цветов. Дух источает тихий свет. Голос духа можно услышать, только прислушиваясь к нему в безмолвии. Для человека, не включенного в жизнь Церкви, не пережившего встречу с благодатью, описание этого состояния, этой встречи может остаться непонятным. Не испытав ее, он не найдет внутреннего созвучия с тем, что будет читать в духовных книгах; они могут показаться ему однообразными и даже бесцветными. Приведу такой пример: самая красивая панорама открывается с середины высокой горы, а кто поднялся до вершины, тот видит перед собой только небо и снега. Флоренский, Булгаков и другие остановились на перепутье, на полдороге. В их произведениях нет духа, в них сублимация земной красоты и напряженность интеллектуального поиска, да еще пряный привкус языческого магизма».

Дама призналась:

– На самом деле, прочитав Флоренского, я хорошо поняла для себя только одно: что мне его можно было бы и не читать. Что касается Владимира Соловьева, то он бездарный поэт; в этом я кое-что смыслю. Это не язык поэзии, а какая-то рифмованная нудь. Наиболее удачны несколько его эпиграмм, но в них проявляется не добродушная ирония и даже не мужской сарказм, а какая-то женская мстительность, как будто он хихикает от удовольствия, что может уколоть своего собрата. Я не смогла прочитать его философских трактатов, но в ответах своим оппонентам он прибегает к софистическим уверткам и иезуитским хитростям. Я прочла его повесть «Три разговора»^{XXXI}. Из всех действующих лиц только генерал показался мне православным христианином, а дипломат – неверующим болтуном. Что касается третьей части, об антихристе, то это такой же суррогат и подделка, как рассказы Льва Толстого на патериковые сюжеты.

Духовник сказал:

– Если бы вы могли прочитать его философские произведения, то увидели бы в ранних смесь христианства с буддизмом, а в последующих – Православия с католицизмом. Это тип

интеллекта-униата^{xxxii}, в котором нет ничего цельного. Он чем-то напоминает Григория Сковороду^{xxxiii}, но только больного алкоголизмом, странствующего не по просторам Украины, а по дачам своих друзей.

Дама заметила:

– Вот вы и написали эпиграмму на Владимира Соловьева.

Духовник ответил:

– Это, скорее, эпитафия, но все-таки не забудем главной цели нашей беседы: начните читать великих отцов Церкви, а затем поделитесь со мной своими впечатлениями.

Часть 7

Через некоторое время дама снова пришла к духовнику и сказала:

– В прошлый раз вы предупредили, что не принимаете гостей, теперь я пришла по делу, поэтому примите меня не как гостью, а как делового человека.

Духовник ответил:

– Со злопамятностью надо бороться. Я рад вашему приходу, так как давно ждал его.

Дама сказала:

– Я не могла оторваться от беседы с Иоанном Златоустом^{xxxiv} и поэтому задержалась. В святоотеческих книгах, особенно в творениях святого Иоанна Златоуста, я открыла новый мир. Не понимаю, как я могла слышать имена святых Григория Богослова^{xxxv}, Иоанна Златоуста и не раскрыть хотя бы из любопытства их книги. Это какое-то необъяснимое искушение нашего времени – искать истину где-то на стороне и не желать знать, что сокровище находится близ тебя. В Евангелии есть слова: *Из Назарета может ли быть что доброе?*⁹, а у современной интеллигенции комплекс: способны ли что-нибудь великое создать христианские богословы? Это какое-то ослепление, а для нашего сословия – родовая болезнь. Еще менее я понимаю тех, кто после творений Иоанна Златоуста может читать йога Рамачараку^{xxxvi} или после Григория Богослова – сантименты Франциска Ассизского^{xxxvii}.

Духовник заметил:

– Богословие великих каппадокийцев и Иоанна Златоуста созерцательное. Их мысль проникает в глубину предмета и явления, задерживается на них, будто желая исчерпать все содержимое. Поэтому речь этих отцов настолько насыщена смыслом, что может показаться тяжеловесной, а мысль настолько глубока, что не схватывается сразу. Этот стиль их мышления отражен в слове. Они пребывали в молитвенном созерцании, и, чтобы понять их, надо учиться молитве. Их фразы имеют определенную структуру, не вполне соответствующую современному языку. Надо через жизнь по Богу изменить свое мышление, сделать его более глубоким, и тогда удастся преодолеть языковой барьер. Мы хотим, чтобы было написано кратко и легко, чтобы схватить все сразу, на лету и не особенно утруждать себя, читая книгу; а здесь нужны концентрация ума и, я бы сказал, чтение как творческий процесс.

Дама кивнула:

– Если я правильно поняла вас, то эти творения надо читать медленно, как медленно поднимаешься в гору. Но у меня было нечто другое: я была охвачена восторгом, и когда читала Иоанна Златоуста, то мне хотелось вскочить с места и аплодировать ему. Мне думается, в храме, где он проповедовал, его речь так же прерывалась аплодисментами. Когда я читала его, то мне казалось, что он видит мою душу насквозь и именно ко мне обращается своими огненными словами. Каким же глубоким мистическим опытом он должен был обладать, чтобы так открывать людям их душевные глубины, причем людям с разными характерами, с разным образом жизни. Я всегда любила красоту языка, но слово «красноречие» имело для меня негативный смысл, мне представлялось, что речь идет о чем-то искусственном и поверхностном – о подмене красоты красотой. А теперь я вижу, что красноречие – это прежде всего умение глубоко мыслить и облекать свои мысли в образы, яркие и незабываемые, которые доходят до глубины души и навсегда запечатлеваются в

⁹ Ср.: Ин. 1, 46.

сердце. После Иоанна Златоуста слово «красноречие» стало звучать для меня как «прекрасноречие».

Духовник сказал:

– Творения святого Иоанна Златоуста – это сокровищница, в которой каждый, будь то монах или мирянин, найдет свое. Помню, мне одолжили том Иоанна Златоуста «Толкование на Книгу Бытия». Эта книга так поразила меня, что мне захотелось прочитать ее своим родным и друзьям. Они слушали меня с напряженным вниманием и говорили: «Да, хорошо написано...», но никто из них не сказал: «Прочти еще». Я понял, что о духовном можно говорить только с тем, кто ищет духовного.

Дама продолжила:

– Я читала святых Василия Великого и Григория Богослова, но Иоанн Златоуст – это что-то особенное. Мне представляется ночная гроза: вспышки молний озаряют огромные пространства, словно вырывая их на мгновение из непроницаемой тьмы. Так, благодаря творениям Иоанна Златоуста, я увидела тайники собственной души и неведомые для меня глубины Священного Писания.

Затем она спросила:

– Что вы мне посоветуете прочитать до следующей нашей встречи?

Духовник ответил:

– Читайте святого Иоанна Златоуста. Нужно несколько лет, чтобы прочитать его творения внимательно, вдумываясь в каждую фразу. А параллельно возьмите сочинения Василия Великого и Григория Богослова. Они все написаны одним духом, словно лучом, преломленным через трехгранную призму. Святитель Василий – это прежде всего архиерей. Все его творения связаны с духовными запросами и повседневными нуждами его паствы. Он живет жизнью Церкви и стоит пред Богом за свой народ. Он освящает свою паству через богослужение и слово. Кажется, что он писал свои творения в самом храме после литургии. Когда он пишет толкования на книги Священного Писания, когда обличает еретиков, когда составляет свои проповеди, то кажется, что у него одно желание – воцерковить весь мир, что он стоит у престола, как на вершине Синая, созерцая духовным взглядом вселенную.

У святителя Иоанна Златоуста – вырывающееся из страниц пламя, а у Василия Великого – спокойный и ровный свет.

Дама призналась:

– Я не визионер^{xxxviii}, но когда читала Златоуста, то мне иногда казалось, что я вижу вулкан, по склонам которого течет не лава, а расплавленное золото.

Духовник сказал:

– Все-таки слишком не поддавайтесь эмоциям, а то еще подумаете, что, как на крыльях, взлетели на высоту Иоанна. Мне кажется, что ваше вдохновение в какой-то мере обуславливается красотой его слога и вы забываете о том, что в своих творениях Иоанн Златоуст обращается к вам. Поэтому прежде всего постарайтесь понять, что на каждой странице он требует, просит и ожидает от вас.

Дама спросила:

– Вы советуете мне, прочитав несколько фраз Иоанна, подумать, что я могу извлечь из них для себя?

Духовник ответил:

– Примите слова Иоанна Златоуста как благословение и наставление. Тогда вы будете находить в его творениях с каждым разом все новое и новое. А то есть опасность, что вы воспримете творения Златоуста как прекрасную поэму, воспримете одним чувством, без участия воли. А если вы примете его как духовного отца, слова которого надо исполнять, то сама ваша жизнь может стать поэмой.

Дама сказала:

– Благодарю.

На этом беседа закончилась.

Часть 8

Прошло несколько месяцев. Дама снова пришла к духовнику.

– Вы не заняты? – спросила она.

Духовник ответил:

– Разве может христианин быть не занят? Ведь перед ним огромное поле, которое он должен очищать от колючек и сорняков, иначе они могут задушить и погубить плодоносные деревья.

Дама сказала:

– Я не знала, что у вас есть загородный участок. Мне казалось, что вы почти не выезжаете из города. Как хорошо побыть хотя бы несколько часов в неделю наедине с природой! Когда я была еще девочкой, мы жили в деревне, и когда я видела вспаханную землю, мне почему-то хотелось лечь на нее, прильнуть к ней лицом и вдыхать ее теплый запах. Кажется, я до сих пор ощущаю мягкие комья земли, нагретые солнцем. Как радовалась я ребенком цветам в поле, деревьям, с опущенными к земле ветвями, словно протянутыми к ней руками! С каким жадным интересом смотрела на разноцветных жучков, которые ползали по стенам дома, на бабочек, с крыльями, похожими на узорчатые китайские веера, на муравьев, хлопотливо бегающих около своего жилища! Я помню крик кукушки, который мы, дети, старались повторить, играя друг с другом. Мне казалось, что птенцы, зверьки и маленькая букашка имеют свой язык, подобный человеческому, на котором беседуют друг с другом, что какого-нибудь жучка встретят дома его дети и будут расспрашивать, что он делал в этот день, и он расскажет, с каких цветков взял нектар, как его хотела проглотить какая-то страшная птица, но он успел скрыться от нее под зеленым листом.

Уже много лет я не могу выехать из города. Большинство моих подруг и родственников уже умерли, с другими наши пути разошлись. Я рада, что вы имеете возможность уйти от городского шума, как из заводского цеха, грохочущего металлом, где люди куют цепи для собственной души.

Духовник пояснил:

– Поле – мое сердце, колючки – мои страсти, сорняки – ненужные заботы и разговоры, постоянно заглушающие молитву. Тут вряд ли отдохнешь.

Дама сказала:

– Вы не перебивали меня, возможно, потому, что вместе со мной хотели помечтать о природе.

Духовник ответил:

– Да. Я помню, как во время войны мама повезла меня в деревню, недалеко от которой находился лес. Это казалось мне сказкой наяву. Сумрак леса наполнял мою душу какими-то странными предчувствиями, будто я вошел в мир неведомой тайны. Некоторые явления ребенок чувствует глубже и тоньше; затем с годами эта способность притупляется и почти исчезает.

Дама сказала:

– Вы правы. Духовный мир ближе ребенку, и чем младше он, тем более живо и непосредственно чувствует его. В раннем детстве, когда мне было четыре или три годика и родители оставляли меня одну, я ощущала, что в комнате присутствуют какие-то невидимые духовные существа, что я не одна. Не знаю, видела ли я в реальности эти силы или нет, но память об этом непонятном общении остается у меня и поныне, хотя сегодня и видится мне в других измерениях, более плоских и грубых. Но, что характерно, я, будучи ребенком, чувствовала, что соприкасаюсь с тайной, однако никогда не говорила об этом моим родителям, словно мне было велено молчать.

Духовник заметил:

– Очищение сердца от страстей дает возможность мистически переживать подобные состояния. Помните слова Спасителя: *будьте как дети*¹⁰. Обычно здесь подразумевают

¹⁰ Ср.: Мф. 18, 3.

детское незлобие, доверчивость и всепрощение. Но мне кажется, что в словах *как дети* содержится еще один смысл: упростите себя, будьте непосредственны, очищайте свою душу от скверны страстей и греха, которые по природе чужды душе, чтобы к вам вернулись мистическое знание Бога и видение мира.

Дама сказала:

– Я прихожу к вам, чтобы через вас лучше разобраться в самой себе, однако я предпочла бы, чтобы вы не читали ни одной светской книги и даже не занимались бы богословием. Я принимаю ваши слова и советы, но видите, я спорю с вами, а иногда по своей старой привычке перехожу на язык шуток. А если бы вы занимались одной Иисусовой молитвой и отвечали на мои вопросы только несколькими словами, например: «Твои сомнения от диавола», то я, признаюсь, с большим благоговением слушала бы вас. Я уважаю вас и считаю более опытным, чем я сама, и только. Возможно, вы читали книги для того, чтобы помочь таким, как я. Но знайте, вы ошиблись. В наше время немощным и гордым многознайкам помогают не слова, не подробные объяснения, а сила молитвы. Если я решусь на настоящее послушание, то буду искать простого, но умудренного молитвой старца, а вы останетесь для меня только интересным собеседником.

Духовник ответил:

– Вы считаете, что я читал книг больше, чем нужно, в ущерб молитве. Но может быть и другое: у меня не было решимости и твердости для подвига молитвы, и я решил компенсировать это чтением книг. Вы очень любезно напомнили мне, что знание – это внешнее, а мудрость – внутреннее состояние. Вам известно значение слова «игло»? Это длинная палка с иглой, которой колют быка, когда он уклоняется от борозды. Поэтому вы захотели – за что я вам благодарен, – сыграв на моей гордости, погнать меня от внешнего к внутреннему, чтобы я не отстал от старцев-простецов, которых вы хвалите, но почему-то не попытались найти.

Дама сказала:

– Я хотела спросить вас о многом, но вопросы как будто выпорхнули и улетели из моей памяти. К тому же мне кажется, что я своей откровенностью неумышленно обидела вас и вы в глубине души недовольны мной, как учитель непоседливой школьницей, которая не может спокойно сидеть за партой, а постоянно вертится по сторонам и нарушает тишину. Но все-таки разрешите мне через некоторое время снова навестить вас.

Духовник ответил:

– Знайте, что я рад вашему приходу и никакой обиды в душе не имею.

Дама сказала:

– В таком случае, доставлю вам вторую радость тем, что ухожу. До свиданья.

Часть 9

Через некоторое время дама снова пришла к духовнику и сказала:

– Я продолжала читать Василия Великого и Григория Богослова. Но знаете, я читаю выборочно: то, что касается догматических вопросов и полемики с еретиками, я просто-напросто пропускаю. Больше всего в творениях Василия Великого мне понравились подвижнические слова в вопросах и ответах. Там описана духовная жизнь очень ясно, четко и просто. Каждая мысль имеет точное словесное выражение.

Духовник заметил:

– Прибавьте к этому, что каждая мысль у Василия Великого завершена. Он пишет с исчерпывающей полнотой, проникает в самую сущность предмета. Когда читаешь святого Василия, то кажется, что сказать по-другому нельзя. Сила его мысли и слова таковы, что у человека не возникает сомнения в истинности его ответов. Недаром святого Василия сравнивают с апостолами Христовыми.

Дама сказала:

– Когда я читаю Иоанна Златоуста, то передо мной словно предстает картина гор, прорезанных глубокими оврагами и пропастями, в которых не видно дна. А творения святого Василия Великого представляются мне широкой долиной, покрытой густыми колосьями

золотистой пшеницы. Когда я читаю Иоанна Златоуста, то мне кажется, что он находится в самой гуще битвы, а когда читаю Василия Великого, то он видится мне как полководец, который, сохраняя спокойствие, наблюдает за боем и отдает приказания своему войску. Он не сражается сам, а стоит на возвышении, в отдалении, но в то же время присутствует на каждом участке боя, точно держит поле битвы в своей руке.

Духовник согласился:

– У нас близкие ассоциации. Когда я читал Василия Великого, то мне казалось, что я смотрю в необъятный простор неба. Мысль Василия Великого не так стремительна, как у Иоанна Златоуста; блеск его слов не так ослепителен, но он старается исчерпать до конца тот предмет, на который упал его мысленный взор.

Дама сказала:

– Я начала читать святого Григория Богослова и сразу же была пленена образом его речи. Я хоть немного, но знакома с литературой, однако подобной ювелирной работы над каждой фразой не встречала нигде. Мне кажется, что его произведения овеяны какой-то тихой, задумчивой грустью. Даже его ирония, тонкая, как линия, проведенная тушью на миниатюре, не вызывает улыбки, а только оттеняет и углубляет его мысль. Он поэт, но другого склада, нежели блаженный Августин.

Духовник ответил:

– Святой Григорий Назианзин не раскрывает мир эмоций и переживаний в своих стихах, как другие поэты. Но он вводит читателя в мир своих философских размышлений, по форме похожих на элегии. Только вдруг оказывается, что это мистические созерцания, как бы спрятанные от мира под внешним покровом поэзии. Если говорить языком Дионисия Ареопагита^{XXXIX}, то стихи Григория Богослова похожи на светящийся полумрак – здесь мрак тайны и свет прозрения. У древних римлян была поговорка: «Рим сказал – спор кончен». А здесь можно несколько переиначить ее: «Григорий сказал – истина стала бесспорной».

Дама заторопилась:

– Я случайно посмотрела на часы и заметила, что уже поздно. Прощайте.

Часть 10

Через несколько недель разговор возобновился.

Дама сказала:

– В молодости я любила поэзию и часто называла ее «магией слов». Она вводит человека в какое-то особенное состояние, похожее на транс. Поэзия, как и музыка, обращена к эмоциональным глубинам души человека. При этом рассудок погружается в дремоту, словно видит сны наяву. Музыка и поэзия пленяют и захватывают человека и в то же время раскрывают лежащие под сознанием пласты его души – мир чувств и страстей. Особенно я чувствовала это в поэзии символистов; но если бы меня спросили о содержании их стихов, то я не смогла бы пересказать их: там только волны, которые поднимаются из недр души и снова исчезают, а наш рассудок лишь кораблик, качающийся на этих волнах. Я бросила читать стихи еще до прихода в Церковь именно потому, что боялась слишком увлечься ими и погрузиться в темную стихию собственной души. Я хотела, чтобы мой рассудок и воля оставались свободными.

Духовник выразил недоумение:

– Странное дело, что женщина предпочитает рассудок чувству...

Дама сказала:

– Тогда позвольте мне быть откровенной с вами. Как вы знаете, я происхожу из старого дворянского рода. В молодости у меня было много поклонников, но я отвергла их. Тогда я была еще далека от веры, хотя традиционно и считала себя православной, и отвергла своих поклонников скорее всего из-за гордости, так как считала их недостойными моей любви. Затем, после революции, для меня начался период испытаний. Некоторые из моих подруг вышли замуж, чтобы скрыть свое происхождение. Я не захотела сделать этого и не вступила в брак, который был бы обусловлен расчетом или страхом.

Впоследствии я познакомилась с одним человеком, моим тогдашним сослуживцем, который влюбился в меня. Он просил, чтобы я вышла за него замуж, и всячески старался в чем-нибудь помочь мне. Он был очень порядочным человеком и умным, хотя и немногословным собеседником. Я не любила, но уважала его. Позднее я узнала, что на меня, как на бывшую дворянку, был донос, который мог окончиться арестом со всеми его последствиями, однако этот человек, пользуясь своим положением, защитил меня. Он несколько раз делал мне предложение, я отвечала отказом, но он не изменил своего отношения ко мне. Я не хотела иметь семью, чтобы не потерять свободу. К тому же этот человек был евреем, а во мне говорило мое сословное чувство; кроме того, я была очевидицей той роли в революции, которую сыграло еврейство. Об этом мне не хочется говорить. Расскажу вам только об одном случае, может быть, самом трагичном в моей жизни.

Накануне революции мой отец был контужен и ранен на фронте. Несколько месяцев он находился в лазарете. Мы с матерью переехали в то местечко, где был расположен лазарет, и почти все время пребывали в палате, где лежал отец. Там же находились другие раненые. Германская война сменилась войной гражданской. И вот я помню день, когда у меня было особенно тяжело на сердце. Я сидела около постели отца, судорожно сжимая его руку, и тихо плакала. Я ни о чем не думала, но боль, как тяжелый камень, давила мне грудь. Шел дождь. Тучи заволокли небо и словно опустились к самой земле. Струи дождя стекали по стеклам, как слезы. Окна были похожи на огромные глаза, потухшие от горя. Мне казалось, что небо, одетое в траур, плачет вместе со мной. Вдруг послышались топот сапог и брань, в палату вошло несколько вооруженных человек, среди них – женщины. Они сказали, что по приказу комиссара находящиеся в лазарете офицеры переводятся в другой пункт. Нас выгнали во двор. Отца и еще нескольких человек вынесли на руках и бросили в телегу, как бросают дрова. Я поняла, что их увозят на расстрел, и потеряла сознание. Что было с отцом дальше – для меня осталось неизвестным: расстреляли его, закололи штыками, пожалев пули, или вместе с другими офицерами закопали живьем в могиле... Я не узнала фамилии того комиссара. Нам посоветовали скорее скрыться. В то время большинство комиссаров было из евреев, да и другие не уступали им в жестокости. Я считала, что, согласившись на такое замужество, в чем-то изменю памяти моего отца. Так прошла моя жизнь, я не вступила в брак, и надо сказать, что не жалею об этом.

Духовник спросил:

– Вы прощаете убийц вашего отца?

Дама ответила:

– У меня и тогда не было ненависти к ним. Я считала унижением для себя ненавидеть подонков; ненавидеть можно равных. Они же были недостойны ненависти, я просто презирала их, как мерзость. А теперь, придя к Богу, прощаю их, как несчастных, обманутых людей.

Духовник спросил:

– А вы встречали среди революционеров людей нравственных?

Дама ответила:

– Я встречала отважных, самоотверженных, но не видела ни одного правдивого. Даже в лучших из них действовал комплекс лжи и насилия. У всех у них иезуитская мораль – добиться победы любыми средствами, а во имя чего – они сами хорошо не понимали. Но и этих немногих «идеалистов от революции» ждал неминуемый конец. Последующие волны революции уничтожили их, как «врагов».

Духовник спросил:

– Вы считаете, что остатки совести у революционеров – это их ахиллесова пята?

Дама ответила:

– Я плохо знаю мифологию. Вообще, мне трудно вспоминать эти годы, как трудно утром вспоминать кошмарный сон.

Духовник заметил:

– Я не знаю, куда зашел наш разговор, как будто мы с вами потеряли дорогу и пошли по каким-то тропинкам. Почему вы вдруг заговорили о поэзии?

Дама ответила:

– Чтобы вы лучше поняли меня. У меня была старая подруга Нина Козловская, воспитанная приблизительно в той же среде, что и я. Она родилась в Тбилиси, ее отец занимал какой-то высокий пост в Министерстве путей сообщения. Козловская страстно любила книги и писала довольно сносные стихи, была необычайно скромной, если можно так сказать, аскетичной. Она преподавала историю и всецело отдавала себя людям, так что для учеников была самым любимым педагогом. Казалось, что в жизни каждого повстречавшегося с ней человека Нина должна была принять участие. Личной жизни для нее как будто не существовало. Ее семьей были друзья и ученики. Она представлялась воплощением скромности и душевной чистоты. Может быть, это и было так. Но когда Нина начинала читать свои стихи, то я видела перед собой совершенно другого человека. Будучи девушкой, она описывала любовные сцены так, как будто сама пережила их. При этом в ее стихах звучал грубый натурализм. «Что это такое – жертва ради искусства?» – думала я. Какая-то странная игра: обычно блудницы играют в целомудренных, а она, будучи девушкой, в своих стихах играла в блудницу. Однажды я спросила: «Нина, скажи, наконец, кто ты: монахиня в миру или женщина, опьяненная страстью?». Она ответила: «Поэзия отравила мою душу. Я сама не знаю, кто я. При людях я весталка, притом не только внешне, но и в своем сердце. А когда начинаю писать стихи, то превращаюсь в вакханку. Я чувствую себя медиумом каких-то сил, которые подсказывают мне то, что я не испытывала никогда». И она повторила то, о чем я уже говорила: «Поэзия – это магия, которая как бы выводит заклятиями призраки из глубин нашей души».

Это было еще одной из причин, почему я бросила читать когда-то любимые мной стихи символистов и вообще стала сдержанно относиться к искусству.

Духовник спросил:

– Почему же вы спрашивали меня при первых встречах о том, в чем убедились сами?

Дама ответила:

– Не думайте, что я хотела испытать вас. Я желала убедиться в понятом мной еще больше. Ведь вы сами говорили, что и зажившие раны долго болят.

Духовник сказал:

– Мы начали беседу с Григория Богослова, а неожиданно очутились в компании Бальмонта^{XL} и Блока^{XLI}.

Дама ответила:

– Неприятная компания, что и говорить, да еще когда рядом с ними Бодлер^{XLII} и Верлен^{XLIII}. Парижская богема совсем портит настроение. Разрешите продолжить разговор в следующий раз.

Духовник сказал:

– Охотно разрешаю.

Дама ответила:

– В этом вы всегда с готовностью идете мне навстречу.

Часть 11

Через месяц дама пришла снова. Она сказала:

– Прежде всего я должна попросить у вас прощения за ложь, которую повторяю каждый раз при встрече с вами. Я говорю, что пришла на минуту, а эта «минута» растягивается на несколько часов. Поэтому будьте откровенны со мной, скажите прямо: «Время истекло» – и считайте визит оконченным.

Духовник ответил:

– Ваши слова напомнили мне правило тибетского этикета, вернее, приема посетителей у Далай-ламы^{XLIV}: человек должен успеть в течение трех минут изложить суть своей проблемы и после того, как получит ответ от Далай-ламы, быстро покинуть приемный зал. Если он

промедлит, то двое слуг Далай-ламы, стоящих с бичами в руках, начинают хлестать его по спине.

Как вы знаете, я принципиально против теософских заимствований из других религий, но мне иногда кажется, что этот обычай, как исключение, хорошо бы перенять у тибетцев нашим духовникам, попадающим в словесную ловушку. Впрочем, вы понимаете, что я говорю не о вас, а о людях, которые ежедневно надоедают священникам вопросами: «Что значит сон, который приснился этой ночью?» или «На каком базаре лучше купить продукты?» и т.п.

Дама ответила:

– Благодарю вас за такую лестную ассоциацию, но позвольте воспользоваться тем, что у вас пока нет тибетца с бичом, и спокойно поговорить с вами. Впрочем, я думаю, что на Тибет отправляться не стоит; можно при желании выбрать послушницу, которая будет, не хуже тибетца, выпроваживать гостей, забывших о времени в вашей келии.

Духовник заметил:

– Как я знаю, в дворянском обществе считалось неприличным сразу с порога говорить о деле. Надо было вначале обменяться любезностями, расспросить о здоровье, вспомнить о погоде, а потом уже сказать, зачем ты пришел, так что я вполне удовлетворен вашим вступлением и внимательно слушаю вас.

Дама продолжила:

– В прошлый раз мы начали разговор о святом Григории Богослове. Я сказала, что его творения – это особый род поэзии, который не возбуждает эмоций, не наполняет душу образами и картинками, и в то же время это не поэзия рассудка, если таковая вообще может существовать. Вы заметили, что это поэзия мистических созерцаний. Я хотела сопоставить поэзию святого Григория с мирской лирикой, чтобы лучше понять их коренное различие. И тут какая-то волна захватила меня и увлекла куда-то в сторону: я вспомнила то прошлое и безвозвратно ушедшее, которое хотела бы забыть. Способность забывать – великое благо; это дар не меньший, чем способность помнить.

Духовник ответил:

– Вы говорили, что больше всего из духовных писателей полюбили Иоанна Златоуста. Я так же считаю, что его толкование на Евангелие от Матфея лучшее из того, что мне приходилось читать после Священного Писания. Иоанн Златоуст проникнут евангельским духом; его слова исходят из глубины его души, и потому они проникают в глубину души тех, кто читает его творения. Они подобны лучу, идущему от сердца к сердцу. Иоанн Златоуст даже в поздних произведениях сохранил этот огонь, присущий молодости. Он весь в порыве, весь в борьбе, весь в духовном полете. А святой Григорий Богослов даже в ранних своих творениях кажется умудренным годами старцем. Для него жить – значит размышлять и созерцать. Поэтому его поэзия – это не музыка чувств, не философия медитирующего^{XLV} рассудка, а именно созерцание, язык духа, но окрашенный задумчивой скорбью его души. Эта тихая грусть о бренности мира может звучать как элегия.

Вы отметили законченность и совершенство каждой фразы святого Григория Богослова. Вместе с тем язык его очень лаконичен, если можно так выразиться: в нем больше мысли, чем слов, в нем нет лишних украшений, но – красота созерцания. В языке Григория есть еще одна драгоценная черта – это осторожность. Он знает пределы человеческого ведения именно потому, что достиг их. Он умеет вовремя остановить полет крылатых коней, которые возносят ум его, как пророка Илию, к небесам. Он будто говорит: здесь граница, а остальное мы узнаем в вечности.

Дама сказала:

– Я вспомнила миф об Икаре, который приблизился к солнцу и, опаленный его жаром, упал, разбившись о землю. У него не было мудрости Григория.

Духовник ответил:

– Участь Икара – это участь еретиков, которые, понадеявшись на свои силы, на проницательность и мощь своего рассудка, хотели сравняться с ангельскими умами в

познании Бога. Они поверили в грезы своего интеллекта и впали в заблуждение – в область духовной смерти.

Дама сказала:

– Святой Григорий напоминает мне ювелира, который оттачивает свои слова, как грани алмаза. В стихах святого Григория отсутствует рифма. Мне кажется, что рифма сама по себе дает душе некое наслаждение и затемняет сознание; человек ожидает гармонии и симметрии звуков и отдается им. А у святого Григория место рифмы занимает гармония не звуков, а мысли. У него в его сокровенных созерцаниях существуют какие-то внутренние параллели и симметрии, но, что это такое, я не могу понять. В святом Григории живет великий поэт, однако его стихи невозможно исследовать посредством филологического анализа. Они, как живые существа, не поддаются анализу, или, говоря по-иному, стихи Григория похожи на цветы мимозы, на которые можно смотреть на расстоянии, не прикасаясь рукой.

Духовник ответил:

– Чтобы понять стихи святителя Григория, надо в молитве подражать ему. Я забыл предупредить вас, что перед чтением святых отцов надо обязательно помолиться и попросить самого святого отца помочь понять его слово.

Дама спросила:

– Три вселенских учителя и три великих каппадокийца – это одно и то же?

Духовник ответил:

– Нет. В число вселенских учителей входит святой Иоанн Златоуст не каппадокиец, а сирийский грек, а в числе трех каппадокийцев, кроме Василия Великого и Григория Богослова, – второй Григорий, епископ города Ниссы^{XLVI}, брат Василия Великого.

Дама спросила:

– А нужно ли мне прочесть книги Григория Нисского? Я думаю, что у сына Николая Ломидзе они обязательно будут.

Духовник ответил:

– Не советую. Но если бы даже я порекомендовал вам его труды, то вы все равно не смогли бы «разгрызть» этот «твердый орешек», несмотря на ваше светское образование и дар схватывать на лету мысль своего собеседника. У вас все-таки «молочные зубы». Григорий Нисский, по сравнению со своим братом Василием, более философ, чем богослов, и в то же время мистик. Однако если мистика Василия Великого опиралась на созерцания и проверялась богословием, то у его брата она ищет опору для своего выражения в философии. Она не соединена с философией, а переплетена с ней, как переплетены нити в одном клубке. Это огромный корабль с неисправным рулем, который делает на своем пути неожиданные повороты и зигзаги. Язык у Григория Нисского тяжелый и громоздкий, фразы его перегружены, в них недостает внутренней гармонии, которая соединила бы разнородные части в одно целое. Его оригинальность, в сущности говоря, представляет собой зависимость от античных философов. Для святых отцов поздненикейского периода философия является служанкой богословия. Для Григория Нисского она подруга богословия, и потому случается, что уводит его от дороги куда-то в лес. Мистическое чувство Григория Нисского, не пройдя через тесноту аскезы, как у его великого брата, получает неточную интерпретацию. И все-таки, несмотря на это, он является самым крупным христианским философом, и по страницам его книг рассыпаны глубокие, блестящие мысли, только надо уметь отделить их от примеси платонизма^{XLVII}.

Очень сильное впечатление производит его толкование «Песни песней» Соломона. На этот труд опирались все позднейшие экзегеты^{XLVIII} и комментаторы Библии. Но язык его толкований сам нуждается в комментариях, чтобы быть понятым. Каждая фраза похожа на лестницу, по которой с трудом поднимаешься вверх. В нем нет мудрой осторожности Григория Богослова, который подсказывает, где граница, которую нельзя переступить.

Философия хочет объять и понять все. Там, где останавливается Григорий Богослов, начинает строить свои интеллектуальные гипотезы и предположения Григорий Нисский. Философский плащ Григория Нисского шит из дорогой материи, но он порван в нескольких местах, и дыры залатаны другим материалом, взятым у античных рационалистов. Или

скажем по-другому: там, где Григорий Богослов созерцает Божественные тайны, Григорий Нисский предполагает, то есть рассуждает, облекая свои догадки в философские категории.

Дама попросила:

– Можете не продолжать, я уже достаточно напугана. Что вы посоветуете мне читать после Григория Богослова?

Духовник ответил:

– Я хотел бы предложить вам поучения преподобного аввы Дорофея^{XLIX}. Но он говорит о послушании и отсечении своей воли, на что вы не способны, и для вас его книга может показаться непонятной, как египетские иероглифы.

Дама сказала:

– А вы будьте для меня Шампольоном^L, который расшифровал иероглифы.

Духовник ответил:

– Здесь дело не в понимании, а в самом духе. Вы не настолько разуверились в себе, чтобы понять силу послушания как восьмого таинства^{L1}. Впрочем, надо сказать, что в настоящее время нет тех духоносных старцев, перед которыми человек мог бы не размышляя отсечь свою волю. Теперь нет ни Досифеев, ни Дорофеев^{L1}, а только крохи со стола послушания. Впрочем, к книге аввы Дорофея вы можете вернуться несколько позже, когда при свете благодати увидите свою собственную болезнь.

Дама сказала:

– Мне кажется, что я все-таки вижу свою греховность и ишу в Церкви исцеления.

Духовник ответил:

– Вы видите только верхушку своей греховности, а корни скрыты от вас. Благодать Божия открывает человеку, что все грехи мира таятся в его душе, и что нет греха, которого при определенных обстоятельствах он не мог бы совершить, и что только благодать Божия, словно рукой, удерживает его над бездной.

Сейчас вам кажется, образно говоря, что вам надо вылечиться, простите, от сыпи на теле, однако затем вы увидите, что ваша болезнь – проказа, а свою душу усмотрите прокаженной, источающей гной и смрад. Но, чтобы увидеть в себе падение всего человечества, нужна та степень благодати, которой вы не достигли и которая укрепляла бы вас в надежде на Бога. Если бы вы теперь увидели себя такой, какая вы есть на самом деле, то впали бы в уныние и не захотели жить.

Дама сказала:

– Действительно, я не могу представить себя хуже Иуды или Саломеи^{LII}. Но все-таки, какую книгу посоветуете вы мне прочитать теперь?

Духовник ответил:

– Попробуйте почитать Иоанна Лествичника^{LIII}, но если с самого начала увидите, что эта книга чужда вам, то закройте и отложите ее в сторону.

Часть 12

В следующий раз дама пришла к духовнику и спросила:

– Вы соскучились без меня?

Духовник ответил:

– Откровенно говоря, нет.

Дама сказала:

– Разумеется, это ваше личное дело. Я думаю, что правда без любви немногим лучше, чем любовь без правды. Вы бы могли все-таки поинтересоваться, жива я или нет.

Духовник ответил:

– Я не соскучился без вас, потому что посещал вас, притом ежедневно: посещал, поминая ваше имя в своей молитве. Значит, я духовно встречался с вами; беседа по сравнению с молитвой – это нечто внешнее.

^{L1} В Церкви существует семь Таинств. Однако иногда «восьмым таинством» именуют монашество, а иногда, как это делает отец Рафаил,— послушание.

Дама сказала:

– Я как раз и пришла поговорить с вами о молитве. В прошлый раз вы сказали, что лучше всего изложено учение об Иисусовой молитве в Евангелии. Я нашла там указание о молитве Спасителя, но подробного изложения этой молитвы не обнаружила.

Духовник ответил:

– Это имя звучит в каждой строке Евангелия. Все Евангелие основано на имени Иисуса Христа, так как имя означает личность. Все Евангелие вмещается в слова: «Иисус Христос, Сын Божий, пришедший спасти мир». А Иисусова молитва – это те же слова, только обращенные в молитве к Богу душой, поверившей, что Иисус – ее Спаситель.

Дама спросила:

– Значит, Евангелие и имя Иисуса Христа – это одно и то же?

Духовник ответил:

– Евангелие – имя Иисуса Христа, открытое миру. А Иисусова молитва – Евангелие, сжатое до восьми слов. Евангелие учит Иисусовой молитве, изменяя сердце человека, делая его способным к восприятию имени Иисуса Христа. Ведь молитва – это не только повторение слов, но уподобление Тому, Кому молишься.

Дама спросила:

– Евангелие начинается родословием Иисуса Христа, списком имен, которые мало о чем говорят мне. Какое отношение имеют к Иисусовой молитве библейские имена от Авраама до Иосифа? Откровенно говоря, читая Евангелие, я пропускаю их.

Духовник ответил:

– В этих именах заключена, как бы «закодирована» история Ветхого Завета – основы Евангелия. Это имена людей, которые жили надеждой, что Мессия придет на землю. Они верили в Иисуса Христа, возвещенного пророками. Это список тех, кто приготовлял мир к принятию Спасителя. Читая их имена, вы в духовном плане соприкасаетесь с ними, и если произносите имена со вниманием и благоговением, то они молятся о вас, чтобы имя Иисуса Христа открылось вашему сердцу. Если бы вы обладали мистическим зрением, то эти имена показали бы вам драгоценными камнями. Когда вы читаете Библию, то, возможно, вы чувствуете, что в этой книге написано: «До пришествия Христа уже пребывал Христос». Наша душа обладает большей силой, чем рассудок. Это врожденные знания и способность общаться с духовным миром хотя бы в глубине нашей души, в той области, которую теперь принято называть подсознанием. Если вы будете читать эти имена так, как читаете молитву, то они оживут для вас, перестанут быть мертвым списком, войдут в вашу жизнь. Эти имена – плач земли о потерянном рае и свет надежды, это та избранная ветвь, на которой расцвел небесный цветок в Вифлееме.

Дама сказала:

– Я не подумала об этом.

Духовник заметил:

– Вы должны были знать, что в Евангелии нет ни одного ненужного слова, так как Евангелие написано Духом Святым.

Дама спросила:

– Может быть, каждый день читать родословную по Матфею и Луке за то, что я их раньше пропускала?

Духовник ответил:

– Лучше руководствоваться Уставом Церкви и благословенным вам правилом. Читайте, как и читаете, – каждый день одну главу Евангелия, две главы Апостола и две кафизмы. Только в будущем не пропускайте ничего из Евангелия. Считайте, что все Евангелие написано для вас, обращено к вам и каждое его слово необходимо для вашего спасения.

Дама спросила:

– А как быть с Иисусовой молитвой?

Духовник ответил:

– После утренних и вечерних молитв читайте Иисусову молитву по тридцать минут, а днем – сколько сможете.

Дама спросила:

– Утренние и вечерние молитвы я привыкла читать вслух, а как быть с Иисусовой молитвой?

Духовник ответил:

– Если вы одна, то читайте вслух, негромко и неспешно, сосредотачивая ум в словах молитвы. А если рядом с вами кто-нибудь есть, то читайте ее про себя.

Дама сказала:

– У меня до сих пор нет четок. В нашем кругу было принято считать, что четки – это принадлежность монаха, как бы часть монашеского одеяния, и мирским людям так же нельзя взять в руки четки, как надеть на плечи монашескую мантию.

Духовник ответил:

– Это один из предрассудков нашего времени. Четки имеют целью включить новоначальных в делание Иисусовой молитвы, напоминать о ней; они точно колокольчик на руке, только беззвучный. Кроме того, человек, не знающий грамоты или находящийся в пути, может заменить каноны и кафизмы определенным числом Иисусовых молитв по четкам. Как раз у древних монахов четок не было, так как они молились постоянно. Молитва с призыванием имени Божия была у них непрерывной, как дыхание. По-другому четки называются лестницей, то есть лестницей, которая возводит душу человека ввысь, при этом каждый узелок четок является ступенью. Поэтому четки больше нужны нам, новоначальным. Раньше у каждого христианина были четки, но этот обычай стал забываться. И, если вы теперь появитесь с четками, ваши знакомые будут надоедать вопросами, не приняли ли вы монашество, а если приняли, то когда и от кого. Если вы все-таки хотите иметь четки, то молитесь по ним у себя дома, а затем снимайте и кладите у икон. Но знайте, что четки требуют от человека молитвы и на Страшном Суде могут обличить вас.

Дама спросила:

– Вы считаете, что за мое нерадение диавол может моими же четками отхлестать меня?

Духовник ответил:

– Это его дело. Он в отличие от вас не будет советоваться со мной. Но каждое благословение и каждая святыня налагают на человека определенную обязанность. Господь сказал: «Кто близ Меня, тот близ огня». Я даю вам четки по вашей просьбе, а вы смотрите, чтобы они не покрылись пылью.

Дама спросила:

– Как мне начинать молиться?

Духовник ответил:

– Первая молитва для мирян – это призывание Святой Троицы. Осените себя крестным знаменем со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Затем скажите: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь». После добавьте несколько слов от себя, например: «Господи, научи меня молиться», «Господи, помоги мне молиться», «Господи, даруй мне молитву». Потом читайте начальные молитвы от *Царю Небесный* до *Отче Наш* и после этого не спеша произносите Иисусову молитву, стараясь соединить ум с каждым словом. Если ваша мысль отвлечется от молитвы, то возвращайте ее назад, как мать тянет за руку слишком резвого ребенка.

Дама продолжила:

– Иисусова молитва, как вы знаете, для меня не внове. Я уже занимаюсь ею, вернее, пытаюсь заниматься. Вначале молиться было легко. Я удивлялась, как люди могут жить без внутренней молитвы, если можно так сказать, я наслаждалась ею. Но затем моя душа стала охладевать. Собственное сердце показалось мне каменным дном, по которому недавно струился ручеек, а теперь стал оскудевать и исчезать. Проходили целые недели, а я даже не вспоминала о молитве. Потом начинала снова молиться, но помыслы, как рой жужжащих ос, кружились над моей головой. Затем стали возникать какие-то странные искушения: люди, словно сговорившись друг с другом, восстали против меня. Я начала замечать какие-то

нелепые мысли, иногда припадки необъяснимого раздражения. Я знала, что Иисусова молитва несет человеческой душе мир и покой; а тут я точно пробудила какие-то темные силы, живущие не то в моем сердце, не то вне меня, и они вступили в борьбу со мной. Я чувствовала, что дьявольские мысли смешиваются с моими: например, я иду по улице мимо магазина, и вдруг какой-то голос говорит мне: «Возьми камень и разбей витрину». Я задаю себе вопрос: нормальная ли я? Или: при виде машины у меня возникает желание, чтобы она потеряла управление и раздавила меня, и тогда все кончится, а что кончится – не понимаю сама. Так случалось несколько раз. Я начинала Иисусову молитву и забывала ее или в страхе перед искушениями отступала от нее. Может быть, теперь дело пойдет лучше.

Духовник ответил:

– Вы читали Иисусову молитву, а жили как язычница.

Дама спросила:

– Как это понять? Я уже давно начала ходить в церковь.

Духовник сказал:

– Вы исповедовались в том, что увлекались теософией и участвовали в спиритических сеансах?

Дама ответила:

– Я исповедовалась в своих грехах, но теософию считала исканием истины. А на спиритических сеансах я присутствовала, потому что там были мои друзья. Серьезного значения я этим сеансам не придавала, но надо сказать, что чувствовала себя после них отвратительно. Уже тогда я интуитивно поняла, что здесь таится какая-то роковая опасность.

Духовник сказал:

– Если вы не исповедовались в этом, то те силы, которые говорили через теософов и показывали «чудеса» на спиритических сеансах, продолжали свободно действовать на вас. Хоть вы и успели выскочить из болота, но грязь, оставшаяся на вас, могла быть очищена только покаянием и благодатью Божией. К тому же вы оставались язычницей, продолжая увлекаться светскими романами и поэзией, которые были вашей второй жизнью. Поэтому в вашем сердце не могла пребывать Иисусова молитва. Господь дал вам ее, как новообращенной, а затем открылись старые раны. Не Иисусова молитва, а противоречие между церковной жизнью и той, которую вы еще вели, создали в вашем сердце внутренний конфликт, который мог окончиться тяжелым нервным потрясением.

Дама ответила:

– Я уже бросила читать светскую литературу. А что касается теософии и спиритизма, то примите мой рассказ как исповедь и простите мне эти грехи. Теперь скажите, с чего мне начать. Какое руководство предложите вы для Иисусовой молитвы?

Духовник сказал:

– Сначала я прочитаю разрешительную молитву, а епитимьей для вас пусть будет запрещение читать светские романы и вообще ту литературу, которая возбуждает страсти или воспоминания о прошлом.

Дама уточнила:

– В таком случае скажите прямо, что вы запрещаете мне читать все светские книги.

Духовник ответил:

– Если вы хотите серьезно заняться Иисусовой молитвой, то да. Ведь чтение – это мысленное проникновение в душевный мир героев книг и сопереживание им. Поэтому, если вы с чувствами Джульетты, или леди Макбет, или Кармен, которые еще не изгладились из памяти вашей души, начнете произносить имя Иисуса Христа, то повторится уже пережитая вами история. Поэтому я своим запрещением предохраняю вас.

Дама спросила:

– А как быть тем, чья работа сопряжена с чтением и переработкой большого количества информации, – они должны отказаться от Иисусовой молитвы?

Духовник ответил:

– Вряд ли кому-то для работы необходимо чтение романов, кроме редакторов и преподавателей литературы. Но они читают по долгу, с другой внутренней установкой. А вы

читали по страсти и удовлетворяли через эти романы страстные порывы собственной души, которые были внешне заторможены в вашей жизни. Вы реализовывали в них то, что стыдились совершать на деле.

Дама сказала:

– Когда я начала читать духовную литературу, то мирская стала мне неинтересна. Недавно я случайно взяла книгу одного писателя, которого раньше читала запоем, и что же? Теперь его рассказы показались мне скучными и фальшивыми. Перелистав десяток страниц, я захлопнула книгу.

Духовник заметил:

– Помните, что старые болезни легко возвращаются и даже зарубцевавшиеся раны могут открыться снова. Во всяком случае, соблюдайте осторожность.

Дама спросила:

– Какую книгу об Иисусовой молитве вы благословите мне прочитать?

Духовник ответил:

– «Лествицу» преподобного Иоанна, игумена Синайского.

Дама сказала:

– Благодарю. Когда к вам можно прийти в следующий раз?

Духовник ответил:

– Тогда, когда это будет нужно.

Часть 13

Через некоторое время дама пришла к духовнику и сказала:

– Иоанн Лествичник открыл передо мной неведомый для меня мир. Это целая энциклопедия духовной жизни: читая книгу, я радовалась, что нашла в ней разрешение многих вопросов, вернее, слова Иоанна предваряли мои вопросы. И в то же время я глубоко скорбела, что годы моей жизни прошли даром и мне уже скоро надо будет идти в последний путь. Хотя я стараюсь отогнать воспоминания о прочитанных мною прежде мирских книгах, но слова одного из забытых мной стихотворений звучат в моем сердце:

Если бы молодость знала,

Если бы старость могла.

Мне хочется пройти духовную жизнь и испытать то, о чем пишет Иоанн Лествичник. У меня не было семьи, и я похожа на вдову, никогда не имевшую мужа. Но теперь думаю, что причиной этому была моя лень: я просто хотела избежать лишних забот. А теперь горько сожалею, что прошла мимо самого главного: я провела время в мечтах, и даже когда говорила о Боге и о духовной жизни, то не понимала, о чем я говорю. Моя жизнь началась с того момента, когда я пришла в Церковь. Но и в то время мой внутренний духовный мир был скрыт от меня. Иоанн Лествичник указал мне путь, похожий на поле боя: это поле – внутри человеческого сердца, но я уже немощна и стара.

Духовник ответил:

– В вас опять говорит гордость. Вы думаете, что если бы вам было подарено несколько десятков лет жизни, то вы исполнили бы все, что написано в «Лествице». Благодарите Бога за то, что вы не стали хуже, чем есть. Главное, что вы пришли в Церковь, в который час своей жизни – вы не знаете, но даже если это последний час, то Господь обещает вам мзду за труды наравне с теми, кто трудился в Его винограднике с самого рассвета¹².

Дама спросила:

– Вы говорите искренно или утешаете меня?

Духовник ответил:

– Главное – положить начало, и если смерть застанет вас на пути к Господу, то благодать Божия восполнит недостающее. Вся вечность – это путь к Богу, который начинается здесь, на земле, в сердце человека, и не кончается никогда.

Дама сказала:

¹² См.: Мф. 20, 1–16.

– «Лествица» – какая-то особенная книга.

Духовник пояснил:

– В ней изложен опыт древнего монашества, и она несет в себе силу благодати. У меня в жизни был тяжелый период, я попал в положение, которое казалось мне безвыходным (это было еще в миру, до моего пострига), и тогда мне больше всего помогли две книги: Псалтирь и «Лествица» преподобного Иоанна. Когда я читал ее, то скорбь и мучительное сомнение исчезали, в душе водворялись мир и покой. Прочту лишь несколько страниц этой книги и чувствую, что я не покинут Богом, что настоящая беда – это не переживать внешнее испытание, а оставаться чуждым Богу среди видимого благополучия. Эта книга учит, что истинная жизнь и счастье – в самом человеческом сердце, а остальное – только условие, как бы футляр жизни.

Дама спросила:

– А могу ли я принять иночество?

Духовник ответил:

– Многие принимали иночество перед смертью. Здесь главное не годы, а расположение духа. Но сначала вам надо найти духовного руководителя, который сам прошел этот путь и был бы по возрасту не моложе вас.

Дама спросила:

– Разве имеет значение возраст старца?

Духовник ответил:

– Для того чтобы руководить в духовной жизни другими, нужен непосредственный опыт, а также обуздание собственных страстей. Говорить о духовной жизни и чувствовать по благодати Божией, что именно нужно для другой души, – это не одно и то же. Нужно время, чтобы молодое вино перебродило.

Дама сказала:

– Пока вино перебродит, я могу уже умереть и лежать в могиле.

Духовник ответил:

– Поэтому ищите теперь не собеседника, а старца.

Дама сказала:

– Вы так же злопамятны, как и я.

Духовник продолжил:

– Только остерегайтесь двух видов современного лжестарчества.

Дама спросила:

– Каких?

Духовник ответил:

– Младостарцев и старомладов.

Дама спросила:

– А кто из них лучше?

Духовник ответил:

– Вы знаете, надо было бы спросить иначе: «Кто хуже?», ибо одни стоят других. Предпочтительнее выбрать себе старца из монастырских монахов, или хотя бы того, кому довелось пройти монастырскую школу, или, в крайнем случае, старого священника, опытного в духовной жизни.

Дама задумалась:

– А вино от времени не прокисает?

Духовник ответил:

– А вы попробуйте его на вкус.

Дама удивилась:

– Что это значит?

Духовник пояснил:

– Ведь вы читали Иоанна Лествичника, припомните, что он пишет. Сначала надо «искусить», то есть испытать старца, узнать его духовное направление, православие и опытность. Искать старца надо с молитвой, чтобы Господь открыл, указал его. Хорошо, если

наша душа сама открывается перед старцем так, что мы можем все рассказать ему, обнажить перед ним тайники своего сердца и памяти. Не надо искать в старце особых духовных даров – таких, как прозорливость или чудотворение, достаточно, чтобы он был молитвенником о вас. Есть монашеская поговорка: «Не ищи прозорливого, а ищи благочестивого».

Дама спросила:

– А какие свойства характера несовместимы со старчеством?

Духовник ответил:

– Постоянная ложь, позерство и внешняя помпа, которая обличает страсть тщеславия; излишняя строгость, которая может надломить душу, и излишняя ласковость, которая может расслабить ее и перевести отношения со старцем на душевный уровень; внешнее кичливое многознание и увлеченность общественной деятельностью; незнание Евангелия и творений святых отцов, аскетики; погруженность в мирские дела и житейские попечения, заполняющие все время; безразличие к внутренней жизни своих духовных чад и, конечно, советы, несогласные с духом Евангелия и святоотеческими наставлениями.

Обычно мы говорим об обновленчестве, реформаторстве как о церковном явлении, проявляющемся преимущественно в канонике и литургике. Но может быть и монашеское обновленчество; это жизнь, в которой доминирует внешнее, жизнь, несогласная с обетами монашества, что, однако, считается не слабостью, а новыми нормами и стилем жизни.

Более терпимым недостатком является раздражительность, но и она показывает, что человек рано взял на себя подвиг – носить тяготы других. Однако иногда старцы гневаются на своих духовных чад, в том числе и в воспитательных целях.

Дама спросила:

– А какой недостаток в духовном отце был бы особенно вреден для меня?

Духовник ответил:

– Если бы он вместо святых отцов цитировал светских писателей или философов.

Дама подытожила:

– Мне кажется, что если суммировать все, сказанное вами, то получится: «Ищите старца, православного по вере и православного по жизни».

Духовник ответил:

– В общем, согласен с вами, но еще следует, решая вопрос о выборе старца, посоветоваться с более опытными в духовной жизни, чем вы, людьми!

Дама поклонилась:

– Позвольте попрощаться по-монашески. Простите и благословите.

Часть 14

Через короткое время дама снова пришла к духовнику и сказала:

– Я продолжаю читать Иоанна Лествичника, и кажется, что никогда не кончу этой книги, то есть никогда не отложу ее в сторону со словами: «Я изучила «Лествицу», теперь мне все стало понятно».

Духовник посоветовал:

– Просите Иоанна Лествичника, чтобы он помог вам найти духовного отца.

Дама спросила:

– А как я узнаю, что именно на этого священника указал мне преподобный? Может, здесь будут говорить мои собственные эмоции и представления? Вы же знаете, как я эмоциональна...

Духовник ответил:

– Эмоции и духовные чувства отличаются друг от друга. Эмоции не дают сердцу ощущения мира, им всегда сопутствует какое-то смутное волнение, какая-то неуверенность, желание видеть себя иным, нежели есть на самом деле, то есть воображение. Если ваши эмоции, а не духовное чувство укажут вам, кого выбрать духовным отцом, то сердце в глубине своей останется беспокойным, хотя, может быть, настроение и будет восторженным. И еще одно: духовное чувство не оставляет места сомнению в том, что именно этот человек будет вашим духовным отцом; оно помогает возложить надежду на Бога и все предать в Его

волю. А душевное чувство спешит; оно будто говорит: «Проси его быть твоим наставником скорее, в эту же минуту, а то потом будет поздно». Душевное чувство тянет и толкает человека, подгоняет, словно коня кнутом, а духовное чувство открывает человеку, кто должен быть его духовным отцом, открывает как несомненную очевидность, но предоставляет остальное Промыслу Божию. Человек просто и без сомнения видит, что это – его духовный отец. Подобное может произойти после исповеди, после нескольких бесед, когда душа почувствует: если она откроется этому священнику, то он поймет ее, как понимают свою собственную душу.

Дама заметила:

– Здесь имеют место какие-то мистические созвучия.

Духовник ответил:

– Возможно, под этими словами вы подразумеваете сродство душ; с этим я согласен. Но, кроме того, для наставника необходим опыт, который дает духовную мудрость и благодать: он должен стяжать их жизнью по Евангелию.

Дама спросила:

– А есть ли разница в руководстве мужчиной и женщиной? То есть какая разница в отношениях старца с духовным сыном и духовной дочерью?

Духовник ответил:

– Для духовного сына полезно часто посещать своего наставника и, если возможно, жить около него. А для духовной дочери полезно посещать духовного отца изредка, тщательно готовиться к каждой встрече, обдумывать заранее вопросы, которые она хочет задать ему, и не задерживаться у него дольше, чем нужно. Иначе может последовать снижение ее духовной жизни. Сначала она потеряет благоговение к своему наставнику, затем разовьется привязанность, и в общении будет все меньше духовного и все больше мирского. Дело может окончиться пристрастием и дойти до истеричной ревности. Поэтому в отношениях духовной дочери с наставником существует определенная опасность, которую можно уменьшить, контролируя свои мысли и чувства, а также без нужды не вступая с ним в беседу. Быть близ духовного отца – это значит помнить его слова, исполнять его благословения, а не смотреть постоянно на его обрамленное бородой лицо.

Дама заметила:

– Мне более шестидесяти лет, поэтому ваши опасения напрасны.

Духовник возразил:

– Во-первых, я ответил на ваш вопрос, вовсе не имея в виду лично вас. Во-вторых, возраст «более шестидесяти лет» относится к вашему телу, но не к душе, в которой с течением лет страсти не умирают, а только начинают проявляться по-иному.

Дама согласилась:

– Вы правы, женская душа остается той же, и потому непрменный атрибут женщины – зеркало. Даже собираясь к духовнику, она сначала посмотрит на себя в зеркало со всех сторон.

Затем она продолжила:

– Я послушалась вашего совета и побеседовала с одним иеромонахом, который когда-то в молодости жил в монастыре. Я хотела задать ему несколько вопросов о духовной жизни, однако он как будто не понял, чего я хочу, и вместо ответа стал с какой-то злобой осуждать своих братьев. У меня было такое чувство, что я нахожусь с человеком, больным эпилепсией, и вот-вот с ним начнется припадок. Я стала возражать ему и убеждать, что он ошибается. Но он вдруг выкатил на меня глаза и закричал каким-то женским фальцетом, похожим на визг: «Тебя подослали ко мне!». Моей первой мыслью было, что он ударит меня. Я не знала, что делать, бежать или успокаивать его. На мое счастье, его позвали на какую-то потребу. Я кратко помолилась и крадучись вышла из храма, боясь, чтобы он не окликнул и не остановил меня. Свечница вышла вслед за мной во двор и сказала: «Не принимайте этого близко к сердцу. В молодости он поскользнулся на льду, ушиб голову и получил сотрясение мозга. У него случаются подобные нервные срывы, иногда они продолжаются долго, а иногда прекращаются сразу. Может быть, у него переменялось настроение и вы вернетесь?».

Я ответила: «Пусть другая посетительница застанет его в хорошем настроении. А я уже получила ответ и спешу домой».

Духовник сказал:

– Монашество – это не просто уединение, а жестокая борьба с невидимыми силами. Монах постоянно несет на себе огромную тяжесть. В древние века рыцари надевали на себя кольчугу из металлических колец или поверх рубахи – железные латы. Современный человек едва ли смог бы поднять такое одеяние, но и рыцарям нужна была предварительная подготовка, которой они занимались с самого детства. Монашеское одеяние похоже на тяжелые рыцарские доспехи. Оно защищает монаха в его невидимой духовной битве, но под его тяжестью может надломиться неопытный, слабый и необученный монашескому искусству человек. Монах приобретает опыт главным образом через послушание своему старцу. Непослушный монах имеет помраченную душу, и страсти его не уменьшаются, а усиливаются. Поэтому у него бывает какой-то выплеск внутренней мути, с чем вы и столкнулись.

Однако есть еще одна опасность. В XX веке резко возросло число душевнобольных, притом сумасшествие приобрело новые, стертые формы. Оно проявляется спорадически, и люди долгое время не могут понять, что имеют дело с душевнобольным. Если такой человек принимает монашество, то его болезнь не только не уменьшается, но и обостряется. Духовная борьба становится для него невыносимой. Это состояние может перейти в то демоническое оболечение, которое на святоотеческом языке называется прелестью, или превратиться в явное безумие, или же остаться хронической болезнью, которая по временам то скрывается, то проявляется. Если человек в таком состоянии берется руководить другими, то тяжесть еще больше усугубляется, и, что самое страшное, его ненормальное психическое состояние запечатлевается в душах его чад, как будто в них проникает невидимый микроб безумия. Часто душевнобольной человек не понимает своего состояния, а так как психические сдвиги почти всегда связаны с гордостью, то он охотно берется руководить другими. Душевная болезнь должна вызвать сострадание, но о серьезном духовном руководстве здесь не может быть и речи. Это все равно что лечь на операцию под нож пьяного хирурга.

Дама спросила:

– А почему же таких людей допускают к духовничеству?

Духовник ответил:

– Их никто не благословлял на духовничество. Они самовольно берут на себя этот подвиг, не спрашивая ни у кого. К сожалению, у нас стерлось различие между священником и старцем, и очень многие священники думают, что достаточно иерейской хиротонии, чтобы выступать в роли старца.

Дама сказала:

– Благодарю за беседу. На прощание скажите мне что-нибудь об Иисусовой молитве.

Духовник ответил:

– Важно само отношение к Иисусовой молитве, если можно так сказать, ваша психологическая установка. Чтобы приобрести Иисусову молитву, надо научиться считать ее самым главным делом своей жизни, а остальное – второстепенным, что старые монахи называли поделием. Если же вы отведете Иисусовой молитве другое, не подходящее ей место, то будете звать, но не будете услышаны. Лучших слов, чем имя Иисуса Христа, на человеческом языке не существует. Поэтому занятие даже необходимым и неотложным делом считайте потерей и старайтесь само дело соединить с Иисусовой молитвой. Мой старец говорил мне, что чтение святоотеческих книг ниже Иисусовой молитвы. Особенно первое время, когда вы навываете молитве, старайтесь преимущественно читать книги о молитве, например Исихия пресвитера^{LIV} или Григория Синаита^{LV}. И то читайте в меру, пока вам не захочется молиться. Тогда спокойно отложите книгу и внимайте молитве. Когда она

начнет иссякать, можете или перевести ее на волевою молитву¹³, или же продолжить читать поучение святого отца.

Дама сказала:

– Если я вас правильно поняла, то для Иисусовой молитвы необходимо оградить себя от внешних впечатлений, не прикасаться к старым ранам, отгонять помыслы, как, я помню, однажды на лесной даче своей подруги целый вечер отгоняла веером комаров. Надо перед началом молитвы просить у Бога благословения на молитву и стараться произносить ее, особенно имя Иисуса Христа, с благоговением.

Духовник ответил:

– Не назначайте сроков, когда, по вашему мнению, вы сможете добиться успехов в Иисусовой молитве, но скажите себе, что ради Господа готовы всю жизнь трудиться над ней в надежде, что Бог дарует ее вам хотя бы перед смертью. А теперь продолжайте искать наставника, который, помимо иных необходимых качеств, имел бы еще седую бороду.

Дама сказала:

– Несколько лет тому назад я забегала в Дидубийскую церковь^{LVI}, чтобы услышать хотя бы несколько слов от митрополита Мелхиседека^{LVII}. Он был очень умным человеком и простым в обращении. Но когда его избрали патриархом, такие встречи стали для меня невозможными. Однако простите, что я задержалась на пороге.

Духовник заключил:

– Продолжайте искать старца. Может быть, он скрывается от мира, но ваше сердце откроет его вам. Желаю вам успеха.

Часть 15

Через несколько дней дама пришла к духовнику и стала жаловаться, что ее снова постигла неудача. В церкви она услышала об одном протоиерее, который проповедует о духовном христианстве и рассказывает о разных чудесах, произошедших в его жизни. Дама заинтересовалась этим человеком, и, хотя прежний теософский опыт отбил у нее охоту к сверхъестественным феноменам, она подумала, что ведь в самом христианстве есть явления духовных сил и откровения невидимого мира. Вот ее рассказ.

– Может быть, этот священник обладает особыми харизмами, и было бы обидно пройти мимо человека, наделенного духовными дарованиями и живущего рядом с нами, подумала я. И пошла в церковь, где он служил. Литургия уже закончилась, но народ долго не расходился. Люди, собравшись группами, о чем-то оживленно беседовали между собой. Как я поняла, здесь шла речь о новом чуде. У какого-то мальчика на спине появились письмена на неизвестном алфавите, хотя некоторые подозревали, что это просто сыпь. Священник собирался заснять спину ребенка, а фотографии показывать прихожанам. Но, кажется, мать запротестовала, сказав, что он простужен и надо отложить снимки до тех пор, пока он выздоровеет.

Наконец храм опустел, и я попросила священника уделить мне несколько минут. Он сначала расспросил меня, кто я, откуда и в какую церковь хожу. Когда я стала отвечать ему, то он грустно улыбался и смотрел на меня с состраданием. Затем он сказал: «Конечно, хорошо, что вы посещаете храм, но должен вам сказать, что люди, имена которых вы назвали,— это внешние христиане. Им кажется, что они понимают Евангелие, но на самом деле они видят только его оболочку». Я решила спросить его об Иисусовой молитве. Он ответил: «Это дело монахов» – и тотчас, перейдя на другую тему, спросил меня, какие сны я вижу.

Я ответила, что не пробовала запоминать или записывать свои сны и что обычно забываю их в то же утро. Священник сказал: «А вы не помните, какой сон видели этой

¹³ Автор имеет в виду два состояния. Первое — когда человек чувствует сильное побуждение к молитве, молится легко, с желанием, вспомоществуемый благодатью. Второе — когда для молитвы требуется понуждение себя. Такую молитву отец Рафаил назвал здесь «волевой».

ночью? Ведь не просто так вы пришли ко мне». Я ответила, что видела какой-то сумбур: помню лица моих знакомых, как будто я куда-то собираюсь. Он спросил: «А какие это знакомые?». Я ответила, что это мои друзья молодости, а одна – сварливая соседка. Священник сказал: «Теперь все понятно. Под видом друзей вам явились Ангелы; путь, в который вы собирались, – это ваш приход сюда; сварливая соседка – нечистая сила, которая удерживала вас, а в будущем будет сеять в вашем сердце сомнения».

Он продолжал: «Ваши прежние отцы и наставники думают, что откровения были в прошлом, а на самом деле живое пророчество и поразительные откровения существуют и теперь. Они бывают как во сне, так и наяву». Мне стало не по себе, я подумала: «Неужели я буду видеть подобные сны и видения?». Я обратила внимание, что во время беседы он цитировал Священное Писание так, как будто специально выучил определенные места наизусть. Затем он стал говорить, что когда совершал соборование во время Великого поста, то некоторые прихожане, стоявшие во дворе, видели белое пламя над куполом. И вот он сохраняет освященный тогда елей, разбавляет его оливковым маслом и дает людям.

Я попыталась перевести разговор на другую тему и задала несколько вопросов, касающихся внутренней жизни. Он ответил: «У меня есть духовные чада – мать и дочь, обладающие пророческим духом. Я познакомлю вас с ними, они помолятся и затем скажут, что вам надо сделать». Аудиенция закончилась, и я поблагодарила его за то, что, будучи занятым, он уделил мне столько времени. Он сказал: «Подождите». Вынес флакон с маслом, дал мне и сказал: «Пейте его по капле. А если будете больны, можете осторожно растереться им. Некоторые из моих прихожан предпочитают прикладывать пузырек, не раскрывая его, к больному месту...».

На этом рассказ огорченной дамы закончился.

Часть 16

Через два дня дама, несколько взволнованная, пришла к духовнику и сказала:

– В тот вечер, когда я была у вас, ко мне пришел незнакомый странник в монашеской одежде. Войдя в комнату, он неторопливо достал из кармана толстый блокнот, поискал что-то в нем и спросил мое имя. Затем, убедившись, что я та самая, кого он искал, странник повернулся к иконам и пропел приятным тенором тропарь Рождества и псалом *Благословлю Господа на всякое время*¹⁴, при этом он двигал рукой вверх и вниз, как регент. Затем положил три земных поклона перед образами и, обращаясь ко мне, произнес с обворожительной улыбкой: «Рады или не рады, принимайте Христа ради».

Я предложила ему сесть, поставила на плиту чай, и между нами завязалась беседа. Он начал рассказывать мне, что в горе, находящейся на границе между Грузией и Арменией, есть подземный монастырь, и там живут двадцать четыре старца, которые молятся день и ночь. У них есть своя пещерная церковь. Эти старцы ушли в подземелье во время гонений после революции; борода у них до пола, а волосы до пояса. Когда люди проходят в этом месте, то слышат пение из-под земли, а понять, что это такое, не могут. Этим старцам он возит воск на свечи, одежду и пропитание, и они пускают к себе только его одного. Эти старцы перед концом мира будут взяты на небо, и, за кого они помолятся, тот будет спасен. О них написано в Апокалипсисе. Затем странник спросил, не хочу ли я чем-нибудь помочь им. Я сказала страннику: «У меня нет денег, но я отдам вам то, что сохранила от родителей и не продала даже тогда, когда голодала, – обручальное кольцо моей матери и золотые часы моего отца».

О себе странник поведал, что был изгнан из монастыря за правду и не знал, куда идти, но перед ним появился свет и привел его к пещере, к старцам. Узнав, что я интересуюсь Иисусовой молитвой, он обрадовался и сказал, что я должна обязательно принять монашество и что старцы через него дадут мне схиму. Затем он сказал, что откроет другую тайну: недалеко от пещеры старцев есть подобный пещерный, но уже женский монастырь. Туда принимают после больших испытаний, но если он попросит, то меня вскоре примут в

¹⁴ Пс. 33.

эту обитель. Только надо продать свою квартиру в городе, затем купить домик в армянском селе, недалеко от того места, а остальные деньги пожертвовать через него на монастырь. Затем странник ушел, предупредив, чтобы я никому не рассказывала об этом, иначе не увижу лица старцев, и обещал, что скоро придет за ответом.

Дама продолжала:

– Меня удивило, как хорошо он знаком с церковной жизнью: перечислил имена всех русских иерархов, знает, кто и где служит в Тбилиси, и при этом уверял, что, кроме нескольких человек, все согласились быть агентами и приняли число 666 – его начертание на лоб и руку. Это число невозможно увидеть, но если потереть лоб освященной водой, то оно сразу же откроется. Поэтому священники на молебне стараются окроплять народ, а не себя. Затем странник сказал, что в храмы, где поминается правительство, ходить нельзя. «Как же я буду причащаться?» – спросила я. Странник ответил, что он иеромонах и служит в монастыре, куда намеревается меня вести, а также он посещает благочестивых мирян и служит литургию у них на дому.

Дама рассказывала:

– Этот странник говорил так убедительно, а затем, раскрыв книгу, читал предсказания старцев, и я поверила ему. Но когда он ушел, то на меня напало беспокойство. У меня было такое чувство, что в мой дом пришли цыгане и сделали какие-то свои фокусы. Я промучилась два дня и наконец решилась просить у вас совета. Теперь, придя к вам, я почувствовала, что меня обманули, как глупого ребенка.

Духовник вздохнул:

– В пословице говорится: «На всякого мудреца довольно простоты». Этого человека, как я слышал, действительно выгнали из монастыря, и этим кончились его монашеские подвиги. Уже нескольких верующих он убедил продать свои дома, поселиться в деревне, отдать ему деньги и ждать, пока он поведет их к пещере, где живут старцы и где затем их примут в женский монастырь. Некоторые до сих пор сидят там, где поселились, другие разбрелись по свету, ругая этого сказочника, а больше себя за доверчивость. О потерянных вещах не грустите. Ваша память о родителях хранится в вашем сердце, а не на руке, как часы и кольцо. Если этот человек придет к вам, то, не открывая двери, скажите: «У меня нет благословения на переезд в пещерную лавру» – и посмотрите, как он быстро убежит.

Дама сказала:

– Если бы он вернул мне кольцо и часы, я была бы готова выплачивать ему ежемесячно определенную сумму из своей пенсии.

Духовник улыбнулся:

– Я вижу, что вы любите шутки. А теперь спокойно идите в свой дом и будьте довольны, что он остался вашим.

Часть 17

Спустя несколько дней дама пришла к духовнику и сказала:

– Мне говорили об одном иеромонахе, что он святой жизни и занимается Иисусовой молитвой. Я решила во что бы то ни стало познакомиться с ним. Благодаря ходатайству наших общих знакомых меня впустили к нему. Когда мы вошли, он сидел на кровати с длинными четками в руках. Увидев нас, он встал, земно поклонился мне и опустился на пол. Я воскликнула: «Что вы делаете, отец, встаньте!». Он ответил: «Я не встану, пока ты сама не поднимешь меня». Я стояла в оцепенении. Мои спутницы с благоговением смотрели на монаха, лежащего на полу. Так продолжалось две или три минуты. Наконец я решила сделать вид, что поднимаю его, и тогда он встал, посмотрел на меня с радостной улыбкой и сказал: «Благословен ваш приход».

Он усадил меня на стул, стоявший в его келии, и стал рассказывать назидательные случаи из своей жизни, называя себя «последним грешником», «окаянным», «неключимым рабом» и даже такими словами, которые мне не вполне удобно повторять. Он сказал, что теперь редко выходит из дома, так как болеет, и попросил, чтобы я положила свои руки на его голову для исцеления. Я удивленно посмотрела на него. Тогда он подошел ко мне, сел на

пол, взял мои руки и положил себе на лоб, при этом он так же радостно улыбался, словно я сделала ему необыкновенно приятный подарок. Два чувства возникли в моей душе: удивление его смирению и какое-то смущение, как если бы в моей молодости меня назвали не дворянкой, дочерью офицера, а герцогиней, и я ощущала бы себя самозванкой, хотя и не напрашивалась на этот титул. Впрочем, я чувствовала какое-то тепло от нашей беседы. На прощание я попросила благословение. Он благословил меня, а затем неожиданно поцеловал у меня руку. Я подумала: мне в молодости целовали руку офицеры, и то большей частью, когда моя рука была одета в перчатку. Это было общепринято и понятно. А теперь почему мою руку должен целовать священник? Возможно, что он подвизается каким-то особым подвигом, непонятным для меня. Если даже у него есть такое благословение, то я не хочу быть в роли ступки, в которой он толчет гордость. Может быть, он показывает мне пример, как надо смиряться, но вряд ли я буду встречать соседку, зашедшую ко мне, земным поклоном. Это все хорошо, но не для меня, решила я.

Часть 18

Дама пришла через два месяца в приподнятом настроении и сказала:

– Не могу не поделиться с вами своей радостью.

Духовник ответил:

– Охотно разделю ее с вами.

Дама сказала:

– Расскажу, не утруждая вас подробностями. Во-первых, я нашла у себя в сундуке оставшуюся с давних пор теософскую литературу, в том числе журнал «Ребус», выпускавшийся спиритами. Несколько дней я отапливала этими книгами свою комнату. И вдруг ко мне заявила знакомая, которую я не видела уже много лет, старая теософка, и попросила, чтобы я, если у меня сохранилась теософская литература, подарила весь этот бумажный мусор ей. Я ответила, что теософских книг в моем доме нет. Теософка посмотрела на меня и вдруг сказала, как будто диавол ее надоумил: «Вы произвели огненное очищение своей квартиры?». Я ничего не ответила: этих книг у меня действительно уже не было.

А теперь о другом, более важном. Я стала говорить со священником нашей церкви протоиереем Николаем о своих духовных исканиях, и он сказал мне: «В Тбилиси живет игумения монастыря, закрытого в 30-е годы. Она духовно опытный человек, и я думаю, что как раз она будет вам нужна. Ее еще ребенком мать привела в монастырь, а в тридцать лет она уже стала игуменией. Теперь она служит псаломщицей в кладбищенской церкви. Подойдите к ней и скажите, если это понадобится, что к ней направил вас я». Игумения приняла меня так, как будто ждала, и я сразу почувствовала к ней духовную близость. Я решила, что она будет помогать мне в моей внутренней жизни, а исповедоваться я буду отца Николая.

Духовник ответил:

– Как это не пришло мне в голову раньше! Я знаю эту игумению. Она занимается Иисусовой молитвой, а живет скромно с одной из своих послушниц и старается скрыть себя от мира.

Дама спросила:

– А можно иногда приходить к вам?

Духовник ответил:

– Можно. Но если не будет особых причин, то лучше делать это с благословения своей духовной матери.

Дама спросила:

– Этим ограничением вы думаете отделаться от меня или в душе не особенно рады моему выбору?

Духовник ответил:

– Я буду действительно рад за вас, когда узнаю, что вы уже спасены. А наша земная жизнь – время испытаний. Желая вам счастливого, я хотел сказать, спасительного духовного пути. Передайте от меня игумении поклон и просьбу помолиться обо мне.

Десять лет спустя

Часть 1

Прошло более десяти лет. Однажды к духовнику в дверь постучал незнакомый человек лет шестидесяти. Он был невысокого роста, с бледным, истонченным лицом. Первое, что бросалось в нем в глаза,— это толстый длинный шарф, которым была обмотана его шея; казалось, что из-под этого шарфа, как гриб из-под земли, выростала голова. У него было странное выражение лица: печальные глаза и тонкие губы, слегка изогнутые в саркастической улыбке, словно приклеенной к его лицу. Он сказал тихим, но ясным голосом:

– Я к вам от Виктории.

Духовник посмотрел на него удивленно и спросил:

– Как так, ведь она умерла уже несколько лет тому назад?

Незнакомец объяснил:

– При жизни она хотела, чтобы я познакомился с вами, но я запоздал, исполняя ее просьбу.

Духовник сказал:

– Я рад видеть друзей Виктории, пожалуйста, заходите и расскажите, в чем дело.

Гость начал:

– Я наследственный теософ. Мой дед и отец серьезно занимались проблемами теософии. Я был воспитан в этом духе; для меня теософия – истина, и если бы у меня были дети, то я постарался бы передать им ту духовную эстафету, которую на протяжении нескольких поколений несет мой род. Но, к сожалению, он окончился на мне. Когда-то Виктория участвовала в нашем теософском кружке, но затем она разорвала с нами отношения и стала говорить, что теософия – это люциферианство, которое призвано исполнить задачу оккультных сил – произвести религиозный хаос под видом объединения религий, а затем упразднить религии, кроме одной,— служения сатане. Она говорила, что это аналогично искусственной анархии, которая расчищает дорогу деспотизму. Еще она говорила, что единственная истина – это православное учение. Мы не отвергаем Церковь, мы иногда посещаем храм, но не абсолютизируем ни одну религию. Мы считаем, что одно учение в чем-то дополняет другие. Это алмазы, рассыпанные в песке, а мы занимаемся тем, что ищем такие алмазы во всех религиях, как крупички истины, и отделяем их от земли – от позднейших наносных пластов и суеверий. Я также пробовал в свое время изучать философию и пришел к убеждению, что философия – это интеллектуальная религия и тот же поиск истины. Виктория просила меня, чтобы я познакомился с вами, но, признаться, я был убежден, что православный священник ничего не сможет мне дать, а то, что он скажет, будет знакомым мне трафаретом. Я и сейчас считаю, что знаю историю религии и философии лучше вас, и ваши слова, если вы вступите в полемику со мной, будут похожи на заученные фразы ребенка. Однако вы спросите, зачем же я пришел к вам. Я сам до конца этого не понимаю, но попробую объяснить.

Я потерял всех своих родных и друзей, они ушли из этого мира, словно оставили меня одного в снежной пустыне. Когда умерла Виктория, я почувствовал, что не стало близкого мне человека, духовное тепло которого я ощущал, хотя наши пути и разошлись. Когда я провожал ее гроб до кладбища, то была непогода, шел дождь и мои ноги увязали в грязи, я подумал: «Для чего я иду, ведь Виктории нет в гробу, там только то, что было ее телом – оболочка, шелуха, земля, которая через несколько дней станет грязнее той, что у меня под ногами; что я ищу, идя за гробом?». Это все равно, как если бы я шел, обнажив голову, вслед за ящиком или узлом, в котором сложена нестираная одежда... И все-таки я стоял и смотрел, как гроб с ее телом опускали в могилу, и говорил: «Прощай, Виктория!».

А год назад умер и последний мой друг; я остался один. Продолжаю читать запоем книги, не только теософию и философию, но и светскую литературу. Для чего? Чтобы найти истину? Теперь я думаю: для того, чтобы забыться, чтобы уйти из этого чужого для меня мира. Но когда я откладываю книги в сторону, то и чувствую себя так, как после запоя,— одиноким и разбитым. Теория перевоплощения – метемпсихоз^{LVIII} – кажется мне логичной,

однако она не дает моей душе ни мира, ни успокоения. Ведь если я и появлюсь на свет где-нибудь снова – в европейской столице или на берегах Амазонки, то это буду не я, а уже другой человек. Какое мне дело до этого человека; почему я должен родиться в будущем, а не в прошлом, например в Вавилонии? Ведь если мир лишь воображение Абсолюта, то и время иллюзорно. Я могу найти в книгах забвение, но не утешение.

Почему я пришел к вам? Не для того, чтобы разрешить какие-либо метафизические вопросы; у меня целая библиотека, оставленная отцом. Я пришел потому, что в этом мире мне холодно, и, разговаривая с вами, я в то же время насмешливо смотрю на себя самого: не спятил ли я от старости. Мы, теософы, говорим, что истина выше всего; но разве истина может быть холодной и безучастной к человеку? Знания, к которым я стремился, называя их древней мудростью, подобны звездам, усеявшим ночное небо, – это холодные огни или искрящиеся льдины. Среди них теряется человеческий разум, их светом не может согреться душа, они завораживают взоры, но ничего не говорят сердцу.

Я пришел к вам, во-первых, для того, чтобы исполнить просьбу Виктории. У меня такое чувство, что я сделал ей подарок, исполнив ее желание. Но ведь я знаю, что она воплотилась в другое тело: теперь она ребенок, может быть, шестилетняя девочка или даже мальчик, ничего не помнящий о своей прежней жизни. Почему-то мысль, что она может перевоплотиться в мужчину, вызывает у меня чувство страха и отвращения. А ведь теософы считают, что душа может воплотиться не только в человеческие тела, но и в другие существа. Значит, она навсегда потеряна для меня в космической бездне смертей и рождений – в этом вечном круговороте. А между тем, вопреки моему разуму, какой-то тайный голос говорит мне, что душа ее жива, и поэтому я молюсь о ней...

Вторая причина, почему я пришел к вам, – это какое-то навязчивое желание сказать вам, что я очень одинок. Мне кажется, что еще до смерти я выброшен из этой жизни в черные, холодные и бесконечные пространства космоса.

Духовник заметил:

– Вы с самого начала предупредили меня, чтобы я не возражал вам, поэтому мне остается только молча слушать вас.

Гость переспросил:

– Только?

Духовник ответил:

– Нет. Я молча молился о вас, в то время как вы говорили, но это тот язык, который вы не можете услышать.

Гость сказал:

– Как ни странно, вы сделали лучшее из того, что могли. Я почувствовал к вам доверие. Хотя я знаю, что интеллектуально намного превосхожу вас, но в общении с вами у меня что-то изменилось в сердце, и я готов спросить у вас: почему я несчастлив? Эта жизнь иной раз кажется мне маскарадом, где передо мной кривляются какие-то раскрашенные маски. А иногда мне представляется, что люди – это ожившие статуи, которые ходят, говорят, приветствуют друг друга, спорят, но в них нет души, а один мрамор.

Духовник ответил:

– Вы только что изволили сказать, простите за такой архаический оборот речи, что в общении со мной что-то изменилось в вашем сердце. А кто я такой? Грешный человек, который в это время желал вам добра и просил Бога помочь вам. Запомните слово «общение». Человеческая личность глубже книг и знаний, а христианство – общение с Богом, как с высшей Личностью. Именно этого общения лишила вас теософия, заставившая искать каких-то неведомых истин подобно тому, как алхимики тщетно искали «философский камень», обращающий металлы в золото. Вы хотели найти некую истину, тайну, похожую на талисман, и забыли о том, что истина – это живой Бог, живая Личность. У Бога ничего нельзя вырвать, взять силой своего ума, но Он даст все ради Своей любви. Для вас Бог – это ваша собственная блуждающая мысль, в какие бы одежды она ни облекалась. Поэтому, говоря о широте теософских взглядов, вы на самом деле замкнулись в самом себе и забавлялись фейерверком мыслей и слов, своих и чужих. Но фейерверк заканчивается, и наступает

темнота. Язычники искушались знанием; теософы говорят: «Не верь, а знай». Истина не башня, которую можно возвести от земли до неба. Истина – луч любви, струящийся с неба на землю. Язычники создали блестящие философские системы – а последующие философские школы лишь перепевы античных мудрецов, – но для них Бог был холодной абстракцией. Сами язычники чувствовали, что философия не может открыть тайн бытия и сказать человеку, кто он. Поэтому они старались дополнить философию мистериями: разочаровавшись в логике, стремились к обретению истины через экстаз^{LIX}, а разочаровавшись в экстатике, где не проясняется, а затуманивается мысль, снова обращались к логике. Теософия – это рецидив язычества, и, как язычество, оно сочетает в себе философию и мистику^{LX}. Философия стремится к знанию, а мистика – к состоянию, но ни в одном, ни в другом случае нет общения с Богом – Любовью, с Богом – Высшей Красотой, с Богом – Духом и Истиной, того общения, которое оживотворяет сердце человека. Вы остались со своими знаниями, точно с грудой камней, раздобытых из разных мест и принесенных в ваш двор. Теперь вы смотрите на этот каменный сад, где ничего не растет, и недоумеваете: в чем дело, ведь я столько трудился? Только в общении с человеком вы можете почувствовать тепло человеческой любви, которое не дадут никакие книги. Только в общении с Богом вы можете увидеть животворящий свет Божественной Любви, который откроет вам вас самого и покажет, где путь и истина.

Духовник заключил:

– Теософия отняла у вас ощущение собственной личности и дар любить.

Гость сказал:

– Я внимательно слушал вас и, как ни странно, мне не хотелось возражать вам. Напротив, я желаю, чтобы вы были правы, но с вашими последними словами не могу согласиться. Я ощущаю себя как единое мыслящее существо, значит, как личность. Мне доставляет удовольствие помочь человеку, скажем, подать милостыню нищему, следовательно, я не лишен способности любить. Например, я по-своему глубоко переживаю смерть своих близких.

Духовник спросил:

– Скажите, кто вы?

Гость ответил:

– Если вам угодно знать мое имя, то я Никита Львов.

Духовник пояснил:

– Я спрашиваю о другом. Вы говорили, что осознаете себя как личность, но теософия, если не ошибаюсь, учит, что человек имеет несколько тел и все это на самом деле только оболочки, не имеющие с ним онтологического^{LXI} единства, а то, что реально в нем, что действительно он сам, это атман^{LXII} – бескачественный дух, тождественный безличностному, абсолютному духу – брахману. Он не имеет ни качеств, ни предикатов^{LXIII}, о нем даже нельзя сказать, есть ли он. Это одновременно нечто и ничто. Он не имеет прямого отношения к тому, что чувствует человек, к тому, как мыслит человек, – к его ментальному плану. Он выше космического и мысленного бытия. Атман – это брахман, играющий в множественность. Про брахмана можно сказать только одно: что он тождествен брахману, то есть себе самому, а все остальное условно. Теперь скажите: где же ваша личность? Что касается любви, то любить можно не бескачественную абстракцию, а конкретную, реальную личность. Чем же являются для вас другие люди? Это тот же дух, скрытый оболочками материальных, эфирных и других тел? Вы видели огонь, скажем, зажженной свечи, которая отражается в нескольких зеркалах? Нечто подобное представляет собой атман человека по отношению к брахману. Кого же вы после этого можете любить?

Гость ответил:

– Хотя я могу сделать несколько поправок и уточнений, но они имеют второстепенное значение; в основном все действительно так. И все-таки я люблю, а может быть, это ностальгия по какой-то прежней любви.

Духовник сказал:

– Потому что ваша личность шире философских идей. Истина дает человеку чувство радости. Вы несчастны, – значит, вы не нашли истину. Истина несет в себе душевный мир и покой, а вы в постоянном смятении. Она делает человека свободным, а вы чувствуете себя в земной жизни как бы заключенным в темницу. Истина дает полноту жизни, а, судя по вашим словам, вы одиноки, то есть ощущаете зияющую пустоту своего бытия. Ваше сердце изголодалось по Богу, не богу Платона^{LXIV} и Спинозы^{LXV}, а живому Богу, Который любит вас. Вы внутренне, сами того не осознавая или боясь признаться себе в этом, тоскуете по Церкви, которая единит людей, единит живых и мертвых.

Гость сказал:

– Признаться, меня страшит и отталкивает мысль о том, что личного бессмертия нет. Я не могу примириться с этим. Я хочу увидеть тех людей, которые были близки мне на земле, а не каких-то оборотней, принявших другое тело. Это меня так же мало утешает, как сказки материалистов о том, что из человеческого праха, смешавшегося с землей, может снова родиться какое-то тело. Им жизнь видится как структура атомов и молекул, ставших клетками; у нас – структура неких энергетических элементов, дхарм^{LXVI}, подчиненных закону кармы^{LXVII}. Впрочем, отношение атмана и дхарм по-разному объясняется теософами. Пусть метемпсихоз кажется моему рассудку логически обоснованной системой, но душа моя не согласна с ним; я хочу остаться собой, а не превратиться после смерти в раджу^{LXVIII} или в его слона. Я хочу видеть людей, ушедших из этого мира, такими, какими я их знал, другие будут чужды мне, и в крутящемся колесе реинкарнации^{LXIX} я останусь одиноким странником.

Духовник ответил:

– Я думаю, что мысль о вечной потере близких и о безличном брахмане, в котором все должно исчезнуть без остатка, – это назревшее в вашем подсознании убеждение, что метемпсихоз – бессмыслица, некий перпетуум-мобиле^{LXX}, который не остановится никогда. Эта мрачная философия должна привести к логическому выводу о том, что абсолют обезумел, впал в детство и играет с мирами, как ребенок с куклами, и, как ребенок, отождествляет себя с ними. Какую мудрость дала вам теософия? Она не открыла ни причины, ни цели бытия, а только пыталась объяснить в категориях человеческого разума видимую фантазмагорию земной жизни. Посмотрите, теософия ничего не говорит о Боге, а если говорит, то Он выступает в виде какой-то безликой силы, бескачественной потенции бытия. Мудрость теософии лишь негативный ответ на все метафизические вопросы. Что такое личность? Ее нет. Существует только атман, меняющий свои личины. В чем цель бытия? Ее нет. Что мы называем жизнью? Представление между двумя антрактами. В чем начало и конец бытия? Их нет, как нет начала и конца в замкнутом круге. По сути дела, вопрос о Божестве теософия заменила рассказами о космических духах. Боль – это сигнал о болезни. Ваша глухая тоска – это боль подсознания, которое подает вам сигналы о том, что вы стоите на ложном пути.

Гость сказал:

– Я сделаю вам небольшое замечание. Вы говорили, что языческий мир имел, как суррогат истины, философию и мистерии и что в одном и другом случае человек не мог вырваться из замкнутых пределов своей тварной ограниченности, что логика и экстаз – это гносеологические тупики^{LXXI}, что это противопоставление холодной фиксации своих мыслей и интеллектуального опьянения, отказ от разума и замена его вакханалией чувств. Но я хотел бы вам сказать, что сама философия – это вовсе не холодное построение умозрительных систем, где силлогизмы^{LXXII} играют роль бухгалтерских счетов или вычислительных машин. В философии присутствует элемент вдохновения. Философ, составляющий свои системы, чувствует, как и поэт, трепет творчества, он ощущает вспышки интеллектуального света, а иногда медиумические состояния, словно рукой его водит другая сила. Также в мистерии человек не только ощущает свои эмоции и переживания, не только свое расторможенное подсознание, но и чувствует себя включенным в поле неких неведомых сил.

Духовник ответил:

– Я не мог сказать об этом сразу. Вы в какой-то мере предугадали мою мысль. Человек имеет дело с силами собственной души, но при определенных состояниях в душу вторгаются другие, неведомые существа. Однако это не общение, это – духовная агрессия. От общения с Богом сердце оживает, а здесь глубина сердца даже в экстазе остается холодной и мертвой. Страсть жжет, но не согревает. Те силы, о которых упомянули вы, называются демоническим миром. Сократ признавался, что с ним по временам беседует демон – некий дух, приставленный к нему. В вакханалиях видения демонического мира доходили до степени визионерства. Древнее язычество и язычество современное, именуемое теософией, – это демопоклонение.

Гость спросил:

– В чем вы видите объяснение притягательной силы теософии? Выступление индийского теософа Вивекананды^{LXXIII} на Конгрессе религий в Чикаго^{LXXIV} положило начало триумфальному шествию теософии по странам Америки и Европы. Я говорю не только об официальной принадлежности к теософским союзам и кружкам, но и о самом духе теософии, который стал проникать в сознание интеллигенции уже в конце XIX столетия.

Духовник заметил:

– Притягательная сила теософии – это притягательная сила греха.

Гость выразил недоумение:

– Я вас не вполне понимаю. Я мог бы удовлетворять свои страсти и грешить весьма простым способом, не прибегая к теософии.

Духовник ответил:

– Теософия учением об иллюзорности мира снимает нравственные ограничения, и, кроме того, она призывает к религиозному творчеству, что дает простор страстям и гордости ума.

Гость возразил:

– Мне кажется, что вы отождествляете теософию с адвайта-йогой^{LXXV} и тантризмом^{LXXVI}. Но теософия ищет истину во всех религиях.

Духовник ответил:

– Изучение религий – это пособие для начальной школы, а затем, на более высоких ступенях, теософия сливается с адвайта-йогой и тантризмом.

Гость сказал:

– Будет вернее сказать, что эти системы являются подземными водами, питающими «ботанический сад» теософии с ее разнообразными растениями. Но теософия не система, а особое гностическое течение, у нее есть общие принципы, но нет догматов. Что касается вашего утверждения о снятии нравственных ограничений, то я могу сказать, что снятие этих запретов делает личность свободной. В нашем обществе были люди с различной нравственной ориентацией. Я знаю, что неэтично ссылаться на себя, но все же хочу сказать, что я был женат и никогда не изменял своей супруге ни при ее жизни, ни после ее смерти. Я не сообразывался при этом ни с какими запретами, я просто чувствовал, что, изменив своей супруге, потеряю духовную близость с ней. Но должен признаться, что большинство членов нашего общества считало, что человеку все дозволено, что он может оценить добро, только познав зло, что грех и добродетель – понятия для «профанов», а для «посвященных» они сливаются в едином синтезе, становятся двумя сторонами одной монеты. Одна из наиболее интеллектуальных участниц нашего общества, родственница философа Лопатина^{LXXVII}, будучи замужем, сожительствовала с юношей, своим студентом, и говорила, что они были супругами в прошлых воплощениях, поэтому принадлежат друг другу, а душа ее нынешнего мужа обитала когда-то в теле лютого врага, убившего ее отца, почему она и считает себя не женой его, а жертвой и пленницей. Я не хочу описывать подобные ситуации, которые покажутся вам анекдотичными, но мы верили, что на самом деле все так и есть.

Духовник ответил:

– Современные люди еще не утратили представление о нравственности. Если они совершают грехи, то все-таки стыдятся их и считают своей слабостью. А теософия дает возможность для широкого маневрирования в этой области и для апологии самого греха.

Теософия, постулируя божественность человека, постепенно подводит к мысли, что сам грех тоже божествен. Впрочем, я не отождествляю полностью теософов с теософией. Это люди, включенные (в разных степенях) в поле ложных идей, но большей частью еще подспудно хранящие в своей душе убывающую инерцию христианства.

Гость сказал:

– Наш разговор несколько отклонился от темы. Я хочу сказать вам, что нередко бывал в храме, но предпочитал заходить в то время, когда там не было людей. Особенно я любил стоять в храме после вечерней службы в зимнее время, когда рано темнеет и церковь еще не закрыта; любил в полумраке смотреть на мерцание лампад перед ликами икон, потемневших от времени.

Духовник спросил:

– А вы пробовали молиться хотя бы неведомому Богу, как афинские язычники во времена апостола Павла¹⁵?

Гость ответил:

– Признаться, я молился после смерти моей супруги и моих друзей, особенно после смерти Виктории. Но в то же время останавливал себя и думал: о чем ты просишь, ведь ада и рая как таковых не существует, теперь их души живут в других телах? Если бы даже в доме, где ты живешь, родился ребенок, в котором воплотилась душа твоей умершей супруги, то ты не узнал бы ее, а она забыла бы свое прошлое воплощение. Но какой-то голос говорил мне: а, может быть, все-таки есть вечность? И я продолжал молиться. Бывали даже случаи, когда оставлял в храме записки с их именами. Но большей частью я стоял в храме, отдаваясь какому-то неопределенному чувству присутствия тайны. Иногда я думал, как хорошо было бы здесь медитировать, но почему-то в православном храме никогда не медитировал, а в молчании смотрел на желтые огоньки свечей и на ровный, тихий свет лампад.

Духовник спросил:

– Вы произносили имя Бога, когда молились?

Гость ответил:

– Да. Я говорил: «Господи, помоги им, спаси их!» – и чувствовал, что не до конца теряю их, что какая-то сила объединяет нас.

Духовник спросил:

– Что вы еще чувствовали в это время?

Гость ответил:

– Какое-то тепло в сердце. Подобное чувство я испытывал, может быть, тогда, когда после долгого отсутствия приезжал домой и мать встречала меня у порога.

Духовник спросил:

– А что бы вы предпочли: ваши знания или это тепло?

Гость ответил:

– Вы задали неожиданный вопрос, на который мне трудно сразу ответить. Что бы я выбрал? Знания, которые явились результатом труда моей жизни, или чувство, которое возникло в моей душе и затем исчезло, оставив только след в моей памяти...

Духовник сказал:

– Это чувство любви, а любовь – сама жизнь. Где нет любви, там все мертво. Ваши знания не могут согреть ваше сердце.

Гость согласился:

– В ваших словах я чувствую правду. Слова великих мудрецов и философов были для меня вспышками холодного света, вроде фейерверка в зимнем небе, и я любовался ими, как огненными узорами, которые, распустившись в высоте, будто цветы, тотчас увядали.

Духовник сказал:

– Я продолжу. Эти знания вы хранили в своей памяти, словно в холодильнике, а затем вынимали их оттуда – цитаты из Будды^{LXXVIII} и Конфуция^{LXXIX} и новых философов, – точно покрытые слоем льда. Это была игра ума, которая нравилась вам и производила впечатление

¹⁵ См.: Деян. 17, 23.

на тех, кто слушал вас, но ваше сердце оставалось глухим. Хотя вы и говорите о древней мудрости, однако стяжали знания, а не мудрость. А в те минуты, когда вы испытывали непонятную для вас теплоту, ваше собственное сердце говорило вам, что оно еще живо, оно еще может любить. Когда вы чувствовали себя более счастливым: когда изучали философию Запада и Востока или когда ощущали себя в присутствии Бога, хотя и неведомого вам? Помните, огонь – символ жизни, а холод – смерти.

Гость ответил:

– Конечно, я чувствовал себя более счастливым, когда, забыв обо всем, просил, как не имеющий ничего, у Того, Кого вы назвали неведомым Богом, о моих близких. Во время молитвы из сознания исчезает все, чем жил рассудок, – в ней говорит душа, но это короткие мгновения. Затем все возвращалось на круги своя.

Духовник сказал:

– Теософия требует не веры, а знания, но не дает ни того, ни другого. А в христианстве вера переходит в знание, в то опытное мистическое знание, которое может быть доступно каждому человеку, подчинившему себя Христу. Господь дал вам некий опыт, а теперь от вас зависит, принять его, постараться понять или же отвергнуть. Вы сами уже сказали о том, что это был опыт любви, который не могли дать никакие фолианты, а дала краткая молитва в безлюдном храме.

Гость ответил:

– У каждого человека есть что-то свое, задушевное, как вы говорите, святое, над чем нельзя экспериментировать. Я поделился с вами своими переживаниями, но я не могу делать их предметом анализа или оценок. Мне хотелось бы хранить их в тайне от людей, даже от самого себя – в молчании.

Духовник сказал:

– Я как раз и говорил о том, что это чувство анализировать нельзя, его надо принять как свидетельство. Я только хочу повторить, что истина и любовь неотделимы друг от друга.

Гость ответил:

– Мой отец владел несколькими языками, и в детстве меня обучали французскому и английскому. Затем я самостоятельно выучил немецкий и латынь. Я почему-то хотел овладеть санскритом, но из этого ничего не получилось: время переменялось и поставило другие проблемы. Но в тяжелые годы знание языков помогло мне: я зарабатывал тем, что давал уроки. Во время войны меня взяли в штаб переводчиком, может быть, это и спасло мне жизнь. В последнее время у меня появилось желание рисовать, но странное дело: то, что я нарисую, вскоре перестает мне нравиться, и я сжигаю рисунок.

Духовник сказал:

– Вы нечаянно задели очень интересную тему, вернее, другой аспект вопроса, о котором мы говорили. Бог ощущается как любовь; это как прикосновение Его перста к человеческому сердцу. Бог еще видится душе и как высшая красота, та мистическая красота, которая познается в молитве. Но к этому человек должен быть подготовлен многолетними трудами. Я хочу сказать немного о другом. Религия непосредственно выражается в искусстве. Здесь большое место занимает религиозное переживание человека, воплощенное в визуальную форму, а также мир, с которым общается этот человек, невидимый, но реальный мир. Божество – это, как мы уже сказали, высшая красота. А теперь посмотрите на искусство шиваистов^{LXXX}, ламаистов и занимающихся буддийским тантризмом, то есть на то, что теософия считает тайной мудростью и высшим полетом духа, и вы увидите мир чудовищ и драконов, многорукие божества, обвитые змеями, богинь, держащих, как чаши, человеческие черепа. Вот духовный мир теософов, выявленный в искусстве, вот свидетельство о том, с чем имеют дело эти ученики махатм^{LXXXI}. Я не буду говорить здесь об оргиистических сценах, изображенных как священные символы в индуистских храмах; все это искусство – изнанка теософии. Могут ли эти чудовища, как бы вы их символически ни трактовали, дать покой и свет вашей душе? Могут ли эти маски, похожие на обитателей ада, открыть вам тайны какой-то мудрости? Там одна тайна, имя которой – смерть. Сравните это с православным искусством, которое открывает не адские глубины, а небо. Сравните клыки этих

обоготоворенных зверей с ликами икон, и вы увидите, что вы избрали, кому вы поверили, кому вы служили, из каких источников пили мертвую воду.

Гость задумался:

– Это новая для меня мысль, я не могу найти ответа, да и не хочу искать его, так как чувствую тем, что вы называете сердцем: в ваших словах есть нечто, что убеждает меня, и это не только факты, о которых вы говорили, но еще, как я полагаю, молитва за меня. Я думаю, что сегодняшняя беседа пока что для меня достаточна, позвольте попрощаться с вами.

Духовник сказал:

– Пусть поможет вам Бог, Которого вы не нашли, но по Которому вы втайне тоскуете.

Часть 2

Прошло около двух месяцев, и духовник увидел своего гостя, стоящим во время службы в углу храма. Духовник ждал, что после окончания вечернего богослужения этот человек подойдет к нему, но он, видимо, ушел раньше. Через несколько недель после этого один из старых прихожан спросил у духовника:

– Вы знали Львова?

Духовник ответил:

– Мы беседовали с ним один раз. Я хотел бы, чтобы эта беседа продолжилась. Если вы его увидите, то передайте привет и скажите, что я буду рад встретиться с ним.

Прихожанин ответил:

– К сожалению, теперь это невозможно: он мертв, его сбила машина. Видимо, шофер был пьян, машина выскочила на тротуар и задавила несколько человек. Он умер, не приходя в сознание. Некому было даже похоронить его, соседи сложились между собой и купили ему гроб. А после похорон, откуда ни возмись, появились родственники, забрали его книги и вещи, да еще вместо благодарности обвинили соседей в том, что они присвоили какие-то ценности, принадлежавшие покойному. Сегодня как раз исполнилось сорок дней со дня его смерти, и я пришел в храм поставить свечу за упокоевание его души.

Прихожанин ушел. Духовник задумался: он вспомнил случай из своей молодости, незначительный, но оставшийся в его памяти. Однажды он пришел к своему школьному товарищу. Была зима. В комнате горела маленькая железная печурка. Около нее на полу лежала книга. Духовник по привычке взял ее в руки и увидел, что последние страницы вырваны. Мать товарища растапливала листками печь. Жизнь Никиты Львова напомнила ему книгу, у которой были вырваны последние страницы. Кто знает, чем она закончилась...

Совместима ли хатха-йога^{LXXXII} с христианством

Однажды после литургии к духовнику подошел человек лет двадцати пяти и сказал, что хочет поговорить с ним. Было весеннее время, стояла солнечная погода, и потому духовник предложил:

– Давайте посидим в церковном дворе на скамейке: здесь нам никто не помешает, и поговорим о тех вопросах, которые, по-видимому, вас волнуют.

Сев рядом с духовником, незнакомец взял его руку и, помолчав, сказал:

– Меня беспокоит проект, который обсуждается в правительстве, а именно план повернуть северные реки на юг, чтобы заполнить Аральское озеро и оросить пустыню среднеазиатских республик для новых хлопковых плантаций. Если этот проект будет осуществлен, то уровень грунтовых вод в Сибири понизится и тайга погибнет. Я приехал сюда из Москвы: у нас здесь неофициальное совещание, и мы хотим обратиться к правительству с просьбой оставить эту безумную затею.

Духовник спросил:

– А почему вы обратились ко мне, ведь я не специалист в таких вопросах?

Тот ответил:

– Я объяснил вам причину моего приезда в Тбилиси, а к вам зашел по личному делу. Я христианин, но в то же время занимаюсь хатха-йогой, а многие из моих знакомых говорят,

что это несовместимо. Я хотел бы знать ваше мнение. У нас в Москве есть несколько групп, которые занимаются йогой. Священники, к которым мы обращались, давали неодинаковые ответы, поэтому я хотел бы знать ваше мнение.

Духовник спросил:

– А почему вы обратились ко мне, а не к другому священнослужителю?

Собеседник ответил:

– Это позвольте знать мне.

Духовник спросил:

– Как ваше имя?

Тот ответил:

– По крещению я Вадим, но при вступлении в кружок, где занимаются йогой, нам дают другие имена. Там меня называют Рама-Бай. Я до сих пор не понимаю: неужели нельзя овладевать йогой с именем Вадим? Впрочем, везде свои традиции.

Я воспитывался в атеистической семье и вначале заинтересовался йогой для развития физической силы. Затем я стал знакомиться с теорией йоги, с ее учением о человеке и космосе, о существовании некоего энергетического абсолюта. Йога никак не вкладывалась в рамки моих прежних материалистических представлений о мире, и это заставило меня заняться теми вопросами, которые прежде казались мне окончательно решенными. Я начал читать христианскую литературу и нашел в ней то, что не мог мне дать ни плоский и пошлый материализм, ни метафизика самой йоги. Но йога была первым толчком, который разбудил меня и заставил искать Бога. Может быть, если бы не она, я прошел бы мимо дверей храма. У меня двойственное отношение к йоге: я отрицаю ее как мировоззрение и в то же время считаю уникальной системой развития физических и психических сил человека. Асаны^{LXXXIII} помогли мне излечиться от некоторых болезней, которыми я страдал с детства, а медитации, как мне кажется, улучшили мою память. Я отверг философию йоги, став христианином, а большинство участников таких кружков вообще не интересуется метафизическими вопросами, так что в этом отношении мы единодушны: смотрим на йогу как на систему древней физкультуры. Да и наши наставники, хотя и употребляют индийскую терминологию, например «кундалини»^{LXXXIV}, «карма» или «астральный план»^{LXXXV}, но не выходят за пределы хатха-йоги. А когда они узнали, что я с несколькими друзьями регулярно посещаю храм, то одобрили это и сказали, что христианство – прекрасный путь к Богу, хотя и не единственный. Но для меня не решен до конца вопрос: совместимо ли христианство с хатха-йогой? У нас в группе есть магометанин, который не только посещает мечеть, но и совершает намаз в положенное время, что сейчас встречается редко, и наш учитель одобряет это и ставит нам в пример его ревность. Если вы сможете, то объясните: препятствует хатха-йога или нет моему духовному развитию как христианина? Если же вы не хотите или не можете говорить на эту тему, то я вовсе не настаиваю.

Затем он добавил:

– Нас учат медитации, то есть сосредоточению на каком-то образе или идее. Я признаюсь вам, что когда держал вашу руку, то между беседой медитировал, и хочу спросить вас: что вы чувствовали?

Духовник ответил:

– Откровенно говоря, я чувствовал только одно – желание задремать, так как мало спал ночью, готовясь к службе, и отгонял сон усилием воли.

Вадим сказал:

– Может быть, это произошло потому, что я тоже был утомлен поездкой, а то, как подтверждают многие, от моей руки исходит энергия, похожая на электричество.

Духовник ответил:

– Если эксперимент закончен, то прошу отпустить мою руку. А теперь я попробую по мере своих сил ответить на ваши вопросы.

Хатха-йога у себя на родине не рассматривается изолированно от общей системы йоги, включающей в себя раджи-йогу^{LXXXVI} и джняна-йогу, в которых содержатся религиозные, космологические и антропологические представления шиваизма. В хатха-йоге также есть

учение о всемирной энергии – пране^{LXXXVII}, о духовных центрах, расположенных в позвоночнике и головном мозге человека, об энергетическом депо в солнечном сплетении и так далее. При этом хатха-йога уделяет особое внимание сексуальной энергии человека и возможности ее трансформирования. Все это, безусловно, несовместимо с христианством.

Затем в хатха-йоге, как один из важнейших элементов, присутствует активное воображение. Йог должен упражняться в умении создавать яркие зрительные образы. Это также в корне противоречит христианской аскетике, которая предупреждает, что к воображению близок мир страстей и потому к нему легко присасываются, как паразиты, демонические силы. Контроль над своим сознанием, который у христианских подвижников называется трезвением, – это главным образом борьба с воображением.

Следующим обязательным упражнением, как для хатха-йоги, так и для других йогических систем, является медитация. Это сосредоточение на определенных идеях или повторение мантр^{LXXXVIII} – изречений. Медитация основана на шиваистской антропологии, а именно на представлении о том, что человеческий дух по природе тождествен абсолюту, и поэтому медитация является заменой молитве или молитвой, обращенной к самому себе. Ваши инструкторы называют это аутотренингом. На самом деле это тайный вид самообожествления: йог имеет дело с самим собой. Если он произносит имена богов, то это только модификация абсолюта, а так как он считает себя единичным абсолютом, то это рабочая модель самого себя. Человек, занимающийся или даже занимавшийся медитацией, с большим трудом учится молитве. Ему кажется, что в молитве действует не личностный Бог, а его собственная энергия, являющаяся творческой силой, и он через слова молитвы сосредотачивает и направляет ее.

Христианин в молитве чувствует нечто противоположное состоянию йога, а именно свою ограниченность и скудость, и обращается вовсе не к каким-то скрытым резервам своего духа, а к Богу – живой Личности, к Богу, с Которым он связан не природой, а любовью. Он не возбуждает и не раздражает тех психических центров, о которых учит йога, не трансформирует посредством воображения свою сексуальную энергию, а, очищая ум и сердце от образов, помыслов и страстей, просит помощи у Бога. Молитва совершается и исполняется силой Божественной благодати, то есть силой, лежащей за пределами человеческой природы.

Что касается мантр, то если даже в их тексте не присутствуют имена языческих божеств, то подразумевается, что они обращены к ним: ведь взяты мантры из священных ритуальных книг индуизма. Поэтому, читая их, человек включается в духовное поле Вед^{LXXXIX} и Упанишад^{XC}, в мир существ, которых йоги считают модальностями единого брахмана, которых оккультисты называют космическими духами и посредниками, а христиане – демонами. Йога создала у вас ложные психические установки и комплексы, поэтому вы воспринимаете христианство в искаженном виде – через тонкую призму языческих понятий, отчего и перестали его понимать. Если угодно, это можно назвать «эго-христианством».

Вадим спросил:

– Значит, вы полагаете, что я прихожу в храм с умом, засоренным «всезнанием»?

Духовник ответил:

– Может быть, лучше назвать это подсознанием. Оно не только засорено и деформировано, но и с каждым занятием йогой засоряется все больше.

Вадим возразил:

– Почти все время занятий мы отдаем физическим упражнениям. Одни из них похожи на обычную гимнастику, а другие имеют свою специфику: это асаны – статические упражнения, позы, в которых человек как бы застывает. Они регулируют приток крови к больным органам, активизируют их работу. Так, например, одним из видов статического упражнения является поза солдата на посту.

Духовник пояснил:

– И все же увлечение этими упражнениями, особенно когда ими занимаются в течение многих лет, небезопасно: происходит искусственное торможение человеческой психики, и

поэтому те, кто долго упражняется в асанах, отличаются медлительностью мышления, которая может показаться тупоумием. Даже взгляд у этих людей теряет живость и становится каким-то застывшим, мертвенным. Асаны связаны с определенным образом жизни и диетой, а человек, живущий в условиях современного мира с его кипучей деятельностью и нервными перегрузками, может получить в результате подобных занятий болезнь сердца и гипертонию. Об этом сами йоги предупреждают нетерпеливых европейцев. Вообще любая гимнастика, которой занимается человек, должна соответствовать образу его жизни.

Рассмотрим и еще один аспект этих упражнений. По учению святых отцов, человеческая душа включает в себя также растительную и животную душу, может быть, точнее, их функции. Значительное число асан взято из наблюдений за животными и растениями, и здесь позы льва или тигра могут оживить в подсознании человека какие-то темные инстинкты, таящиеся в человеческой душе, как бы раскрепостить их в ущерб человеческому духу.

Есть еще и третья опасность для христиан: некоторые из восточных упражнений взяты из языческих ритуалов, то есть заключают в себе генетическую связь с демонизмом.

Что же касается дыхательных упражнений, то и они не так безобидны, как кажется на первый взгляд. Ознакомив ученика с техникой этих упражнений, учитель йоги переходит к психическим упражнениям, связанным с дыханием. Ученик должен представить, что он поглощает прану – космическую энергию, основу бытия, затем он должен в такт дыханию и вместе с дыханием направлять эту прану в позвоночник и в сексуальные центры, в так называемые лотосы^{XCI}. При этом иногда прана представляется в виде змея, вползающего в позвоночник человека. Я думаю, что не надо подробно объяснять, кто внедряется при таких упражнениях в человеческое сознание.

Вадим спросил:

– И в других гимнастических системах, в том числе врачебной гимнастике, содержатся дыхательные упражнения. У китайцев, и даже у мадзеистов^{XCII}, есть свои дыхательные упражнения, почему вы категорически отвергаете их?

Духовник ответил:

– Йоги говорят о так называемом «полном дыхании» не как об упражнении, а как о правильном дыхании, то есть этот тип дыхания должен быть внедрен в повседневную жизнь человека. Но на самом деле у них есть другое, альтернативное дыхание, замедленное и поверхностное, связанное с продолжительными задержками, которые они редко практикуют публично. Продолжительное полное дыхание может, как обильная пища, стать излишним для организма и вызвать нарушение в системах газообмена и кровообращения. Поэтому с дыхательными упражнениями надо обращаться осторожно. Но я говорил о другой опасности – о том, что они, перейдя черту физиологии, вторгнутся в область психики и, соединившись с медитативными представлениями, деформируют «религиозное сознание».

Духовник продолжал:

– Йога учит распределению и передаче энергии. Как вы помните, наше знакомство началось с того, что вы взяли мою руку и долго держали ее в своей руке. Вы хотели продемонстрировать феномен передачи энергии, но почему-то вышла осечка. Как вы полагаете: какая это энергия, какой она природы? Она ваша или приобретенная на занятиях йогой от каких-то неведомых духов? Почему этой способности до занятий йогой у вас не обнаруживалось? Как вы понимаете само слово «энергия», какой смысл вкладываете в него?

Вадим ответил:

– Энергия – это организованная, структурированная сила.

Духовник сказал:

– Значит, энергия вашего организма имеет определенную структуру. Это, можно сказать, структура, отмеченная вашей индивидуальностью. Я приведу пример. Существуют различные группы крови. Если перелить человеку кровь не его группы, то результат может быть самым плачевным: чужая кровь превратится для него в яд, который убьет его. Откуда вы можете знать, как ваша энергия, обладающая определенной структурой, будет

действовать в другом организме? Может быть, здесь произойдет то, что называется несовместимостью, и эта энергия сначала подействует на человека как допинг, а затем, как агрессор, причинит ему новые разрушения, создаст в его энергетических структурах хаос. У вас же самого может образоваться дефицит энергии, аналогичный большой потере крови, следствием чего станут неожиданные и неизлечимые болезни. Экстрасенсы редко благополучно кончают свою жизнь. Притом болезнь у них протекает скоротечно, как саркома, и заканчивается летальным исходом – они как будто сгорают. А если здесь прибавляется еще энергия темных сил, падших духов, которые дают, чтобы отнять, которые под видом добра причиняют зло, то в какую ловушку вы тогда попали?

Вадим спросил:

– Как вы считаете, что это за энергия: моя или демоническая?

Духовник ответил:

– Мне трудно ответить, какие энергии здесь действуют: ваша и чужая, соединенные вместе, или одна – демоническая.

Вадим сказал:

– У нас будет совещание относительно изменения течения рек, которое грозит экологической катастрофой и гибелью тайги. Могу ли я пригласить вас? Мои друзья будут рады.

Духовник ответил:

– Я не специалист в подобных вопросах, но передайте своим друзьям, что я желаю, чтобы сибирский лес продолжал существовать.

Интеллигент-богоборец

Часть 1

К духовнику пришел молодой человек, который представился ему как доцент-филолог, работающий над докторской диссертацией. Он сказал:

– Когда я был ребенком, то иногда с родителями посещал храм, в котором вы служили. Затем наша семья уехала в Россию, там я получил образование и написал несколько книг. Я с детства осознавал себя верующим, и теперь вера не покидает меня, но я мучаюсь сомнениями.

Духовник вспомнил, что он действительно видел этого человека в храме много лет тому назад и несколько раз беседовал с его отцом. Он сказал:

– Рад вас видеть. Когда встречаешься с людьми, которых знал прежде, то невольно вспоминается старое время; оно было проще и поэтому лучше, чем наше. Но говорят, что человек так создан: прошлое ему всегда кажется лучше, чем настоящее.

Собеседник, а имя его было Игнатий, ответил:

– Для нас начало «перестройки» стало трудным периодом. Наша семья была вынуждена уехать, чтобы мой отец мог работать по специальности. Отец – человек огромной энергии и настойчивости и, преодолев много трудностей, теперь он снова занимается научной работой и заведует кафедрой одного из университетов.

Духовник задумался:

– Возможно, прошлое кажется мне лучшим, потому что и сам я раньше был лучше. Окружающее мы воспринимаем через свое сознание, как сквозь призму, а эта призма с годами покрылась налетом пыли и помутнела. Раньше я более чутко воспринимал добро и реагировал на него. Я думаю, что детство – лучший период жизни именно потому, что в эту пору ребенок «чистым» взглядом смотрит на мир и меньше видит в нем зла.

Игнатий сказал:

– Я люблю город, в котором родился. Годы, проведенные в нем, я вспоминал с болью, похожей на боль разлуки с любимым другом. Мне хотелось пройтись пешком по его улицам, посмотреть с Мтацминда^{XCIII} на Тбилиси в вечерние сумерки, когда город освещен холодным светом электрических фонарей и когда из полумрака проступают выхваченные из него лучами прожекторов силуэты Метехи^{XCIV} и Нарикала^{XCIV}. Я приехал сюда в командировку по

служебным делам, но на самом деле я желал повидать город, который остается моей родиной. Затем меня потянуло прийти к вам.

Духовник спросил:

– Как к одному из персонажей ваших воспоминаний?

Игнатий ответил:

– И да, и нет. Как я сказал, меня мучают сомнения, какие-то странные, нелепые и дерзкие мысли. Иногда я прихожу от них в состояние уныния, и мне кажется, что спасения для меня нет. А иногда кажется, что это сатана вселился в меня. Эти мысли похожи на одержимость, и в то же время я переживаю их, как свои собственные. Если это беснование, то беснование моего ума.

Духовник сказал:

– Есть особое искушение, называемое хульные мысли. Это скверные слова, которые слышит в своей душе человек, направленные против святыни. Но тут одно правило – не обращать на них внимание.

Игнатий ответил:

– Нет. Я знаю, о чем вы говорите, но у меня совсем другое. Я думаю, почему я не Бог, и у меня возникают два чувства: страх от этой мысли и протест против Бога, соединенный с какой-то злобой, как будто Он отнял то, что должно принадлежать мне. Это хуже хульных мыслей, через которые диавол насмехается над человеком.

Духовник сказал:

– Согласен с вами, что это искушение тяжелее, но здесь налицо недоразумение. Бог как раз для того создал вас, чтобы дать и вам обОжение. Святитель Афанасий Великий^{ХСVI} писал, что Бог принял на Себя человеческую природу, чтобы человека сделать богом по благодати.

Игнатий удивленно посмотрел на духовника, затем, помолчав, спросил:

– Зачем же нужны эта борьба и страдания, почему Бог сразу не сделал меня богом?

Духовник сказал:

– Возможно, так думал Адам перед тем, как сорвал запретный плод... Но все-таки постараюсь ответить на ваш вопрос маленьким примером. Вы, кажется, доцент?

Игнатий ответил:

– Да.

– Следовательно, вы написали диссертацию?

Игнатий снова ответил:

– Конечно. По одной из проблем исторической лингвистики. Я трудился над темой несколько лет, и мне пришлось изучить колоссальный объем материала.

Духовник спросил:

– Желали бы вы, чтобы кто-нибудь написал диссертацию за вас, а вы только подписали бы ее своим именем?

Игнатий ответил:

– Для меня даже оскорбителен такой вопрос. Эта диссертация не только стоила мне труда, но и доставила радость. Она мне дорога именно тем, что я вложил в нее много сил.

Духовник сказал:

– Бог по Своей любви хотел не только подарить вам Божественную благодать, но и сделать вас достойным этой благодати. Он хотел дать вам этот дар так, чтобы в нем участвовали ваша личность и ваша воля. Бог обещал сделать человека, покоровшего свою волю Его заповедям, богом по благодати. Что же вам еще надо? Чему вы завидуете?

Игнатий спросил:

– Бог есть Истина и Любовь. Но разве Бог не мог сразу дать мне любовь и истину и сделать меня равным Себе? Ведь богом по благодати может быть всякий человек, совершивший подвиг веры. А я хочу другого – быть извечным богом.

Духовник ответил:

– Бог распялся за человечество. Иисус Христос претерпел в Своей душе адские муки за всех людей. Можешь ли ты, гордец, желающий стать богом, распяться хоть за одного человека? А ты говоришь: «Почему я не предвечная истина и предвечная любовь?».

Игнатий, помедлив, сказал:

– Теперь я вижу, что это были не мои мысли, а сатанинские. Благодарю. Я прощаюсь с вами. Уже вечер. Пойду погуляю по набережной. Завтра мне надо возвращаться назад.

Часть 2

На другой день Игнатий пришел попрощаться с духовником и спросил:

– Какую литературу вы посоветовали бы мне читать?

Духовник ответил:

– Ту, которую я не люблю и другим не советую.

Игнатий удивился:

– Я не понимаю. Может быть, вы говорите о трудах по лингвистике, для того чтобы я занимался своим делом и не рассуждал о религии?

Духовник ответил:

– Просто верить и не рассуждать о религии – это интеллектуальный подвиг, на который вы пока не способны. Вы привыкли анализировать, сопоставлять, опровергать и вносить во все свои поправки. Поэтому почитайте философов-теологов, таких, как Флоренский, Булгаков и братья Трубецкие^{XCVII}. У них эрудиция, которой вы ничего не сможете противопоставить, а желание «мудрить» вам понравится. Впрочем, этого желания у них меньше, чем у вас, а объем знаний, натренированный философской «гимнастикой», больше.

Игнатий спросил:

– Для чего же мне надо их читать?

Духовник ответил:

– Что делать! Некоторые болезни лечатся ядом, а опухоли – радиоактивным облучением, от которого гибнут и раковые, и здоровые клетки. Эти книги лечат и калечат, одних – больше калечат (тех, кто принял учение Церкви), других – больше лечат (тех, кто еще не пришел к Православию). До свидания. Передайте привет вашему отцу. Простите, если я оскорбил вас.

Игнатий сказал:

– Я не обижусь, если вы даже побьете меня палкой.

Духовник ответил:

– Поживем, увидим. Счастливого вам пути.

Часть 3

Прошел год. Игнатий снова постучал в двери келии духовника. Он сказал:

– Я в Тбилиси проездом. У нас симпозиум в Ереване. Там регулярно устраиваются Брюсовские встречи. Этот выдающийся поэт также был переводчиком и историком. Он открыл для русского читателя армянскую поэзию и написал краткую историю Армении в виде своеобразной летописи. Разумеется, такие встречи вас мало интересуют, но я хотел бы узнать, может ли христианин читать и изучать светскую литературу? Обогащает духовную жизнь современное искусство или, наоборот, обкрадывает и обедняет ее? Я по профессии, как вы помните, филолог, и поэтому литература – моя стихия. Смежное с ней языкознание стало моей профессией. Но я признаюсь, что здесь не было выбора и влечения с моей стороны. Мой отец, будучи литературоведом, передал мне свою эстафету, а проще говоря, устроил меня в учебное заведение, где преподавал сам, и опекал меня. В дальнейшем моя работа как лингвиста пошла успешно. Я написал несколько книг, но до сих пор не знаю, нашел ли я в этом свое призвание и для чего все это нужно. Однако это проблема, которую должен решить я сам. А вас я прошу помочь мне с христианской позиции ответить на вопрос: имеет ли литература какое-нибудь положительное, хотя бы познавательное значение или же это только попытка создать некий иллюзорный мир, в который человек может уйти, как в мир наркотических грез, в котором может осуществить свои страстные желания,

остающиеся заторможенными в нем; может раскрепостить свое подсознание? Хотя писатели и стараются создавать правдоподобные картины жизни, но мне кажется, что это способ какого-то магического обаяния, который помогает жить вне времени и пространства, в мире, «альтернативном» нашей действительности. Не является ли литература альтернативой не только повседневности, но и самой духовной жизни? Не приковывает ли она человека к земле, не придает ли она нашим страстям еще более завораживающую силу?

Духовник ответил:

– В сущности говоря, вы сами уже ответили на свой вопрос. Что касается меня, то для меня литература стала неинтересной и чуждой еще до монашеского пострига.

Игнатий сказал:

– Разумеется, я говорю не о макулатуре, а о классической литературе, о тех произведениях, где писатели стараются раскрыть духовный мир человека в многообразии его чувств, стремлений, замыслов и переживаний, где они стараются писать картину не только яркими мазками, но и полутонами, где в гамме человеческих переживаний звучат тончайшие нюансы, в которых мы узнаем состояния своей души. Может ли такая литература дать что-нибудь для христианина или это только потеря времени, которое дано нам, чтобы определиться на земле по отношению к вечности, то есть бессмысленное расточение капитала, полученного в дар?

Духовник ответил:

– Литература становится подтверждением того, что мятущаяся человеческая душа не может ни в чем найти счастья на земле. Один поэт, обладавший особенно чуткой, тонкой интуицией и искренностью, но так же потерявший Бога, сказал:

*Все на свете, все на свете знают:
счастья нет*^{XCVIII}.

Литература на протяжении веков не предложила ни одного персонажа, который бы нашел сказочную птицу, именуемую счастьем. Гениальные писатели не смогли создать образ счастливого человека, потому что его не было, а лгать до конца они не могли. Что мы видим у героев Байрона, Пушкина и Лермонтова? – Разочарование во всем, презрение к жизни и смертельную скуку, которая парализует их силы. Это люди, потерявшие Бога, но еще не до конца опустившиеся. Они чувствуют потерю и пустоту в своей душе. Здесь два пути: дальнейшая демонизация или же полная нравственная деградация, превращение в животное, для которого жизнь – удовлетворение низменных страстей, то есть пошлая эмпирика^{XCIX}. Эти писатели дали нам картину клинической болезни своего времени.

Литература начала XX века все более демонизируется в творениях выдающихся писателей и поэтов, в ней все громче слышится вопль безысходности. В каждой книге этих властителей народных дум незримо присутствует как главный герой сатана – как распорядитель чудовищного пира, как режиссер мировой трагедии. Демон – дух тоски и смерти. Демонизированное общество, быть может не осознавая того, стремится к самоубийству. Так интеллигенция, ненавидящая Бога и глубоко несчастная, сама осуществила через вызванную ею революцию коллективное самоубийство. Для революции нужны не люди, а оловянные солдатики, поэтому после нее литература подменяется спецзаказом с обязательным партийным оптимизмом. Литература сводится к двум лозунгам: «Да здравствует коммунизм!» и «Смерть врагам революции!». Таким врагом номер один объявляется Бог.

Теперь уже диавол в литературе не нужен: он скорее может напомнить о существовании Бога. Он исчезает со страниц книг: его дело теперь совершают сами люди – дело лжи и убийства.

Так проходит несколько десятков лет. Писать и творить можно только стоя на коленях перед идолом коммунизма и его вождей. Затем неожиданно появляется оппозиция, словно оттепель. Она рождается в лагере либералов, которым не по душе та куца и лживая нравственность, которая объявила своим моральным кодексом атеистическое государство, театральным аскетизм революции. Эта оппозиция выступает под знаменем защиты прав человека, которые сводятся к неопределенному понятию свободы как альтернативы

существующего строя. Но она живет отрицанием и сама лишена твердых нравственных устоев. Она чужда христианству еще в большей степени, чем марксизму, однако из своей программы не исключает религию и, образно говоря, предлагает свою правозащиту Христу, как... жертве режима. Эти люди хотят разбить оковы на теле России, но вместе с цепями срывают с нее одежды. Они хотят уничтожить лагерь и застенки, чтобы на их месте построить публичные дома. Они изрыгают проклятия деспотизму и диктаторам между очередными попойками.

За последние годы не было создано ни одного значительного произведения ни в литературе, ни в искусстве. То, что мы видим, – это духовная деградация, умственное измельчание и порнография, доходящая до порнофилии. Мы не обобщаем этого явления, так как личность выше общества и даже времени: и здесь мы найдем исключения. В нашем обществе можно увидеть проявления истинной религиозности, примеры любви к людям. Но мы говорим об общих тенденциях, а они заключаются в превращении человека в существо, у которого становятся доминирующими две системы – пищеварения и размножения, притом системы, все более захватываемые патологией.

Современная литература, конечно, имеет познавательное значение, познавательно даже ее вырождение как таковое. Это своего рода барометр исторического развития и нравственного состояния общества, показания которого падают вниз, как перед бурей. Это искусство, отражающее состояние современного человека, свидетельствует о том, что мир, потерявший Бога, обречен. Поэтому в целом современное искусство – это в какой-то степени тоже апокалипсис, констатация неизбежности мировой катастрофы, так как в духовном плане человечество накопило слишком большие запасы «взрывчатых веществ» – зла и греха.

Христианину светская литература не нужна. У него есть Библия и творения святых отцов, и он может пить воду из чистого источника. Однако для вас светская литература может послужить поводом для размышлений с целью осмысления нравственной и духовной истории человечества. Правда, здесь есть некий парадокс: понять, осмыслить эти процессы, отраженные в искусстве, человек может только став христианином, но тогда, как я уже сказал, для него сама светская литература потеряет свое гностическое, познавательное значение.

Игнатий спросил:

– Лингвистика и литература стали моей профессией. Если я откажусь от них, то что мне делать? Идти подметать улицы, к чему я мало приспособлен? Я думаю, что в первый же день метлой натру мозоли на руках... Или сидеть дома на иждивении своего отца, который также занимается литературой? Идти в монастырь я не могу, так как считаю, что это надо делать только по призванию. Монастырь не способ уйти от мирских проблем, а служение Богу, к которому я совершенно не готов. Что же мне делать?

Духовник ответил:

– Сосредоточьтесь на проблемах исторической лингвистики и напишите книгу о какой-нибудь берестяной грамоте, которую нашли археологи на месте Новгородского городища. Вы спросили меня о познавательном значении литературы, и я попробовал ответить, а теперь вы спрашиваете меня о своей жизни, притом желая услышать мой совет, но вовсе не имея решимости использовать его. Есть вопросы, которые не должны решать за человека другие, тем более когда они не могут предложить этому человеку ничего реального. Поэтому возьмите ответственность на себя.

Игнатий спросил:

– А как вы думаете, ехать мне в Ереван с докладом о Брюсове?

Духовник ответил:

– А если вы не поедете, как вы проведете это время? Используйте его для молитвы и чтения Евангелия? Думаю, что нет. Поэтому делайте как знаете.

Послушник-«шатайка»

К духовнику пришел молодой человек в подряснике, поверх которого был накинут легкий летний плащ, и сказал, что хочет побеседовать с ним. Он назвался послушником одного из сибирских монастырей, вернее, скита, где жило несколько человек братии.

Духовник сказал:

– Значит, вы находитесь в послушании. Что привело вас сюда?

Тот ответил:

– Я давно хотел посетить святые места Грузии. А теперь представился случай: мне дали отпуск на неопределенное время.

Духовник удивился:

– Странно, что отпускают послушника из монастыря, не назначив точный срок для его возвращения... Может быть, вас просто исключили из обители?

Посетитель ответил:

– Я как раз хотел побеседовать с вами по этому поводу.

Духовник спросил:

– А благословил ли вас ваш игумен говорить со мной о том, что относится к его компетенции?

Послушник ответил:

– Игумен разрешил мне поехать по монастырям и святым местам. Он сказал: «Если тебе не нравится здесь, у нас, то походи, посмотри, как живут монахи в других обителях. Если там понравится, то можешь оставаться, и я пришлю тебе нужный документ. Но вряд ли тебя где-нибудь будут терпеть. Пойди, побеседуй, посмотри, а если в течение полугода надумаешь вернуться к нам, то я приму тебя. Я жалею твою молодость, боюсь, что ты пропадешь в миру. А в старину в монастырях так не делали, тогда говорили: не хочешь слушаться – от ворот поворот».

Духовник сказал:

– К такому доброму игумену я сам бы пошел послушником. Я советую тебе принять все случившееся с тобой как бесовское искушение, дать игумену телеграмму, что ты возвращаешься, и немедленно отправиться назад.

Послушник заметил:

– В Библии написано, что мудрый человек не отвечает, не выслушав. Поэтому сначала выслушайте меня.

Духовник сказал:

– Ну, раз так, то «валяй», ведь у нас язык без костей.

Послушник ответил с обидой:

– Я шел к вам с открытой душой, хотел рассказать все, что у меня наболело. Я думал, что вы выслушаете и поймете меня, а вы вместо этого сказали: «Валяй», и у меня теперь пропало все настроение говорить, как будто меня окатили холодной водой.

Духовник сказал:

– Если у тебя испортилось настроение, то приходи в другой раз.

Послушник не согласился:

– У меня настроение уже давно испорчено игуменами и духовниками, но все-таки я соберусь с духом и расскажу вам, и вы поймете, что нельзя обращаться так с человеком, который пришел просить совета и сочувствия.

Он начал рассказ:

– Мои родители были верующими людьми и хотели, чтобы я получил духовное образование. Я уже с детства свыкся с мыслью, что буду священником. После армии я пошел учиться в семинарию. Это было небольшое училище, где находилось двадцать воспитанников. После 90-х годов во многих епархиях были созданы такие семинарии, поскольку не хватало священников для открывающихся храмов. Там, в семинарии, я познакомился с книгами Феофана Затворника^C, Игнатия (Брянчанинова)^{C1} и с «Добротолюбием»^{C11}, – одним словом, меня потянуло к монашеской жизни. Стали открываться и строиться монастыри, я решил оставить семинарию и найти приют в одном из

них. Епископ, которому я сказал об этом, выслушал меня и затем ответил: «Сначала окончи семинарию, а потом будет видно. Может быть, монашество твое призвание, а может быть, — искушение; во всяком случае, не торопись, никто тебя насильно рукополагать в священники не будет, и ты можешь, проверив себя, более трезво решить, что тебе делать». Но я стал просить и настаивать. Наконец по прошествии нескольких месяцев епископ сказал: «Получай свои документы и справку, что ты окончил годичный курс семинарии. Устраивайся где хочешь, только не в моей епархии».

Не буду рассказывать вам о том, как я оказался в Сибири и поступил в число братии строящегося монастыря. Нужно было возобновить полуразрушенный храм и построить братский корпус, поначалу хотя бы на несколько человек. Мы трудились вместе с нанятыми рабочими, а игумен таскал камни наравне с нами. Но вот первые работы закончились, храм был освящен, и в нем ежедневно стали проводиться службы. Жили мы небогато, но народ не оставлял нас. Я думал, что теперь у меня будут условия жить по «Добротолубию» и заниматься внутренним деланием. Но меня определили на кухню, так что даже службу приходилось слышать урывками, и весь день проходил в хлопотах. В семинарии я имел больше времени молиться в храме и читать святоотеческие книги. Я попросил игумена дать мне другое послушание. Он перевел меня в просфорню. Там, кроме просфор, приходилось еще печь хлеб для братии и посетителей. К тому же мне давали различные послушания, так что я постоянно был занят. Тогда я решил обратиться к игумену с письмом. Я сделал выписки из наставлений святых отцов о том, какой должна быть монашеская жизнь, и написал проект распорядка дня в монастыре. Я думал, что игумен не читал «Добротолубие» и мое письмо заставит его задуматься. Прошло несколько дней. Я ждал, что игумен вызовет меня, чтобы побеседовать со мной, но он вел себя как ни в чем не бывало. Наконец я сам спросил его, прочитал ли он мое письмо. Игумен ответил: «А я думал, что ты принес на рецензию семинарское сочинение». Через некоторое время я написал второе письмо; потом обличил его при братии. Тогда он сказал: «Поезжай, посмотри, как живут в других монастырях. Если не найдешь игумена по своему сердцу, который бы слушал тебя, то приезжай назад».

Духовник сказал:

— Недавно я получил письмо от знакомого священника с Урала. Я прочитаю небольшой отрывок из него. Послушай, о чем он пишет.

«В моей жизни был такой случай. Несколько монахов заявили игумену, что хотят вести более аскетический образ жизни, чем в монастыре: трапезовать раз в день, класть по 500 поклонов, не выходить за ограду монастыря после вечернего правила, половину ночи молиться и не разговаривать друг с другом, а общаться больше знаками. Игумен не благословлял на такую аскезу, но они настаивали. Тогда игумен сказал: «Даже от святых настоятелей, таких, как преподобный Сергей Радонежский, уходили недовольные монахи, и он не препятствовал. Я разрешаю вам отделиться от нас и устроить отдельно скит. Сами составьте себе монашеский устав и живите, как в Фиваиде». Недалеко в лесу они основали себе небольшой скит. Прошло несколько месяцев. Я вижу двух из этих монахов в городе: идут и о чем-то оживленно разговаривают между собой. Прошло еще некоторое время, и я узнал от своих знакомых, что эти «аскеты» вообще зачастили в город. Я решил посмотреть, как идет их жизнь: может быть, действительно нужда вывела их за ограду скита — для покупки провизии или лекарства, кто знает; хотя обычно в таких случаях находятся люди, которые с удовольствием помогают монахам в житейских нуждах. Я пришел к ним в скит, как к старым знакомым. По их уставу они не должны были говорить между собой, да и со мной, кроме непосредственного и неотложного дела. Но разговор зашел о церковных новостях, затем перешел на политику. Я спросил: «Когда вы начинаете вечернее правило?». Они ответили: «Мы несколько изменили устав, и теперь каждый читает правило у себя в келии, но сегодня мы соберемся на молитву вместе». Это вечернее правило заключалось в чтении лишь повечерия. Затем они стали расходиться из храма, вернее, пошли снова на кухню. Я спросил: «Вы, кажется, установили канон: после повечерия читать акафисты и Иисусову молитву половину ночи, а затем молча идти в свои келии?». Скитяне ответили:

«Ради гостей мы отменяем эти правила». Я сказал: «Благодарю за такое уважение, но можете не стесняться меня и не оставлять того, что вами принято».

Духовник продолжал:

– В Библии написано: «Непослушный похож на опавший лист»^{CIII}. Вначале лист зеленый, его трудно отличить от висящего на дереве, но, не питаясь соком ствола, он быстро увядает и превращается в прах. Скоро иссякла ревность этих монахов-самочинников, и они стали вести себя как мирские люди. Поэтому святые отцы говорили, что послушание выше поста и молитвы. Скажи мне по совести: когда ты ушел из монастыря, то стал ли больше молиться? Когда ты освободился от послушания, которое тебе казалось игом, то потекла ли Иисусова молитва в твоём сердце?

Послушник помолчал и, не отвечая на вопрос, сказал:

– А разве можно слушаться, когда говорят не по Богу? Я сравниваю слова игумена со словами преподобного Исаака Сирина^{CIV} и вижу в них большую разницу. Кого же, по вашему, я должен слушать? Неужели игумен лучше знает духовную жизнь, чем Исаак Сирин?

Духовник сказал:

– Думаю, что монашескую жизнь, особенно пустынножителство, лучше знает преподобный авва Исаак. Но если бы он взял тебя в ученики, то ты убежал бы от него через два дня, не выдержав ни его поста, ни бдения. Те состояния, о которых писал преподобный Исаак, основаны на подвигах, в том числе и телесных, а у тебя их заменяет твоё собственное воображение. Для нас началом подвига является послушание игумену. Впрочем, это начало, не имеющее конца. Что касается вашего игумена, то он как раз исполняет святоотеческую заповедь: «Если молодой монах захочет забраться на небо, то схвати его за ногу и стяни вниз,— это для него полезно».

Послушник спросил:

– Я читал о послушании в последние времена в пятом томе у святителя Игнатия, где он пишет о том, что от неопытных старцев можно пострадать так же, как от неопытных врачей. Кто лучше знает, что такое послушание: святитель или наш игумен?

Духовник ответил:

– Что касается твоего послушания, то, несомненно, лучше знает твой игумен, чем святитель Игнатий.

Послушник огорчился:

– Я пришел разрешить свой вопрос, а вы иронизируете надо мной.

Духовник вздохнул:

– Ты пришел не для того, чтобы разрешить вопросы, а для того, чтобы услышать от меня подтверждение своим ложным мнениям и таким образом оправдать перед самим собой свое дезертирство из монастыря. Что же касается иронии, то ты сам смеешься над собой, не понимая того. Впрочем, я отвечу на твоё недоумение. Предположим, что у тебя в руках метеорологическая карта какой-то области, со схемами и прогнозами. Можешь ли ты определить по ней, какая сегодня будет погода в том или ином селении? Или это точнее определит, выйдя на крыльцо своего дома, простой крестьянин, живущий в том селе? Святитель Игнатий делится опытом с читателями своих книг, насчитывающими уже несколько поколений, а игумен имеет дело с конкретным человеком, в данном случае лично с тобой. Разумеется, цель всякого послушания – приближать человека к Богу, и поэтому оно должно быть согласным с заповедями Евангелия. Но в чем игумен мешал тебе исполнять волю Божию?

Послушник сказал:

– Он давал мне послушания, которые почти не оставляли времени для молитвы, а когда оставалось время, то я от усталости едва не падал с ног. Если я обращался к нему с каким-нибудь духовным вопросом, то он отвечал кратко, на ходу или говорил с той же иронией: «Когда мы восстановим монастырь, то откроем в нем духовную академию. К нам будут приезжать профессора из столицы и преподавать богословие, и ты вдоволь наговоришься с

ними, а теперь думай, чтобы у тебя на просфорне хлебы хорошо пропеклись и не подгорели».

Духовник заметил:

– Как я понимаю, у тебя две претензии к игумену. Во-первых, у тебя не было достаточно времени, чтобы читать святоотеческую литературу и заниматься молитвой в уединении. Во-вторых, ты был недоволен тем, что игумен забыл, что ты окончил один курс семинарии, и уравнивал тебя с другими и, вместо того чтобы назначить тебя катехизатором и проповедником, послал на кухню. А между тем святитель Василий Великий допускает уход из монастыря лишь в том случае, если игумен – еретик.

Послушник возразил:

– Нет, наш игумен православный и против Евангелия никого не учит. Но сама монашеская жизнь имеет свои особенности и правила, а послушник – тот же монах, только еще не принявший пострига и проходящий испытание. Образ жизни у послушника и монаха должен быть одинаковым. А игумен не давал возможности заниматься непрерывной молитвой. Я целый день проводил в делах и бегах. Разве это правильно? Некоторые миряне имеют больше возможности для уединения и молитвы, чем я в монастыре.

Духовник ответил:

– Это самообман. Василий Великий пишет, что, кроме словесной молитвы, есть еще состояние души, когда она при всяком деле обращена к Богу. Это то состояние, когда душа не увлечена и не поглощена заботами, а отталкивается от внешнего и посвящает все свои труды Богу. Но давай остановимся на первом виде словесной молитвы, исполнение которой в монастыре кажется тебе затруднительным, и оттого жизнь в обители – бесплодной. Ты забыл о том, что молитва – это средство для стяжания благодати, это путь к Богу, а через благодать осуществляется само богообщение. Я приведу тебе пример. Ты, наверное, читал, что в древности был вид боевого корабля, называвшийся галерой, парусное и гребное судно. Когда не было попутного ветра, то гребли веслами, чаще всего этот тяжкий труд исполняли рабы и каторжане. Когда дул попутный ветер, то на галере поднимали паруса и она летела быстро, как морская птица. Труднее всего было гребцам, когда ветер был встречный: они гребли изо всех сил, но корабль еле-еле продвигался вперед, а нередко порывы бури отбрасывали его назад, как легкую щепку. Твои труды в стяжании молитвы – труд гребцов, а попутный ветер – монастырское послушание. Находящиеся в миру могут трудиться над молитвой продолжительное время, но поскольку они не отсекают своей воли, то в душе у них смятение, и молитва еле-еле пробивается сквозь тучи помыслов, как галера без попутного ветра не может быстро продвигаться вперед. Если сказать несколько грубо, то у живущих в миру и находящихся в постоянном общении с людьми, обремененными заботами и обуреваемыми страстями, молитва получается более низкого качества, то есть им трудно соединить ум и сердце с ее словами.

Человек же, который отдал себя послушанию, похож на корабль, гонимый попутным ветром. Может быть, меньше трудов прилагают гребцы, но за них несет галеру наполненный ветром парус. Кто в послушании – полном и нелицемерном, тот тем самым освободил свой ум от помыслов, которые, как пиявки кровь, пьют силы души. Эти помыслы, противостоящие друг другу, увлекаемые и колеблемые страстями – причем человек взвешивает, обдумывает, принимает, отвергает, придумывает или, словно в тяжелой дремоте, рассматривает картины своей фантазии, – не могут дать душе покоя и мира. Душа находится в постоянном сомнении, страхе, в состоянии неопределенности. Страсти, действующие в глубине души, наполняют ее какой-то мутью. Усмирить змея, таящегося в глубинах сердца, и связать его может только благодать Божия. А послушанием, как жертвой Богу, скоро приобретает благодать, которая молится вместе с человеком в его сердце. Искренний послушник, как только начинает молитву, уже ощущает действие благодати – как радость. Затем она становится похожей на тепло, которое согревает душу, а иногда и тело. Далее благодать является как свет, дающий человеку такую легкость, словно сброшены с него все заботы и само тело его стало другим. Он похож на опьяненного, только не земным, а

небесным вином, которое не затуманивает сознание, а очищает его и делает прозрачным, подобным кристаллу.

Послушание – и начало, и конец духовной жизни. Послушник посвящает Богу не только труды и время, но и самого себя. Не монастырские труды мешают молитве, а гордость, которая говорит: «Если бы у тебя было время, то своими силами ты добился бы того, чего достигали святые подвижники», забывая, что святые учили отвергать свою волю перед наставниками и друг перед другом. В молитве монаху мешает не труд, а тщеславие своим трудом или корыстолюбие, ради которых он трудится. Именно эти страсти приковывают его к земле. А монах, имеющий послушание, работает так, как если бы он трудился для Самого Господа, но в то же время смотрит на свой труд бесстрастно, не привязываясь к нему сердцем. У истинного послушника во время труда рождается в сердце молитва. Если человек пребудет в послушании лишь несколько дней и затем умрет, то это послушание спасет его навеки. Разумеется, мы говорим о мужественном, решительном и твердом послушании. Если человек будет готов для внутренней молитвы и безмолвия, то Господь даст ему внешние условия, по сказанному в псалме: *Даст ти Господь по сердцу твоему, и весь совет твой исполнит*¹⁶. Если же мы с тобой, отринув труд и послушание, станем безмолвствовать в своих келиях, то будем подобны преждевременно родившемуся ребенку: или же мы не перенесем безмолвия и упадем в пучину страстей глубже, чем мирские люди, или же повредимся умом.

Есть, если помнишь, еще одно состояние галеры – когда дует встречный ветер. Это состояние непослушного монаха, который ропщет на игумена, спорит, доказывает свою правоту, самовольно трудится, но ветер непослушания и гордыни отгоняет его корабль назад. Поэтому Иоанн Лествичник говорит о том, что лучше непокорного монаха выгнать из монастыря, чем оставить в монастыре, творящим свою волю¹⁷.

Человек больше всего теряет благодать от следующих грехов: мирской – от блуда, монастырский монах – от своеволия, а пустынный – от забвения молитвы.

Послушник спросил:

– О самом послушании подвижники писали неодинаково: Игнатий (Брянчанинов) предостерегал от неопытных старцев, которые могут повредить душе, а Феофан Затворник настаивал на послушании. Кто же из них прав?

Духовник ответил:

– Не нам судить об их духовной высоте. Но каждый из них писал от своего опыта. Святитель Игнатий был похож на человека, который советовал больному внимательно присмотреться к врачу, прежде чем отдать себя в его руки, и предостерегал от неопытных и незнающих врачей, которые смело берутся делать операции даже на человеческом сердце. А Феофан Затворник говорил о том, что без врача самому излечиться от болезни трудно, даже имея в руках медицинский справочник. Кто из них прав? Я думаю, что они дополняют друг друга. Но в самом главном, в том, что послушание необходимо, они согласны. Ты думаешь, что лучше знаешь волю Божию, чем игумен, – в этом начало твоего падения. Сейчас, покинув монастырь, ты похож на Адама, изгнанного из рая. Только ты свой земной рай покинул добровольно и не плачешь при воспоминании о нем, как Адам. Но после смерти будешь плакать, когда увидишь, что мог бы иметь и потерял. Поэтому возвращайся назад и упади в ноги игумену.

Послушник покачал головой:

– Может быть, я и сделаю так, но сначала я хочу посетить святые места и поклониться им.

Духовник возразил:

– Поклониться ты можешь, а приобщиться их святости вряд ли. Непослушное сердце с трудом воспринимает благодать – так камень не может впитать в себя воду. Сначала сломи

¹⁶ Ср.: Пс. 19, 5.

¹⁷ См.: Преподобный Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы. Лествица. Слово особенное к пастырю. Глава 14, 4.

свой дух, а затем, если Господу будет угодно, придешь сюда снова, но уже не один, а со своим Ангелом-хранителем.

Послушник спросил:

– А разве вы прозорливы, что видите Ангела-хранителя и знаете, находится он около меня или нет?

Духовник ответил:

– Ангела я не вижу, а беса вижу, поэтому не искушай меня, а иди восвояси.

Слишком усердная прихожанка

К духовнику пришла женщина, вся в слезах. В руках она сжимала носовой платок и во время разговора то нервно комкала его, то, отворачиваясь, вытирала им глаза, то прятала его в рукав платья. Духовник спросил ее:

– Наверное, с вами стряслась какая-нибудь беда?

Женщина ответила:

– Хуже быть не может: умер мой духовный отец, иеромонах Иннокентий.

Духовник изумился:

– Я видел его только вчера. Неужели он скорпостижно скончался в эту ночь?

Женщина ответила:

– Нет. Он жив, но захотел быть мертвым для меня. При последней встрече он сказал: «Матрона, считай, что я умер. Ищи другого наставника, а обо мне забудь так, как будто меня не существует на свете».

Духовник задумался:

– Я понимаю ваше состояние, но не волнуйтесь. Давайте подумаем спокойно, как можно исправить положение.

Женщина сказала:

– Я старалась во всем слушаться его и отдавала все силы, чтобы чем-нибудь послужить ему. Я открывала перед ним свою душу. Будучи занятой на работе и дома по хозяйству, я буквально выкраивала время, чтобы ежедневно приходить к нему и беседовать с ним. Вначале он был внимателен ко мне, но затем я почувствовала, что он все больше отдаляется от меня. Возможно, ему что-нибудь наговорили и наклеветали на меня, что – не могу понять. Я исповедывала ему подробно до мелочей все мои грехи, словно выжимала и высушивала всю свою душу в такой исповеди. И вдруг он стал смотреть на меня безразлично и холодно, встречать так официально, словно видит в первый раз незнакомого человека. Наконец сказал, чтобы я искала другого духовника и больше не беспокоила его. Я позвонила ему по телефону, но он ответил мне, что все уже сказано. А когда я позвонила во второй раз, то молча положил трубку. Что случилось, я не понимаю...

Духовник спросил:

– Не слишком ли эмоциональна ваша оценка того, что произошло?

Женщина ответила:

– А как я могу быть равнодушной, когда вдруг осталась круглой сиротой? В детстве я читала сказку «Маленький принц», там бедная лисичка жаловалась, что ее приручили и теперь она не может жить без принца^{CV}. Меня тоже приручили и потом выгнали, но не как лисицу, а как собачонку.

Духовник спросил:

– А почему вы пришли ко мне?

Женщина ответила:

– Еще раньше, как-то в беседе он, назвав ваше имя, сказал: «Может быть, ты как-нибудь пойдешь к этому священнику и спросишь его о своей духовной жизни». Но я не понимала, зачем это нужно: ведь у меня есть свой наставник. Более того, я полагала, что, прося совета у другого, я изменю ему.

Духовник спросил:

– Скажите, как вы считаете, чем я могу помочь вам?

Женщина ответила:

– Попросите моего наставника, чтобы он снова принял меня.

Духовник удивился:

– Что я должен сказать ему? «Выслушав вашу духовную дочь, я пришел к выводу, что вы поступили неправильно и необдуманно. Не оценив ее духовных достоинств и стремления к спасению, вы несправедливо оттолкнули ее. Остаюсь возмущенным вашим поступком. Ваш брат такой-то». Так?

Женщина ответила:

– Если вы скажете или напишете ему так, он разгневется еще больше, хотя мне ваши слова кажутся справедливыми.

Духовник сказал:

– Вы сами видите, что если мы начнем с упреков и обличений в несправедливости, то ничего хорошего не получится. Давайте сделаем противоположное этому: представим, что он прав, а вы не правы, и с этой точки зрения рассмотрим сложившееся положение для того, чтобы попытаться его исправить.

Женщина воскликнула:

– Если дело заключается только в этом, то я готова возвести на себя любую напраслину и принести повинную в грехах, которых не совершала, лишь бы восстановить мир!

Духовник пояснил:

– Я говорю о том, что надо сначала разобраться, правильно ли вы относились к своему духовному отцу. Если окажется, что допустили ошибки, то тогда обвините себя, только искренне, а не формально.

Женщина вздохнула:

– Я готова принести раскаяние, хотя и не знаю в чем. Но он меня даже на порог не пускает и не хочет выслушать.

Священник ответил:

– В Патерике описан случай: поссорились два монаха, и когда один, считавший себя обиженным, решил пойти к обидчику, тот не открыл ему двери. Старец, к которому обратился обиженный монах, сказал: «Ты шел с гордым помыслом, обвиняя своего брата и оправдывая себя. Это расположение твоего сердца передалось ему, и он не принял тебя. А ты вначале обвини себя в душе и оправдай своего брата, и тогда увидишь, что он отнесется к тебе по-другому». Тот поступил согласно совету, и едва дошел до келии брата, как тот вышел ему навстречу и с любовью обнял его. Так и вы: обвините себя и поверьте, что ваш наставник поступил с вами по справедливости, чтобы исправить вас.

Женщина снова вздохнула:

– Я была предана ему всем сердцем и любила его так, как не любила никого.

Духовник спросил:

– Не кроется ли в этом первая неправильность? Всем сердцем можно любить только одного Бога, а духовный отец лишь проводник к Богу. А вы путеводителя ко Христу поставили на место Христа и этим с самого начала извратили свою духовную жизнь. Если бы данная неправильность была единственной в вашем отношении к духовному отцу, то и она заслуживала бы того, что вы теперь получили. Такая любовь, граничащая с обожествлением, может удовлетворить только гордое и тщеславное сердце; а для того, кто стремится к спасению, она станет тяготой и причиной нарастающего раздражения. Духовный отец отвечает за душу своих детей, а тут он сам становится предметом тайного идолопоклонства. Такую вашу непомерную любовь он правильно принял как соблазн и решил избавить вас от этого соблазна, чтобы вы из-за него не лишились Бога и вечной жизни. Вы говорите: «Я никого не любила в жизни, как его». А между тем любовь к духовному отцу – совсем особое чувство, которое нельзя сравнивать с эмоциональными состояниями. Это благодарность за радость, которую душа получает от Христа по молитвам духовного отца. Это чувство спокойно и мирно. Но скажите по совести сами себе: присутствует ли Христос в ваших встречах с наставником или же наставник заслонил Его собой?

Женщина ответила:

– Я считала, что любовь к духовному отцу – это и есть любовь к Богу.

Духовник спросил:

– Представьте, что невеста сказала бы жениху: «Моя любовь к тебе и к твоему рабу одинакова». Согласны вы, что это ваша первая неправильность?

Женщина кивнула:

– Может быть, я просто не задумывалась над таким вопросом. Но предположим, что я совершила ошибку, а разве нельзя было исправить ее другими способами?

Духовник заметил:

– Вы сами говорили, что ваш духовник стал общаться с вами более холодно и официально. Однако это средство не помогло, и он принужден был для вашего же спасения применить «хирургическую операцию».

Женщина спросила:

– Неужели моя вина только в том, что я люблю своего духовника? А разве может быть иначе?

Духовник ответил:

– Если бы ваша дочь призналась, что любит своего учителя больше всех на свете, то вы сделали бы вывод, что это не любовь, а влюбленность, и дали бы ей изрядный нагоняй. Вы бы сказали, что ее дело – внимательно слушать уроки и исполнять домашние задания, а учителя надо уважать и слушаться, иначе за эмоциями можно забыть о самих уроках.

Затем он добавил:

– Я слышал от вас, что вы взяли в привычку приходить к своему духовному отцу каждый день. Какая в этом была необходимость?

Женщина пояснила:

– Я хотела, чтобы вся моя жизнь проходила перед его глазами, хотела на каждое дело брать благословение.

Духовник сказал:

– Духовник должен разрешать главные вопросы духовной жизни человека. Для этого вполне достаточно видеться и беседовать со своим духовным отцом один-два раза в месяц. Я вижу, что вы сами создавали проблемы, придумывали, какой вопрос задать ему, а на самом деле у вас было одно желание – побыть в его присутствии, войти в его душу, ежедневно напоминать ему о себе. Быть близко к духовнику – значит слушаться его советов, молиться за него, а не смотреть на его лицо и переживать о том, как он себя чувствует.

Женщина возразила:

– Я знаю, что у него в жизни много трудностей, и я хотела облегчить эти трудности и, как могу, послужить ему. Если бы он только сказал, то я была бы готова идти пешком в другой город ночью за лекарством для него, но он не оценил моей преданности, хотя вряд ли найдет когда-нибудь у кого-то такое сердце, как у меня.

Духовник заметил:

– За свои услуги вы требовали слишком большую плату.

Женщина снова возразила:

– Никакой платы я не требовала, а сама была готова отдать ему все, что имею.

Духовник пояснил свои слова:

– Вы не подумали, что отнимаете у него попусту силы и время, а ведь время священника должно быть отдано молитве за паству, в том числе и за вас. Священническая служба только со стороны кажется легкой, а на самом деле она очень тяжела и требует напряжения и сил. А вы, не давая ему отдохнуть, отнимали у него силы, хотя бы тем, что требовали, чтобы он слушал вас. Поэтому по отношению к духовному отцу вы были расточительницей его времени, то есть захватчицей чужого, не принадлежавшего вам достояния. Я сужу по себе. Священник бывает благодарен в душе тем людям, которые ограничивают встречу с ним немногими словами. Он думает: «Какой это благородный человек! Он понимает, как необходимо и дорого мне время». А когда какая-нибудь посетительница задерживается, то невольно священник испытывает в душе раздражение, которое со временем всё больше нарастает, и думает: «Что за бесцеремонность! Пришла, как к своему соседу, и болтает, как со сплетницей на улице». Поэтому ваши услуги на самом

деле превратились в эксплуатацию духовного отца, хотя вы и думали, что ему так же приятно слушать вас, как вам – беседовать с ним. О чем вы говорили со своим наставником?

Женщина сказала:

– Мне часто снятся сны самого разнообразного содержания. Иногда приснится то, что наяву и не выдумаешь. Некоторые сны я воспринимаю как предвестие, указание, что мне делать, но сама не могу их расшифровать. Я не могу успокоиться до тех пор, пока не расскажу их духовному отцу.

Духовник спросил:

– Что же он говорил вам в таких случаях?

Женщина ответила:

– Он говорил, что на сны не надо обращать внимание, что ему тоже часто снятся сны, но когда он бывает сильно утомлен, то наутро ничего не помнит. Однако он прибавил, что есть некоторые особые сны, которые предостерегают человека, только они крайне редки. Поэтому он дал мне три совета: стараться не запоминать сны; каяться в грехах, поскольку тяжелые сны часто бывают последствием грехов (как тягостного состояния души, воплощающегося ночью в гнетущие картины и образы); молиться о тех людях, которых видела во сне. Приблизительно так он отвечал мне, однако я все-таки думаю: если хоть иногда случаются вещие сны, то надо все сны рассказывать духовнику, чтобы не пропустить такой сон, когда он приснится.

Духовник спросил:

– Если вы уже получили ответ, что на сновидения не следует обращать внимания, и ни один ваш сон наставник не принял как вещий, то зачем вам спрашивать его об одном и том же?

Женщина ответила:

– После того как я расскажу сон подробно духовному отцу, у меня в душе наступает спокойствие, приходит уверенность в том, что со мной и с моими родными ничего плохого уже не случится. Даже когда наставник говорит, что об этом и вспоминать не надо, то я прошу, чтобы он выслушал меня, иначе я буду мучаться сомнениями и опасениями.

Духовник сказал:

– Вот мы нашли еще одну ошибку: вы идете к духовному отцу как к гадалке или астрологу, и он должен отвечать вам, что означает барашек, которого вы видели во сне, или покойная тетушка, которая что-то делала у вас на кухне. В старое время была книга, называемая «Сонник. Календарь Брюса», где были собраны толкования на сотни различных сновидений. Церковь не одобряла эту книгу, а оккультисты, напротив, считали ее каким-то небесным даром. Ваш духовный отец, чтобы успокоить вас, выслушивал разную дребедень, которая приснилась вам ночью, а вы, получая от него один и тот же совет – не верить снам, продолжали свое. Если слова вашего наставника ничего не открывают вам, то что могут открыть сны? Для современного человека они стали ловушкой: он верит теням и призракам. Мне кажется, что в этом случае вами руководят три чувства. Во-первых, это интерес к ложной мистике – сновидениям, чему-то таинственному, что должно обогатить вашу жизнь. Во-вторых, в таких рассказах вы видите средство продлить беседу с духовником, почему и рассказываете о снах подробно, даже останавливаетесь и задумываетесь – не забыли ли чего-нибудь. В третьих, во многих ваших снах, несомненно, фигурирует ваш наставник, поэтому вы хотите влиять на него, рассказывая о таких снах, показывая, что через вас Господь открывает в сновидениях его собственную судьбу. Поэтому я уверен, что некоторые рассказы вы начинаете словами, произнесенными интригующим тоном: «Сегодня я видела вас во сне». Я думаю также, что вы во сне не видели одного – что духовный отец, пресытившись вашими снами, закроет перед вами двери на замок.

Женщина не согласилась:

– Я рассказывала не только сны, но и всю свою жизнь, чтобы узнать волю Божию.

Духовник спросил:

– А готовы ли вы были исполнить все, что скажет духовный отец, и действительно ли верили, что через него узнаете волю Божию?

Женщина ответила:

– Да, это, несомненно, так. Как же мне узнать волю Божию без моего духовного отца?

Духовник заключил:

– Тогда примите как волю Божию то, что он отослал вас от себя. Почему же вы плачете, скорбите и негодуете, почему не предположите, что Господь положил ему на сердце направить вас к другому духовнику?

Женщина ответила:

– Это не воля Божия, а искушение.

Духовник заметил:

– Вот видите, вы пребывали в заблуждении, думая, что всецело доверяете духовнику и готовы исполнить каждое его слово. Когда дело дошло до настоящего испытания, то вы перешли на другую позицию, а именно что ваш наставник, как человек, имеет свои искушения и поэтому может ошибаться. Если бы вы пребывали в полном послушании, то сказали бы ему: «Благословите, куда мне идти?», а на деле выходит, что вы принимаете от духовного отца лишь то, что нравится вам или, по крайней мере, не противоречит вашим страстям и привязанностям.

Женщина ответила:

– Когда я иду к духовному отцу, то думаю о том, дома ли он и не сидит ли у него какой-нибудь назойливый посетитель, ведь люди не понимают, что он устал, и вцепляются в него мертвой хваткой. Если бы мне позволили, я сама выгнала бы их из дома. Иногда после таких приемов лицо у него становится бледным и измученным, и я хочу как-нибудь утешить и подбодрить его, дать ему возможность отдохнуть в моем присутствии, чтобы в это время никто не тревожил его. Он иногда при мне засыпает, я сижу тихо, боясь потревожить его сон, и только тогда, когда он откроет глаза, продолжаю свою беседу. Иногда он что-то говорит во сне. Однажды я слышала, как во сне он внятно сказал: «Эта болтунья дана мне в наказание за мои грехи». Как я думаю, это он говорил о посетительнице, которая была до меня. Когда я встретилась с ней на пороге, то она начала рассказывать взхлеб, что купила на базаре и на сколько ее обвесили. Представляю, о чем она могла говорить с духовником.

Духовник сказал:

– Теперь не разберешь, про кого он сказал «болтунья», но все-таки я думаю, что это обобщающее слово. А, может быть, он увидел во сне поэтессу, которая читает ему свои стихи, или женщину, привязанную веревкой к стулу в его келии. А теперь скажите: когда вы шли к духовнику, то молились, чтобы Господь открыл вам через него Свою волю и дал силы исполнить ее?

Женщина ответила:

– Раз он духовный отец, то это разумеется само собой, и я думала, что особо молиться о том, что и так ясно, нет необходимости.

Духовник сказал:

– Господь открывает Свою волю через духовника только тогда, когда чадо готово к этому. Если вы забывали молиться, то, значит, вы забывали о Боге. Как же Господь откроет вам Свою волю? Тот, кто приходит к духовному отцу в силу привязанности, по привычке и от скуки, получит ответ по сердцу своему, то есть будет наказан неправильным ответом духовника.

Женщина спросила:

– А что значит «неправильный ответ»?

Духовник пояснил:

– В сущности, он правилен, так как соответствует душевному состоянию человека, но будет сопряжен для него со скорбью, поскольку через этот ответ Господь не благословляет, а наказывает, вразумляет человека, указывая, что не надо играть с огнем.

Женщина спросила:

– А что такое этот огонь?

Духовник ответил:

– Это благодать Божия, с которой надо обращаться осторожно. Если между духовным отцом и чадом неправильные отношения, то этот огонь опалает виновную сторону.

Женщина снова спросила:

– А в чем может быть виновен наставник перед своим духовным чадом? Какие опасности могут встретиться здесь?

Священник, помедлив, ответил:

– Мне трудно говорить об этом, потому что каждый человек, в том числе и духовник, имеет свои недостатки и слабости, с которыми должен бороться трудом и молитвой, призывая на помощь благодать Божию. Я имею в виду грехи, ставшие для человека привычкой, свойством характера. Укажу вам на некоторые из них, наиболее вредные для внутренней связи и для многогранных отношений между духовным отцом и духовным чадом.

Прежде всего это излишняя самоуверенность и строгость духовника, которая не исправляет, а ломает человека. Это похоже на то, как больной приходит к врачу за помощью, а тот бьет его палкой по голове. Обычно такие строгие духовники бывают очень снисходительны к себе и потому не понимают тяжести правил и наказаний, которые они налагают на других.

Не менее вредна излишняя ласковость. Когда такой «ласковый» духовник говорит со своим духовным чадом, то кажется, что он все время гладит его по голове и возливает на нее елей. Словесную ласку можно употреблять лишь иногда, когда человек отчаивается в своем спасении, а в других же случаях неуместная ласка усыпляет грешника, и грех перестает казаться ему страшным. К подобным духовникам люди часто привязываются, сами не понимая, что любят в них свой собственный грех и возможность «анестезировать» свою совесть. Такой наставник похож на врача, убеждающего больного, что он здоров. Больной уходит утешенным и ободренным, а болезнь между тем продолжает развиваться и в конце концов завершается самым плачевным исходом. Разве не подлежит наказанию врач, который из жалости к больному не дает ему горького лекарства и не прибегает к хирургическому лечению, когда это необходимо, вследствие чего язва увеличивается и гниет. Поэтому такая «доброта» ничуть не лучше жестокости. Духовное чадо должно искать у своего наставника прежде всего не утешения, а помощи на пути ко спасению.

Далее, если наставник молод, неопытен и к тому же сам не был в послушании, но по самомнению берется руководить другими, то он подобен врачу, который с закрытыми глазами ставит диагноз, готовит лекарство и, путая снадобья, часто добавляет к целебному веществу яд.

Плохо, когда духовник не ко всем относится одинаково: одним оказывает особое внимание и расположение, а других едва терпит. Это значит, что сам он еще находится в поле страстей, а страсти бывают многообразны. Ему может нравиться обожание со стороны духовного чада, похвалы и лесть, от которых он мурлычет, как кот, которого чешут за ушами. Это может быть сребролюбие, когда наставник больше смотрит в сумку, чем в душу. Это может быть скрытая похоть, когда предпочтение оказывается тем, у кого красивые лица. Духовник должен видеть в каждом человеке образ и подобие Божие. Ему дали золотое изделие, покрытое грязью, и он должен очистить его. А если духовник обращает внимание на национальность, происхождение, богатство или бедность человека и тому подобное, то он сам живет во внешнем, и душа того, кто обращается к нему за помощью, остается для него чуждой. Такой духовник похож на врача, который оказывает пациенту помощь в соответствии с одеждой, которую тот носит.

Следующее препятствие – лживость наставника. Лживость происходит от многих причин: от трусости, гордости, сластолюбия и так далее. Через ложь слабый духом хочет стать сильным, но ложь захватывает его в свои цепкие объятия. Основа духовных отношений – искренность. Где ложь, там закрывается человеческое сердце, где ложь, там нет любви. Здесь мы говорим не о лжи как о нравственном срыве, который может случиться и повториться у каждого, как и любой грех, мы говорим о привычке ко лжи, когда человек лжет без зазрения совести, не краснея, лжет, смотря в это время в глаза собеседника

спокойным, ясным взглядом. Некоторые успокаиваются тем, что они лгут, преследуя благие цели, но это догмат иезуитства, который Православие рассматривает как нравственную ересь. Господь сказал, что всякая ложь от диавола¹⁸.

Недопустимо, когда духовник относится к своим духовным чадам фамильярно, по-товарищески. Это ложно понимаемое смирение, посредством которого уничтожается духовная иерархия, и вместо нее возникает какая-то уравниловка, а затем и того хуже: такого духовника вскоре начинают поучать и исправлять его собственные чада. Покойный схиигумен Савва^{CVI} говорил: «Духовник дан для спасения, а не для дружбы». Где отношения переходят на дружескую ногу, там не может быть никакого духовного преуспевания. Чадо перестает видеть в духовнике звено между ним и Богом, и он в конце концов превращается в персонаж какой-то игры.

Еще одним недостатком является увлечение наставника мирскими делами: хозяйством, политикой, светской литературой, общественными и культурными проблемами и тому подобным. Такой священник живет на душевном уровне и в круг своих мирских интересов вовлекает духовных чад. В вопросах внутренней жизни он остается невеждой и профаном. Если он даже и отвечает на эти вопросы, то лишь для того, чтобы «не ударить в грязь лицом», чтобы не подумали, что он чего-то не знает, потому отвечает часто невпопад. Там, где начинаются политика и обществоведение, вы не найдете духовной жизни.

Я хочу еще раз напомнить вам, что послушание имеет единственную цель – преодоление гордыни и борьбу со страстями для стяжания благодати Божией. С оскудением благодатных наставников надо не отвергать послушание, а проверять его евангельскими заповедями, обязательными для всех: они вечны и неизменны. Если в древности духоносные отцы испытывали доверие своих учеников, ставя перед ними трудноисполнимые и рискованные задачи, то теперь этот метод не годится: он будет показывать только одно – гордость и самоуверенность самого наставника. Некоторые люди, обладающие неумеренным властолюбием, требуют слепого послушания, превращения своих «чад» в неких зомби, но безрассудное послушание отвергается Православной Церковью. Грех, сделанный по такому послушанию, все равно остается грехом. В понимании православной аскетики послушание убивает страсти, а «собачье» послушание убивает совесть.

Женщина призналась:

– Слушая вас, я еще больше оценила своего наставника. А теперь, прошу, ответьте на другой вопрос: какие ошибки допускаем мы, миряне, в частности я, по отношению к духовному отцу. Помогите мне разобраться в этом.

Священник согласился:

– Постараюсь сказать о самых основных и распространенных ошибках (о некоторых из них мы уже достаточно говорили в начале нашей беседы).

Одна из ошибок заключается в том, что человек считает, будто общение с духовным отцом – встречи и разговоры. На самом же деле – это прежде всего невидимое и постоянное духовное молитвенное общение, при котором встречи и беседы являются только вехами на пути. Для такого общения от духовного чада требуются искренность и готовность к послушанию, а от духовного отца – любовь к своему чаду и желание вручить его Христу. Вы считали, что чем чаще будете видеться с духовным отцом, тем будете ближе к нему. На самом деле близость к духовному отцу осуществляется через молитву и послушание. Если слова духовного отца остаются в вашем сердце и памяти, как бы вырезанными на камне, то он невидимо рядом с вами. Если же слова духовного отца – вода, которая течет во время беседы, не оставляя следа, то вы будете далеко от него, хотя бы и жили через стену.

Еще один очень важный момент. Когда вы собираетесь к духовному отцу, то нужно подготовиться, твердо уяснив себе, зачем вы идете, какие у вас вопросы. Вы должны четко сформулировать их и, получив ответ от наставника, не задерживаясь в его келии, взять благословение и попрощаться. Вам следует вспомнить, не задавали ли вы ему подобных вопросов раньше: повторение одного и того же вопроса духовному отцу является знаком или

¹⁸ См.: Ин. 8, 44.

небрежности, или недоверия к нему, или недовольства прежним ответом и желанием настоять на своем мнении. Поэтому запомните главное правило – не повторять вопрос, на который уже дан ответ.

Когда вы идете за благословением или советом, то имейте такое расположение души, что вы примете и исполните все, что сказал духовный отец, согласно это или не согласно с вашим желанием. Такая готовность воли необходима, чтобы получить правильный ответ. Если вы будете спорить и настаивать, то духовная связь между вами и наставником порвется и превратится в какое-то внутреннее противостояние, в подобие борьбы. Поступать так – значит искушать своего духовника.

Следующее правило: не задавайте вопросов из любопытства, а спрашивайте только о том, что необходимо вам для спасения. Избегайте говорить о житейских делах. Отец Савва как-то ответил своему духовному чаду: «Если я буду говорить об обыденном, то стану обывателем». В необходимых случаях надо быть кратким, достаточно, чтобы духовнику было понятно, о чем идет речь. На вопросы о житейских проблемах многие старцы, особенно в наше время, отвечали не советом, а молитвой.

Затем бывает такая ошибка: человек говорит как будто о нужном и духовном, но говорит слишком подробно и обстоятельно, повторяя уже сказанное. Он словно хочет развернуть перед глазами духовника всю картину того, что происходит с ним, объясняя ему, как ученику, каждую деталь так, чтобы он не ошибся. Это в корне неверно. Чем короче скажет человек, тем лучше поймет духовник и, напротив, в обилии слов может потеряться главное. Перед ответом духовник должен возвести свой ум к Богу, попросить у Него помощи и вразумления, а здесь ум его рассеивается и тонет в обилии слов, как будто он стоит в каком-то бурно несущемся потоке. Духовник должен почувствовать, что ему надо сказать, а здесь его уже как бы «подводят» к ответу. Многословие с духовником – это, в сущности говоря, недоверие к духовнику и форма поучения духовника. Многословие может иметь также другие причины: человек не привык молиться и потому заполняет пустоту своей собственной души словами, как мирские люди заполняют пустоту своего времени развлечениями и игрой. Кто любит молиться, тот будет говорить мало.

Кроме того, многословие – способ продлить время пребывания с духовником. И здесь две опасности – скрытый вампиризм и скрытое пристрастие. От долгих бесед человеческая жизнь не исправляется. Кто хочет спастись, тот узнает от духовника волю Божию и уходит, чтобы исполнить ее. А кто не хочет исполнять, тот продолжает «беседу ради беседы» и не может уйти, словно приклеился к стулу, на котором сидит. Духовника редко утомляет беседа о действительно необходимых проблемах, когда он чувствует, что человек будет беречь и хранить его слова, как полученную драгоценность. Но духовника обессиливают пустые разговоры, бессмысленные длинноты, а еще больше – внутреннее сопротивление его словам. Мне кажется, что при встрече с духовником вы больше говорили, чем слушали, и эта «активность» вашего языка заставила духовника защититься от вас. Затем, подумайте: говорили ли вы с духовником со смирением, как ребенок со своим отцом, или старались блеснуть перед ним знаниями и умом? Вы говорили, что хотели иметь открытыми перед духовным отцом всю вашу душу и жизнь, а на самом деле не хотели ли вы, чтобы духовник, слушая вас, любовался вашими достижениями и говорил про себя: «Какая умная и достойная женщина!»? Чем меньшей вы захотите показаться перед духовником, тем большей будете в его сердце. И напротив, чем захотите быть большей, тем станете меньшей. Запомните, что с духовным отцом надо говорить спокойным, ровным тоном, без эмоций, возмущения и театральной выразительности, которые являются средствами скрытого психологического давления.

Следующая возможная ошибка. Не считали ли вы, что духовник стал вашим должником из-за услуг, которые вы оказывали ему, и обязан отплатить за них особым отношением к вам, хотя бы продолжительными беседами в любое время дня? Если вы помогали ему ради Господа, то не должны были ожидать воздаяния от человека, а если делали это ради его расположения или чтобы заставить быть постоянно благодарным вам, то вы просто взяточница, решившая купить своего наставника. Тогда поделом вам, что он выгнал вас.

Еще один вопрос. Не передавали ли вы слов, которые говорил вам духовник, другим людям без его ведома? Беседы с наставником имеют личный, а не общественный характер уже потому, что духовник говорил с вами, имея в виду именно вас – вашу личность и индивидуальность. На другое лицо те же самые слова могут произвести иное, даже нежелательное действие. В беседе или в письме священник имеет в виду конкретного человека, находящегося в конкретной ситуации. Надо помнить о различии между такими видами поучения, как проповедь, обращенная ко всем присутствующим в храме, и ответ на вопрос, требующий учета индивидуальности человека. Здесь еще таятся опасности: слова духовника передаются обычно не точно, а в эмоциональном пересказе, с различными комментариями и добавлениями, часто искажающими их смысл. У рассказчика присутствует тайное тщеславное желание похвалиться, как близок он к духовнику и каким доверием пользуется.

Придя домой после встречи с духовником, надо в уме воспроизвести беседу, запомнить, как урок, то, что сказал духовник, и подумать, как исполнять его слова, начиная с этого же часа. Забвение слов духовного отца является неуважением не только к нему, но и к самому, дерзну сказать, таинству послушания. Те же правила надо соблюдать в письмах к наставнику. Они должны быть по возможности краткими и написанными ясным, четким почерком. Я признаюсь вам, что когда мне пишут письма на десяти листах, то я могу внимательно прочитать только одну или две страницы, а затем лишь пробегаю текст глазами, иногда же, особенно будучи сильно уставшим, смотрю на письмо как на своего врага и затем, может быть не поняв, в чем дело, бросаю его в печь. Особенно убивает меня подробное описание снов. Мне хочется сказать: я тоже вижу сны, но не мучаю других из-за этого.

Одной из неправильностей в отношении к духовному отцу является чувство зависимости и ревности, которые свидетельствуют о том, что общение происходит не на духовном, а на душевном уровне. Эти страсти захватывают сердце, как вражеское войско, и умерщвляют духовную жизнь.

Некоторые, не в меру эмоциональные чада, проявляют свою «любовь» к духовному отцу тем, что распускают о нем слухи, как о каком-то чудотворце и прозорливце. Эти слухи – одно из самых тяжелых искушений для духовника, особенно когда на него начинают смотреть, как на слона, который важно идет по улице, а за ним бежит шумная толпа ребят. Тогда он начинает думать: не позаимствовать ли ему что-нибудь из житий юродивых, чтобы поклонники разочаровались в нем и наконец отстали?

Прошу вас запомнить: никогда не начинайте беседу с духовным отцом словами: «Как я долго не видела вас, как я соскучилась по вам, скажите мне что-нибудь полезное». Это мирские обычаи, которые в духовной жизни выглядят как разболтанность и невежливость. Вы должны, войдя в келию духовника, прежде всего поклониться молча иконам, затем взять благословение и кратко объяснить причину своего прихода. Вы должны твердо знать, что в гости к своему духовному отцу не ходят, что он дан для того, чтобы разрешать духовные вопросы, и что каждая встреча с ним налагает на человека определенные обязательства. Неисполненный совет, или даже слово наставника, становятся камнем преткновения на духовном пути человека. Слово, воплощенное в жизнь, – прибыль души, стяжание благодати – самого большого богатства. Неисполненное или забытое слово духовника – потеря, убыток, долг, который взяла на себя неразумная душа. Поэтому каждая встреча с духовным отцом может стать новой вехой в жизни, новым этапом в отношениях души с Богом. Это возможность обогатиться или проиграть. Если такие потери слишком часты, то положение становится тревожным и дело идет к плохому концу. Лучше жить без руководства, чем в ложном послушании. Будьте уверены, что ваш наставник отстранил вас от себя, возможно, на время, для вашего же блага. Вы должны найти в себе причину такого решения и осудить только себя. Раскайтесь перед Господом в своих ошибках и, главное, в состоянии сердца. И если осознание ошибок будет искренним, а покаяние глубоким, то сердце вашего духовного отца снова обратится к вам. Тогда испытание, которому подверг вас наставник, послужит вам ко спасению и в будущем вы станете благодарить за него.

Женщина пообещала:

– Я постараюсь запомнить и исполнить все, что вы посоветовали мне, но все-таки прошу вас: замолвите за меня слово перед отцом Иннокентием.

Духовник ответил:

– Я подумаю и помолюсь. Желаю вам доброго пути.

Женщина тихо добавила:

– К моему духовному отцу.

Духовник произнес твердо, буквально отчеканивая каждое слово:

– Ко Христу Спасителю и Богу нашему.

Он проводил свою гостью до двери. Уже наступил зимний ранний вечер, и духовнику показалось, что она исчезла, будто растаяла в сгущающейся темноте.

Примечания

^I *Манихеи* – последователи учителя Мани (216–277), появились в Персии и быстро распространились от Рима до Китая; были гонимы уже в царствование Диоклетиана (284–305), но просуществовали в разных странах до VI–IX вв., хотя массы народа не были затронуты их ересью. В их учении прослеживаются зороастризм (по другому мнению – гностицизм) с элементами вавилонских религий, христианская идея Мессии и аскетизм, заметно влияние буддизма. Манихеи признавали два противоборствующих царства: света и тьмы, добра и зла, духа и материи, Бога и дьявола. Борьба этих двух царств, по их мнению, завершится катастрофой, в которой материя погибнет, а дух освободится. Человек считался творением дьявола, а брак, земледелие, торговля – преступлением. Вместо Троицы в манихействе фигурирует седмерица. Роль Мессии Мани брал на себя, Иисусу Христу отводил куда более скромное место. Погиб Мани мученически: был распят персидскими магами.

^{II} *Альбигойцы* (от названия г. Альби), или тулузские еретики, – секта, распространившаяся на юге Франции в XI в. и разделявшая взгляды катаров и вальденсов. Альбигойцы считались преемниками манихеев. Вели они строго аскетическую, нравственную жизнь и проповедовали апостольское христианство. Отлучены от Церкви в 1119 г. за отвержение Пресвятой Троицы, Таинств Причащения и брака, смерти и воскресения Спасителя и за проповедь перевоплощения душ. В 1209 г. был начат жестокий крестовый поход против них. В г. Лезьере, взятом крестоносцами приступом, были умерщвлены две тысячи человек без различия исповеданий. Поход вылился в завоевательную войну Франции на юге. Во время другого крестового похода против альбигойцев (1231) была создана инквизиция.

^{III} *Уайльд* Оскар (1854–1900) – английский писатель, поэт и критик, эстет, испытавший сильное влияние французского символизма, типичный декадент, сторонник «искусства для искусства». Был склонен протестовать против прозы повседневности и демонстрировать свою оригинальность. Окончил Оксфордский университет, в двадцать семь лет опубликовал первый сборник стихов, через год совершил турне по Америке, где выступал с лекциями по эстетике и опубликовал революционную мелодраму «Вера, или Нигилисты» (1882). В 1886 г. вместе с Б. Шоу подписал петицию о помиловании чикагских анархистов, в 1891 г. написал эстетический манифест «Душа человека при социализме» и роман «Портрет Дориана Грея». В нем герой, выразитель идей Уайльда, гонится за наслаждениями, пренебрегая нормами морали, по принципу: «Цель жизни – самовыражение». Роман был воспринят как проповедь эстетского аморализма. 1895–1897 гг. Уайльд провел в тюрьме по обвинению в принуждении к содомии, затем поселился в Париже; ничего значительного после тюрьмы не создал.

^{IV} *Августин Блаженный* (354–430; память 15/28 июня) – епископ Гиппонский с 395 г., прошел через увлечение манихейством, скептицизмом и неоплатонизмом. С его «Исповеди» начался поворот христианской мысли к антропологической проблематике. Боролся с манихейством, донатизмом, пелагианством, язычеством. Вплоть до Фомы Аквинского (XIII в.) был непререкаемым авторитетом в католицизме. Развил идею свт. Амвросия Медиоланского о двух градах: граде земном, основанном на любви к себе, доведенной до презрения к Богу, и граде Божиим, зиждущемся на любви к Богу, доведенной до презрения к себе. Государственную власть характеризовал как «большую разбойничью шайку», тем не менее необходимую. Оставил Августин 93 сочинения в 132 книгах.

^V *Святитель Василий Великий* (ок. 330–379; память 1/14 января, 30 января/12 февраля) – архиепископ Кесарии Каппадокийской, вселенский учитель. Родился в богатой и знатной семье ревностных христиан: дед Василия был мучеником, четверо из девяти братьев и сестер свт. Василия прославлены в лике святых. С детства подружился со свт. Григорием Богословом, дружба их продолжалась всю жизнь. Получив в Афинах прекрасное образование, около 357 г. свт. Василий возвратился в Кесарию и вступил на путь аскетической жизни. В 362 г., когда распространилась ересь Ария, свт. Василий вернулся из своего отшельничества в город, чтобы бороться с ересью, и принял священнический сан. Он составил чин литургии и написал множество богословских сочинений, основал два монастыря и устроил много благотворительных учреждений, все свои средства и средства своей Церкви употреблял на пользу бедных. По преставлении свт. Василия Церковь тотчас стала праздновать его память.

^{VI} «Исповедь» блж. Августина начал писать, будучи епископом, в 397 г. Она стала первым памятником высшего, исповедального типа жизнеописания, по образцу которого впоследствии было написано много автобиографий. Голос совести звучит в «Исповеди» на предельно высокой ноте: ведь Августин обращается к Самому Богу: «Как горел я, Господи, как горел я улечь к Тебе от всего земного. Я не понимал, что Ты делаешь со мною... В то время, Ты знаешь это, Свет моего сердца, мне не были еще известны эти слова апостола...», – вот интонации «Исповеди» (кн. 3, IV, V. М., 1991. С. 90, 91).

^{VII} *Ориген* (около 185–254) родился в Александрии и получил блестящее образование. Отец его стал христианским мучеником, когда сыну было семнадцать лет. Ориген хотел последовать отцу, но мать не дала ему это сделать. Ревность о Боге сжигала Оригена: он стал много поститься, мало спать, ходил босой и даже оскотил себя, чтобы избежать соблазнов. В восемнадцать лет Ориген сделался наставником в огласительном училище, которое стало при нем подлинным интеллектуальным раем, по словам учившегося в нем свт. Григория Неокесарийского. Во время гонения на христиан в 216 г. Ориген нашел убежище в Палестине, где устроил такое же училище, «Александрию в миниатюре», но был отозван на родину. В 231 г. в Кесарии Палестинской был рукоположен в сан священника, однако рукоположение это было опротестовано из-за его членовредительства, и Ориген был отлучен от Церкви. Ориген обладал чрезвычайным авторитетом, к нему приезжали издалека, чтобы только послушать его, и каждое его слово стенографировалось. Во время гонений императора Декия Ориген в Тире был заключен в тюрьму. Его держали с железными цепями на шее или по несколько дней растянутым на орудии пыток, но от веры христианской он не отрекся и был выпущен из тюрьмы, после чего вскоре умер. Почти через 300 лет после этого он был обвинен в десяти ересях на Поместном Константинопольском Соборе (543) и предан анафеме в 553 г. на V Вселенском Соборе, а сочинения его были объявлены подлежащими сожжению. Во многих случаях идеи Оригена стали классическими для христианского богословия, но, с другой стороны, ряд из них послужил питательной почвой для множества разных ересей, начиная с арианской. В корне ошибочным было его учение о Боге, о Христе как «твари», о «душе Христа», о предсуществовании душ и их переселении, о грехе, смерти,

о спасении всех, в том числе и дьявола. Таинства Церкви он понимал чисто символически, Священное Писание толковал аллегорически, до полного пренебрежения его историческим смыслом.

^{VIII} *Апокатастасис* (от греч. ἀποκατάστασις – возвращение, восстановление, приведение в первоначальное состояние) – термин, который использовал Ориген, вкладывая в него такой смысл, что обратятся, воссоединятся с Богом и спасутся все твари, в том числе дьявол. Учение это было отвергнуто Церковью в VI в., как ересь.

^{IX} *Синергия* (от греч. συνεργός – содействующий, помогающий) – соработничество Бога и человека. Спасение человека есть дело Богочеловеческое, оно непременно требует полноты участия как Божественного, так и человеческого начала. Человек деятельно участвует в том, что совершает в нем и через него благодать Божия: *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам* (Иак. 4, 8). Об этом согласно друг с другом учили все святые отцы Православной Церкви. Наиболее полную разработку понятие синергии получило в работах свт. Григория Паламы. У отца Рафаила слово «синергия» в отношении дьявола приведено по аналогии и, конечно, такое сочетание кажется непривычным.

^X *Монада* (от греч. μονάς – единица, единое) означает элемент бытия, рядоположенное монаде понятие – «диада». Понятие монады было введено в античной философии, в платоновской Академии, под влиянием пифагореизма впоследствии широко использовалось вплоть до XX века. Специальное учение о монадах, монадологию, создал Лейбниц. Его монады подобны атомам, но нематериальны в отличие от них и обладают психической активностью, они «постоянные живые зеркала вселенной». Монады делятся на примитивные, монады-души и монады-духи; ими объясняется непрерывность психической жизни и всеобщая взаимосвязь происходящих во всем мире процессов. У Оригена монадой или единством называется Бог. Присутствует она и в теософии: «Согласно теософскому учению, человек по сути своей представляет собой монаду, частицу Божества... Эта монада... потенциально содержит в себе все Его добро и совершенство... он [человек] должен постараться разбудить все дремлющие в нем силы» (*Паври П.Т. Теософия в вопросах и ответах / Пер. с англ. М., 1997. С. 139*).

^{XI} *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853–1900) – сын известного историка С. Соловьева, написавшего историю России в 29 томах. Дед Соловьева был священником. Соловьев получил разностороннее образование: три с половиной года проучился на физико-математическом факультете Московского университета и ушел из него, в 1873 г. получил степень кандидата историко-филологическому факультету, а уже через год защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии (против позитивистов)», принесшую ему широкую известность. В 1880 г. защитил докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал» и стал преподавателем, лекции его вызвали огромный энтузиазм. Однако через год, когда произошло убийство Государя Александра II, он выступил против смертной казни убийц и был удален за это из Петербурга. Этим завершилась его преподавательская карьера. В 1880-е гг. по приглашению римо-католиков выезжал за границу и опубликовал там две книги, где с похвалой отзывался о Католической Церкви. После выхода второй из них, «Россия и Вселенская Церковь», духовник отказал ему в причастии, сказав: «Иди на исповедь к своим католикам». Соловьев семь лет переживал этот отказ и наконец в 1896 г. получил причастие от католического священника. На этом основании католики считают его принадлежащим к их Церкви. Не причащаясь затем еще три года, перед самой смертью Соловьев призвал православного священника и принял от него Святое Причастие. В возрасте сорока семи лет он скончался в имении князей Трубецких «Узкое» (современный московский район Ясенево).

Духовный путь Соловьева вообще был очень непрост. В семь лет он стал читать жития святых, и у него возникло сильное мистическое чувство и тяга к аскетизму. Однако в тринадцать лет он выбросил в сад все иконы и до восемнадцати лет был страстным приверженцем материализма, нигилизма и даже коммунизма, при этом увлекался и спиритизмом. Впервые девятилетним мальчиком Соловьев увидел призрак женщины «в волнах золотистой лазури» и узнал в ней «Софию, Премудрость Божию». Впоследствии, когда он работал в Британском музее, имея в записной книжке молитву ко Святой Софии, Премудрости Божией, «она» явилась ему вновь. Было и третье видение. Разных видений у него вообще было множество, а с 1889 г. ему стал часто являться диавол, чему имелись свидетели (см.: *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 123–124).

Соловьев стал основателем своеобразного религиозно-философского культа Софии в России. Он полагал, что софиология является конечной целью и человеческой, и биологической эволюции вообще. По его мнению, человечество достигло той точки развития, когда религиозные различия должны быть отброшены, должно совершиться всемирное единение вокруг Софии и материя наконец должна быть преображена Духом. Соловьев явился инициатором христианского универсализма, стремящегося к примирению Церквей. Преклонялся он перед петровскими реформами, как «смелым отречением от народной исключительности», пытался дать уничтожающую критику славянофильству с его «народопоклонничеством», антисемитизму и толстовскому учению о непротивлении злу.

^{xii} *Флоренский* Павел Александрович (1882–1937) – священник, выдающийся мыслитель, «русский Леонардо да Винчи». Окончил физико-математический факультет Московского университета и Московскую Духовную Академию. В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «О духовной истине», основу которой составил труд «Столп и утверждение истины» без главы «София», изъятой по совету ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского). Понятие «Софии, Премудрости Божией» было фундаментальным для «Столпа», который Флоренский определял как опыт софиологии. Премудрость Божия почитается в христианстве, но не рассматривается как отдельная «личность». Под Премудростью Божией подразумевается одно из Божественных свойств. Персонализация и наделение ее самостоятельностью выдвигает догматическую проблему соотношения Софии с Тремя Ипостасями Пресвятой Троицы. Тем не менее и Флоренский, и Соловьев настаивали на ипостасности, личности Софии, например Флоренский определял ее как «Ипостасную Систему миротворческих мыслей Божиих» (*Флоренский П.А.* [Соч.: В 2 т.] Т. 1: Столп и утверждение истины. М., 1990. Ч. 1. С. 332).

Особенности мировоззрения Флоренского всегда были предметом обсуждений. Недоумение вызывал прежде всего тот факт, что в его теодицее «странным образом нет Спасителя» (*Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 497). Далее он черпал свои идеи из самых различных источников, в том числе платонизма и оккультизма, и включил в курс истории философии МДА, где был профессором, раздел об оккультизме. Общее впечатление о нем хорошо выразил Н.Бердяев в статье «Стилизованное Православие (отец Павел Флоренский)»: «Все кажется, что свящ. Флоренский – оторвавшийся декадент и потому призывает к бытовой простоте и естественности, – духовный аристократ и потому призывает к церковному аристократизму, – что он полон греховных склонностей к гностицизму и оккультизму и потому так непримиримо истребляет всякий гностицизм и оккультизм» (Собр. соч.: В 4 т. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 714).

В 1933 г. отец П. Флоренский был арестован, год отбыл в Бамлаге, где занимался научными исследованиями вечной мерзлоты, в 1934 г. был переведен в Соловецкий лагерь. Здесь он осуществил ставшие сегодня знаменитыми исследования о добыче йода из водорослей. Здесь же 8 декабря 1937 г. был расстрелян.

^{XIII} *Булгаков* Сергей Александрович (1871–1944) родился в семье священника, в молодости был марксистом, затем перешел к кантовскому идеализму и, наконец, к «идеализму» Православной Церкви; увлекался Соловьевым. В 1901 г. стал профессором политэкономии в Киевском политехническом институте, в 1904 г. вместе с Н.А. Бердяевым приобрел журнал «Новый путь», после чего ими были основаны «Вопросы жизни». В 1906 г. Булгаков стал доцентом Московского университета, в 1907 г. был членом 2-й Государственной думы от партии кадетов, в 1909 г. выступил как выразитель идеологии «веховства», в 1911 г. вышел в отставку, в 1918 г. принял священство. В 1922 г. был выслан из России. За границей был одним из идеологов РСХД – Русского студенческого христианского движения, а также деятелем экуменического движения. В 1925 г. стал одним из основателей Парижского православного богословского института, его деканом и профессором догматического богословия. В 1935 г. учение Булгакова было осуждено Московской Патриархией и зарубежным Карловацким Архиерейским собором и объявлено ересью, подменяющей церковное учение гностическими толкованиями, от которой Церковь предостерегает всех своих верных чад. Умер от кровоизлияния в мозг.

^{XIV} «*Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах*» – основное философско-богословское сочинение П. Флоренского. «Довольно философствовали над религией и о религии... – говорил он об этой работе.– Надо философствовать в религии, окунувшись в ее среду» (Флоренский П.А. Вступительное слово перед защитой на степень магистра... // [Собр. соч.: В 2 т.] Т. 1. Ч. 2. С. 824). Книга эта очень проникновенна и личностна: «“Столп” прежде всего отражает его духовную жизнь 1904 г.– время перехода из Московского университета в Московскую Духовную Академию» (Игумен Андроник [Трубачев]). Из истории создания книги «Столп и утверждение истины» // Там же. С. 829).

Книга Флоренского прошла четыре редакции. Первой было кандидатское сочинение «О религиозной истине» (1908). По совету проф. А.И. Введенского оно было переработано для защиты на степень магистра богословия, названо «О духовной истине» (третья редакция) и защищено в 1914 г. Священник Павел Флоренский был за эту работу награжден в 1914 г. Филаретовской премией, а в 1915 г. – Макариевской. Тем не менее учение о Софии сразу встретило резкую критику, как неприемлемое для православного мировоззрения. Четвертая полная редакция «Столпа» вышла в 1914 г. и считается окончательным его вариантом. О развитии в нем идей софиологии см. в прим. 12.

^{XV} Термин *теодицея* (от греч. θεός – Бог и δίκη – справедливость), «оправдание Бога», был введен в 1710 г. Лейбницем, назвавшим так свое самое большое сочинение. Под теодицеей понимается оправдание Бога за присутствие в мире зла, ответ на вопрос, почему праведники страдают, а нечестивые преуспевают, согласование благости Божией с Его справедливостью и всемогуществом. Лейбниц нашел выход из проблемы теодицеи в созданной им теории предустановленной гармонии, Кальвин и ислам – в идее предопределения. В действительности решается эта проблема с помощью понятия свободной воли: Бог создал Ангелов и людей совершенными, для полноты совершенства Он наделил их свободой волею. Люди свободны в своем нравственном выборе между добром и злом, а их выбор зла нравственно порождает зло физическое. Бог воспрещает людям совершать зло и наказывает их за него, а когда попускает его, то располагает обстоятельства так, чтобы из этого произошли благие последствия, необходимые и полезные для общего блага, ведущие к совершенству людей. Человек считает происходящее злом потому, что не в состоянии оценить случившееся в целом, определить его истинное значение.

^{XVI} *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873–1924) родился в богатой купеческой семье и был воспитан в духе материализма и атеизма. В девятнадцать лет он поступил на историческое отделение Московского университета, познакомился там с поэзией французского

символизма и возжаждал немедленного успеха: «Медленный успех... Это мало! Мне мало... Надо найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство... Ложно ли оно, смешно ли, но... будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя... А этим вождем буду я». Будучи студентом, он издал две книги с эгоцентричными названиями: «Шедевры» и «Это – я» – и, окончив университет, действительно возглавил новое литературнонаправление – символизм. Брюсов содействовал организации для символистов специального издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

Эгоцентризм всегда был ведущей чертой его характера: «Он не любил людей, – вспоминал Ходасевич, – потому что прежде всего не уважал их... Он любил таблицу логарифмов... Он страстно, неестественно любовью любил заседать, в особенности – председательствовать». Не прошел Брюсов мимо оккультной изнанки жизни. В 1908 г. он писал: «Я изучил XVI век, а также то, что именуется “тайными науками”, знаю магию, знаю оккультизм, знаю спиритизм, осведомлен в алхимии, астрологии, теософии». Для книги «Все напевы» он составил в стихотворной форме каталог способов самоубийств. В том же году он стал морфинистом, избавиться от этого недуга ему так и не удалось. В годы Первой мировой войны Брюсов работал на фронте корреспондентом одной из газет, но покинул театр военных действий, назвав войну бессмысленной. Он принял октябрьский переворот, в 1919 г. вступил в ВКП(б) и стал энергичным создателем новой культуры, организовал пролетарский Высший литературно-художественный институт, которому в 1923 г. в честь юбилея Брюсова присвоили его имя. В Московском университете читал курсы лекций по самым различным предметам. Занимал он высокие должности в разных сферах, даже в Гуконе – Главном управлении по коннозаводству. Благодаря лояльности Брюсова его семья в голодные 1920-е годы была далека от нужды. На смерть Брюсова Саша Черный откликнулся в Париже такими словами: «Индивидуалист, изысканный эстет, парнасский сноб, так умело имитировавший поэта, парящего над чернью, и вдруг такая бесславная карьера... Красный цензор, вырывающий у своих собратьев последний кусок хлеба».

^{xvii} *Пшибышевский* Станислав (1868–1927) – польский писатель, начавший литературную деятельность в 1890-х гг. в Берлине на немецком языке. Его сочинения «Ното Sapiens», «Дети сатаны», «De profundis» и др. стали последним словом западной культуры, а сам он – знаменосцем немецкого модернизма и декадентства. Будучи в Берлине редактором польской социал-реформистской газеты с сильным националистическим уклоном, писал передовые статьи в стиле библейских проповедей. В 1898 г. переезжает в Краков и переводит с немецкого языка свои произведения, затем пишет новые на польском. После 1905 г. успех Пшибышевского падает, до конца жизни он занимается тем, что пропагандирует польский национализм, католическую ортодоксальность и ненависть коммунизму и СССР. В России он стал популярным в 1908–1911 гг., когда вышли 52 его книги. Под его влиянием находились Брюсов, Ремизов и Андрей Белый. В произведениях Пшибышевского доминируют два мотива: болезненный эротизм и псевдореволюционность. Его революционеры не борются во имя общественных идеалов, это лишь «дети сатаны», разрушающие общественный строй под давлением таинственных адских глубин. Психологизм его состоит в раскрытии подсознательных сексуальных экзотических состояний, описании вспышек страсти, самобичевания и т.п. Волошин в 1904 г. так нарисовал портрет Пшибышевского: «Он как русский земский доктор: пьяница, лицо красное, рыжая борода. У него странные выходки. Он вдруг начинает жевать что-нибудь... например гардину».

^{xviii} *Декаданс* (от лат. *decadentia* – упадок) – культурное и интеллектуальное явление конца XIX – начала XX вв., поставившее себя в оппозицию к общепринятым нормам морали. Красота понималась декадентами как высшая и самодовлеющая ценность, грех и порок нередко эстетизировались и воспевались. Художественное мышление декадентов отличалось неестественной дробностью, от реалистичного изображения действительности

они демонстративно отказывались, заявляя, что они переориентировались с ценностей разума, здоровья, героизма, воли и др. на минус-ценности жизненного упадка: красоту угасания, получувства, бледные образы, забвение, отчаяние, безысходность и т.д. Идея декаданса как мировоззрения возникла у Ницше, который объяснял его возрастанием роли интеллекта на фоне ослабления нормальных жизненных инстинктов. Термин «декаданс» возник во Франции после основания символистами Бодлером, Верленом и Рембо в 1886 г. журнала «Декадент». Декаданс отождествлялся с символизмом, а когда последний сменился в начале XX в. футуризмом, акмеизмом, имажинизмом, экспрессионизмом и др., то декадансом стали называть их. Термин «модерн» возник применительно к тем же представителям декаданса как обозначение «непревзойденной прогрессивности» их взглядов.

^{XIX} Готье Теофиль (1811–1872) – сын наполеоновского офицера, французский писатель, критик, идеолог парнасской школы, выдвинувшей лозунг: «Искусство для искусства». В девятнадцать лет опубликовал первый сборник стихов и стал завсегдатаем литературных салонов, где отличался оригинальностью суждений и выходок. Был противником морализма в литературе: «Полагаю удовольствие целью нашей жизни единственным, что полезно в этом мире», – писал Готье (Трыков В.П. Французский литературный портрет XIX века. М., 1999. С. 227).

Стиль Готье отличается мотивами байронического демонизма, эпикурейством и эротикой, склонностью к фантастически-необычному и ироничностью. Совершал он путешествия по Европе и Ближнему Востоку, некоторое время пробыл в России.

^{XX} Поклонение *Софии*, как обладательнице вожеленного знания, в котором видели сверхцель, было свойственно в первую очередь гностикам (см. прим. 28). Их София, чтобы исправить свою роковую ошибку при создании мира, сходит на землю. София премудра, она соединяет в себе Божественное и человеческое, понятое как отпадение от Божественного, доходящее до степени демонизма, то есть двойственность Софии становится раздвоенностью и двуликостью, разорванностью и надрывом. Образ такой Софии фигурирует у Соловьева, у символистов Блока, Белого и др.

Премудрость Божия воспевается в христианстве, ей были посвящены великий храм Софии в Константинополе и три главные русские церкви XI в.: в Киеве, Новгороде и Полоцке. Однако христиане видят Божию силу и Божию премудрость в Иисусе Христе (см.: 1 Кор. 1, 24), а отнюдь не в какой-либо четвертой ипостаси. Инициатива разработки понятия «София» принадлежит Вл. Соловьеву (см. прим. 11), понимавшему ее как единство, «всё в себе заключающее» (*Соловьев Вл.* Россия и Вселенская Церковь. М., 1911. С. 304). Идею эту подхватил Флоренский, гипостазировавший Софию вслед за Соловьевым в «Идеальную Личность Твари» (*Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. С. 332). Несмотря на его утверждение о том, что «София, во всяком случае, не есть Ипостась в строгом смысле слова» (с. 383), у него «Она не тождественна с Логосом», и особое значение придает он «явному различению личностей Спасителя, Софии и Богоматери» на некоторых иконах (с. 375). Недвусмысленное определение Софии дал С. Булгаков, занимавшийся дальнейшим развитием софиологии: «София обладает личностью и ликом, есть субъект, лицо или, скажем богословским термином, ипостась; конечно, она *отличается* от Ипостасей Святой Троицы, есть особая, иного порядка, четвертая ипостась» (*Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М., 1994. С. 186. Курсив автора). И далее сразу же оговаривается, что эта четвертая ипостась тем не менее якобы «не превращает триипостасность в четвероипостасность» (с. 186–187). Идея Софии была воспринята также Н.О. Лосским, С.Л. Франком и др. О том, что София мыслилась как женское божество, говорят, к примеру, следующие слова Соловьева: «Это Великое, царственное и женственное существо» (*Соловьев Вл.* Идея человечества у Августа Конта // Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1903. Т. 8. С. 240).

^{xxi} *Теософия* (от греч. θεός – Бог и σοφία – мудрость) как мистическое богопознание имеет длительную историю, начиная от индийских религиозных учений, иудейской каббалы, гностицизма, алхимии, ордена розенкрейцеров и пр. С конца XIX в. под теософией чаще всего подразумевается учение Блаватской. Для всех этих учений характерен спиритуализм, тяготение к магии, оккультизму и эзотерике. «В мире нет ничего, что человек был бы не в состоянии понять и постичь» – вот кредо теософов (*Паври П.Т.* Теософия в вопросах и ответах. С. 402). Для них «сама по себе теософия религией не является, однако она есть истина, лежащая в основе всех религий, скрытый источник, из которого все они произошли» (там же). «Вопрос: Верите ли вы в Бога?– Ответ: Если вы имеете в виду внекосмического и антропоморфического Бога, если вы полагаете, что отношения между Богом и вселенной (или нашим миром) подобны отношениям между гончаром и изготовленным им сосудом, то такого Бога мы полностью отрицаем» (там же, с. 122). По учению теософов, покаяние не приносит никакой пользы: «Вместо того чтобы, сойдя с истинного пути, тратить время на покаяние, нужно просто сказать: “Что ж, это было неразумно, я никогда этого больше не сделаю”» (там же, с. 248–249).

^{xxii} *Шиллер* Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) – один из основателей немецкой литературы, крупнейший после Шекспира трагик, родился в бедной, но глубоко религиозной семье в день рождения Лютера, 10 ноября, был близок к нравственному идеалу протестантов. С детства отличался необыкновенной совестью, благородством и всегда имел преданных друзей, одним из которых стал Гете. В четырнадцать лет Шиллер поступил в военное училище, обучался на юридическом и медицинском отделении военной академии, с любовью читал лютеровскую Библию. Был назначен на должность полкового фельдшера с унизительным жалованьем, а через год (1781) вышла его первая драма «Разбойники», ставшая литературным событием. Он тайком убежал из полка, чтобы увидеть на сцене свою пьесу и услышать бурный восторг зрителей. Но вскоре его поймали и посадили под арест с запрещением писать что-либо, кроме медицинских сочинений. Шиллер убежал из полка в 1782 г. и до конца жизни занимался литературной деятельностью. В следующем году, во время эпидемии, он постоянно принимал хинин, потому навсегда испортил свое здоровье. С приступами астмы, судорогами желудка и другими недугами боролся тем, что не обращал на них внимания, энергично работал по четырнадцать часов каждый день: без работы не мог жить. Пьесы Шиллера имели сенсационный успех, например в 1799 г., когда шла «Смерть Валленштейна», все в театре плакали, даже сами актеры (Валленштейн – полководец, протестант, перешедший в католичество и уничтожавший носителей протестантизма в Германии). Однако слава несколько не отразилась на характере Шиллера. Он жил так, будто злых людей не существовало вовсе (слова г-жи де Сталь). Она же говорила: «Совесть – муза его», а Гете даже выразился так: «Он обладал Христовым даром облагораживать даже все низменное, до чего он прикасался». В 1790 г. Шиллер вступил в брак с трезвыми намерениями: «Выдающаяся, гениальная женщина не осчастливит меня... страсть должна отсутствовать при этом», и оказался прав: его брак был на редкость счастливым. Умер он в сорок пять лет от болезни легких, когда его четвертому ребенку едва исполнился год. Неоконченной осталась его драма на русскую тему – «Дмитрий Самозванец».

^{xxiii} *Гете* Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, основоположник немецкой литературы, разносторонний ученый. Был сыном имперского советника, учился в Лейпциге, Страсбурге, где являлся участником движения «Буря и натиск». В тридцать три года стал главой правительства карликового веймарского государства, но через четыре года отказался от своих обязанностей и уехал на два года в Италию, а вернувшись, бросил новый вызов обществу: вступил в сожительство с девушкой из низов. В религии был сознательным язычником, обожествлял природу, отказался от христианства, особенно от идей самопожертвования и страдания, христианского Бога считал жестоким тираном, требующим

человеческих жертв. Разработал свою личную религию, основанную на неоплатонизме и пантеизме. В конце жизни мучительно боялся смерти, его последние слова: «Больше света!».

Трагедия «Фауст», дело всей жизни Гете, подвела итог всей европейской просветительской мысли XVIII в. В ней Гете ломает христианский стереотип демонического черного алхимика и романтизирует его. Прототип Фауста, доктор Фаустус, в 1509 г. закончил Гейдельбергский университет, обучался также в Польше. Затем он стал бродячим чернокнижником, астрономом и предсказателем, был изгнан верующими из двух городов: Эрфурта, Ингольштадта. В 1532 г. был изгнан также из Нюрнберга за богомерзкие дела, совершаемые им над мальчиками в пансионе, куда он нанялся работать. Мефистофеля он называл своим шурином и говорил, что заключил с ним договор. Через двадцать четыре года этой работы по договору постоянный двор, где ютился Фаустус со своей лабораторией, сотрясся от нечеловеческих криков, а наутро среди переломанной мебели нашли обезображенный труп «ученого». По замечанию К. Льюиса, «образ умного и тонкого мыслителя Мефистофеля в работе Гете – один из самых вредных для духа образов в литературе Европы».

^{xxiv} *Символисты* (Верлен, Валери, Рембо, Малларме, Метерлинк, Блок, Белый, Иванов, Сологуб и др.) отрицательно относились к материализму и позитивизму, стремились посредством символов и ассоциативных связей выразить тонкие чувства, влечения, интуитивно постигаемые сущности и вообще проникнуть в тайны бытия и сознания с помощью так называемой «сверхчувственной интуиции». В России символизм выходил за пределы искусства и понимался как сакральное «жизнетворчество». Символизм возник в 1870-е гг., в 1880-е был синонимичен декандансу, а в 1910-е сменился уже другими модернистскими течениями (см. прим. 18).

^{xxv} *Акмеистами* (от греч. ακμή – высшая степень, расцвет) назывались русские поэты 1910-х годов: Городецкий, Кузмин, ранние Гумилев, Ахматова и Мандельштам, заявившие об отказе от символистских стремлений к идеальному, многозначности и зыбкости образов и о возврате к материальному, предметному, земному миру, к точному слову. Как и всё, отпочковавшееся от символизма, акмеизм нес наименование декадентства.

^{xxvi} *Фихте* Иоанн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ, эволюционировавший от субъективного идеализма к объективному. Находился под влиянием Спинозы, Канта, тяготел к солипсизму. Родился в семье бедного сельского ткача, получил хорошее образование на теологических факультетах двух университетов, но от карьеры пастора отказался, а увлекся идеями Французской революции и был лишен должности профессора университета за проповедь атеизма. К церковной религиозности, прежде всего христианской, относился отрицательно.

В 1810 г. стал первым выборным ректором Берлинского университета. В «Наставлении к блаженной жизни» науку ставил выше нравственности и религии, философию понимал как средство изменения общественного сознания и через него – общественного бытия, Французскую революцию оценивал как следствие идей Руссо и Канта. Немцев считал избранным народом, призванным возглавить все европейские нации и спасти их от «внутреннего разложения и надвигающегося упадка». Философия Фихте оказала влияние на Шеллинга, Гегеля и немецкий романтизм. Умер от тифа.

^{xxvii} *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – представитель немецкой классической философии, деист, создатель идеалистической теории диалектики. Учился в Тюбингенском теологическом институте, кандидат теологии, семь лет был домашним учителем, восемь лет – директором гимназии, последние пятнадцать лет жизни – профессором философии в немецких университетах. Был приверженцем Канта и Фихте; от прочих немецких философов отличается повышенным интересом к истории духовной

культуры. Гегель начал писать философские произведения, еще будучи студентом-теологом, причем настроенным к христианству очень критически, и писал он на тему религии. Вскоре критичность эта переросла во враждебность. Он мечтал о республике, в исторически-конкретном христианстве видел социальное зло, корень же этого зла – в авторитарности, «принудительной вере» христианства. Обществу, по его мнению, необходимарелигия, поскольку она поднимает моральность, но она должна быть лишена теологической догматики, клерикальности и фанатизма. Такая религия имела место в античных республиках, казавшихся ему политическим раем, но своим именем – язычество – Гегель проповедуемую им религию не решился назвать, а называл ее «религией откровения», христианством, просветленным философией, и «народной религией». Всемирно-историческими народами он считал в прошлом греков и римлян, в настоящем – германцев. Гегель оказал огромное влияние на марксистскую философию, экзистенциализм и др. Умер от холеры.

^{xxviii} *Гностики* (от греч. γνῶσις – познание, знание) – Симон Маг, Василид, Маркион, Валентин, манихеи, павликиане, богомилы, катары и др., вообще последователи религиозно-философских учений, возникших в I в. и стремившихся путем синтеза различных верований, а также философий, паранаучных тайных учений и мистериальных культов достичь познания сущего. В этом всеобъемлющем знании – «истинном» знании о Боге и конечных тайнах мироздания – они видели всемирный синтез и спасение людей, слияние их с божеством. Между Богом и миром гностики ставят целую серию ипостасей, а человек понимается имикак средоточие мирового процесса. Познание человеком своего внутреннего «я», раскрытие им своей божественности делает возможным и познание мира, причем познание не столько рациональное, сколько мистериальное. Гностиками они считали людей исключительных, способных созерцать истину. Нередко Бога считали злым демиургом, создавшим мир по ошибке. Со Священным Писанием обращались крайне свободно. В социальном плане идеалом их было братство, равенство и единство людей. На гностических идеях были сформированы несколько католических орденов, в том числе орден тамплиеров, розенкрейцеров, а также тайные масонские общества. Например, глава «Гностической церкви», созданной в 1887 г., Жюль Дуанель провозгласил гностицизм делом сатаны. Характерно, что сам Дуанель был представителем видной масонской организации, называемой Великий совет Франции, и являлся членом ее высшего совета. До наших дней гностицизм продолжает служить питательной почвой для множества ересей.

^{xxix} *Валентин* (ум. в 160) – самый значительный гностический философ, родился в Египте, в 140 г. прибыл в Рим, где стал знаменитым. Христос, по его мнению, был только Высшим Учителем, учившим Божественной мудрости, которая якобы сводилась к учению Валентина. Последнему будто бы была открыта от апостолов тайна Божественной жизни. Изложим ее кратко. Первоначально существовало Божественное Первоначало, Глубина, Первоотец. Но Оно имело Мысль, и эта Мысль обаянием своим соблазнила его; так появилась новая пара божественных существ, а за ней стали появляться все новые и новые пары. Всего этих существ-эонов («вечносущих») – тридцать, вместе они образуют Полноту, или Плирому, Божества. Имена этих эонов: Ум (Единородный), Истина, Слово, Жизнь, Человек, Церковь, Христос, Дух Святой и др. Последним эоном была Мудрость, София. Но она воспылала страстью и родила жалкий выкидыш Ахамот. Чтобы спасти его, все эоны совместным творческим усилием создают Иисуса, совершеннейший плод всей Плиромы (Он не идентичен Христу). Ахамот создает Демиурга, весьма совершенного, но считающего Себя, по Валентину – неоправданно, единственным Богом и Творцом, о чем Он и учил евреев. Система Валентина в действительности намного запутанней, но даже из ее краткого описания ясно, насколько она далека от христианства.

^{XXX} *Василид* (II в.) был гностиком, родом из Сирии, переселившимся в Александрию, посещал они Персию. Источником своих знаний называл тайное учение апостола Петра, будто бы переданное ему, и «мудрость варваров». Абсолютное начало, по Василиду, неизреченно, оно есть потенциально всё, потому что обладает универсальной потенцией, «панспермией». Проявление всего этого потенциального происходит в трех видах бытия: тонкого, грубого и духовного. Первый владыка мира – Архонт и второй – Демиург (которым подчиняются 365 астральных ангелов, управляющих 365 звездными сферами) не знали о высшей духовной потенции, пока она не проявилась в воплощении Христа, привлечшего к Себе силу Духа Святаго. Просвещенные Евангелием духовные существа возносятся вслед за Христом в сферу абсолютного бытия, а материальный мир, пребывавший до этого в мучении, погружается в состояние равновесия, блаженного неведения.

^{XXXI} *«Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями»* были написаны Вл. Соловьевым в 1899–1900 гг. и стали последним его произведением, своеобразным завещанием. Между этой книгой и прежним творчеством Соловьева лежит огромная пропасть. В «Трех разговорах» он отрекается от своей теократической утопии. Соединение всех христианских церквей – это путь в ад, это великий синтез антихриста, объединяющий все христианские ценности, в котором есть все, но нет самого главного – нет Христа. Массонство понимается Соловьевым как страшная сила, приготовляющая путь антихристу. Мысль о всеобщем братстве есть ересь. Антихрист описывается Соловьевым как человек гениальный, красивый и благородный, бескорыстный, аскетичный, добродетельный, а этими сугубо положительными качествами он и прельстит людей. В картину пришествия антихриста Соловьев вводит некоторые нетрадиционные для новозаветной эсхатологии черты: двумя свидетелями Христовыми он называет не Моисея и Илию, а Петра и Иоанна, олицетворяющих собой Западную и Восточную Церковь. К ним он добавляет фигуру доктора Паули (апостол Павел) – воплощение протестантских церквей. Таким образом, сплочение Петра, Иоанна и Паули перед лицом антихриста предстает у Соловьева как последнее соединение церквей. Изменяется отношение Соловьева и к войне, государству, толстовскому непротивлению злу. Сам Толстой ясно описан Соловьевым в образе Князя – непротивленца, самозванца, фальсификатора христианства, явного приспешника антихриста. В те годы, когда слава Толстого была в зените, от Соловьева требовалось немалое мужество, чтобы пойти на подобный шаг. Действительно, друзья его были возмущены содержанием «Трех разговоров», в «прогрессивном» «Вестнике Европы» отказались их печатать, а студенты Московского университета даже написали Соловьеву оскорбительное письмо, интересуясь его психическом здоровьем.

^{XXXII} *Униаты* – члены некоторых греческих, армянских, коптских и др. церквей, признающих главенство папы римского и католической догматики при сохранении внешних традиционных для каждой исходной религии обрядов и местного языка богослужения. Униатство большое распространение получило на Украине и в Белоруссии после заключения в 1596 г. Брестской церковной унии местных православных церквей с католической и создания там униатской греко-католической церкви. Она просуществовала 350 лет, пока в 1946 г. собор униатского духовенства в Львове не принял решение о ликвидации названной унии и переходе всех униатских приходов в Русскую Православную Церковь.

^{XXXIII} *Сковорода* Григорий Саввич (1722–1794) – сын простого казака, учился в Киево-Могилянской Академии. Не чувствуя расположения к духовному званию, притворился сумасшедшим и был исключен из нее. Много путешествовал пешком по Европе, знакомился с разными учеными, накапливал знания и изучил несколько языков. С 1759 г. преподавал в Харьковском коллегиуме благонравие, но через семь лет был отрешен от должности за некоторые вольные мысли. Оставшиеся двадцать восемь лет жизни странствовал по

Украине, отказываясь от предлагаемых ему должностей и поучая людей в вопросах нравственности. Сочинения его распространялись в рукописях до их опубликования в 1894 г. Скворода доводился Соловьеву прадедом по материнской линии.

^{XXXIV} *Святитель Иоанн Златоуст* (около 350–407; память 27 января/9 февраля, 30 января/12 февраля, 14/27 сентября и 13/26 ноября) – патриарх Константинопольский с 398 г., вселенский учитель Церкви. Происходил из знатной семьи, был блестяще образован. С юности подвизался у сирийских пустынников, затем, отказавшись от епископства, четыре года вел суровую аскетическую жизнь и еще два года прожил отшельником в пещере. Двенадцать лет был проповедником в Антиохии, настолько популярным, что малопросвещенный народ после его проповедей уходил из церкви, не дождавшись Причастия. Будучи патриархом, ревностно старался утвердить высокие нравственные идеалы, чем нажил себе врагов из числа власть предержащих. Когда он был сослан ими, начались народные возмущения и произошло сильное землетрясение. Свт. Иоанн был возвращен и продолжил обличения, за что на Пасху 404 г. его не впустили в храм; пасхальное богослужение он совершил в поле при огромном скоплении народа. Вскоре он был снова сослан, и пожар, как возмездие Божие, сжег весь центр Константинополя. Два года святитель провел в Южной Армении, но поскольку популярность его и здесь стала расти, его сослали еще дальше, в район нынешней Пицунды. По дороге туда святитель скончался.

^{XXXV} *Святитель Григорий Богослов* (Назианзин, около 330–389; память 25 января/7 февраля и 30 января/12 февраля) – патриарх Константинопольский (381) и вселенский учитель Церкви, был сыном епископа г. Назианза в Каппадокии, получил блестящее образование в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Александрии и, наконец, в Афинах, где он на всю жизнь подружился с будущим свт. Василием Великим. После окончания обучения друзья создали полумонашескую общину в имени Василия. В 361 г. он был рукоположен своим отцом во пресвитера, а в 370 г. Василием, ставшим к тому времени архиепископом Кесарии Каппадокийской, рукоположен во епископа Сасим. Но скоро свт. Григорий покидает Сасимы и уединяется для монашеских подвигов. В 379 г. свт. Василий перед смертью советует свт. Григорию переехать в Константинополь, где после гонений ариан осталась только одна православная община, собиравшаяся в частном доме, в маленькой церкви святой Анастасии. Здесь свт. Григорий вскоре прославился по всей Малой Азии как оратор и богослов, и даже блж. Иероним, уже знаменитый к тому времени, приходил в столицу только затем, чтобы послушать его проповеди. В 381 г. свт. Григорий становится одним из организаторов II Вселенского Собора и архиепископом Константинопольским. В том же году он удаляется на покой на свою родину. Богословские сочинения свт. Григория написаны в самом возвышенном стиле, нередко в стихах; так слова: «Воскресения день, просветимся торжеством и друг друга обьемем» – из стихир святой Пасхи есть не что иное, как начало речи, которой святитель начал свое пастырское служение.

^{XXXVI} Под псевдонимом *йога Рамачарака* скрывается Вильям Аткинсон, теософ, врач и судья из Пенсильвании, популяризатор йоги, благодаря которому о ней в конце XIX в. узнали Европа и Америка. В России первыми его книгами были «Сила мысли в деловой и повседневной жизни» (М., 1910) и «Основы мирозерцания индийских йогов» (СПб., 1913), излагающие азбуку эзотеризма.

^{XXXVII} *Франциск Ассизский* (1181 или 1182–1226) родился в богатой семье торговца сукном и мечтал о рыцарской славе. После участия в одной битве и пленения испытал духовный надлом, раздал все свое имущество и обратился к Богу. В 1206–1221 гг. странствовал, проповедуя слово Божие, по разным странам, вплоть до Египта и Палестины, и основал два монашеских братства: миноритов («меньших братьев», превратившийся впоследствии в орден францисканцев) и терциариев – и сестричество кларисок. На Востоке

пытался распространить христианство среди мусульман, поскольку мечтал о соединении Креста и полумесяца; в его отсутствие братья при поддержке римской курии упразднила предписанные им правила о нестяжании, а во главе своей поставила генерального министра. Освободившись от забот по управлению, он снова отправился странствовать, все силы свои посвящая тому, чтобы изобразить земные странствования Спасителя, пережить важнейшие моменты Его жизни. В лесу он устроил живую картину Рождества Христова с яслями, ослом и пастухами, и с тех пор у католиков вошло в обычай проводить на Рождество подобные постановки в костелах. Написал «Похвалу добродетели», «Похвалу Богу» и др. Девизом Франциска были слова: «Господь призвал нас не столько для нашего спасения, сколько для спасения многих» (ср. слова прп. Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»). За два года до смерти, стоя на молитве на высокой горе в день воздвижения Креста Господня, получил стигматы на руках и ногах, через два года после смерти был канонизирован католиками. В XIV в. была составлена книга «О сходстве жизни блж. Франциска Ассизского с жизнью Господа нашего Иисуса Христа», где описываются сорок таких сходств, – образчик аристотелевско-томистской тенденции к калькуляции духовного.

^{xxxviii} *Визионерство* (от лат. *visum* – видение, воображение) – религиозная жизнь, как правило, экзальтированная, сопровождающаяся видениями. В Православии визионерство оценивается как бесовская прелесть. Святые отцы Церкви «от всякого видения, от всякого гласа вне и внутри тебя... повелевают отвращаться, как от явного повода к самообольщению. Храни ум твой безвидным; отгоняй все приближающиеся к нему мечты и мнения», – учат они (*Свт. Игнатий [Брянчанинов]*). Творения: В 5 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 125).

^{xxxix} *Священномученик Дионисий Ареопагит* (память 3/16 октября и 4/17 января) – судья афинского ареопага, обращенный в христианство св. апостолом Павлом (см.: Деян. 17, 34), апостол от 70-ти, ставший первым епископом Афин. Был очевидцем солнечного затмения и успения Пресвятой Богородицы. Во второй половине V в. под его именем появились десять писем и четыре трактата («Ареопагитики»), оказавшие большое влияние на последующую богословскую мысль.

^{xl} *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867–1942) родился в дворянской семье. Из гимназии был исключен за принадлежность к народофильскому кружку. Год проучился на юридическом факультете Московского университета, но был исключен за участие в студенческом движении и выслан в родную Шую под негласный надзор полиции. Через два года ему было разрешено продолжить учебу, но через несколько месяцев он бросает ее. В двадцать три года женился, пристрастился к алкоголю и пытался покончить с собой, выбросившись из окна третьего этажа, в результате чего почти год пролежал в лечебнице. В том же 1890 г. вышел первый сборник его стихов, не имевший успеха, но уже в 1894 г. Бальмонт стал признанным символистом. «Я – изысканность русской медлительной речи, – писал он, – предо мною другие поэты – предтечи». В 1896–1897 гг. путешествовал по Европе. В 1901 г. был лишен права проживания в столичных и университетских городах за стихотворение «Маленький султан». В 1902 г. проживает в Европе, в 1905 г. снова покинул Россию на семь лет, нелегально, опасаясь расправы властей за сочувствие революции, совершил несколько кругосветных путешествий. В 1913 г. вернулся в Россию, склонный к запоям. Февральскую революцию встретил восторженно, октябрьскую не принял. Он голодал и нищенствовал в Москве. В 1920 г. выпросил себе у Луначарского временную заграничную командировку, а выехав в Париж, отказался вернуться на Родину. Там он жил в безвестности и нищете, в комнатке с разбитым им окном, всегда завешенным портьерой. С 1937 г. стало прогрессировать его психическое заболевание, и умер он, почти потеряв рассудок, в пригороде Парижа, в приюте «Русский дом».

^{XL1} *Блок* Александр Александрович (1880–1921) родился в дворянской семье, отец его был профессором, мать переводчицей. Вырос он в семье деда, знаменитого ботаника А. Бекетова, бывшего одно время ректором Петербургского университета, в нравственно здоровой атмосфере, рано начал писать стихи, мечтал стать актером. Окончил названный университет, был поклонником Соловьева, особенно его идей «мировой души» и «вечной женственности», но христианства его не воспринял. В двадцать три года женился на любимой им дочери Д.И. Менделеева и напечатал свои первые стихи; через год вышла его первая книга «Стихи о Прекрасной Даме». Вскоре счастье его было нарушено предательством самых близких ему людей: его друга, Андрея Белого, и жены. Белый был вызван Блоком на дуэль, но во время дуэли состоялось их примирение, после чего жена не оставляла Блока до самой смерти, но появившийся внутренний дискомфорт уже никогда не переставал мучить его; некоторое время он, по его словам, «страшно пил». К 1906 г. Блок стяжал славу одного из самых знаменитых русских поэтов-символистов, но скоро стал симпатизировать Горькому и встал в оппозицию к символизму. В 1916 г. был призван в действующую армию, где служил табельщиком, на передовую идти отказывался. Крушение Российской империи принял с радостью, в 1917 г. присутствовал в Петропавловской крепости на допросах царских министров, сразу выразил готовность сотрудничать с советской властью и много сделал для создания новой советской культуры, был первым председателем Союза поэтов. Эта лояльность стоила ему дорого: после выхода в свет поэмы «Двенадцать» друзья объявили ему бойкот, перестали подавать руку при встрече и отказывались выступать с ним на литературных вечерах. В 1919 г. при ликвидации эсеровских организаций был на несколько дней арестован. Бытовые условия, как и у большинства людей в то время, у него были самые тяжелые, питалась его семья в основном селедкой. Блок страдал от нескольких болезней, его психическое заболевание быстро прогрессировало, он не хотел жить и выбрасывал лекарства в печку. Скончался в сорок один год от болезни сердца.

^{XLII} *Бодлер* Шарль (1821–1867) – лучший французский поэт середины XIX в., родоначальник символизма. Ребенком был отдан в приют, когда после смерти отца его мать повторно вышла замуж. Революцию 1848 г. провел на баррикадах, опьяненный «вкусом к мести и естественным удовольствием от разрушения» (ср.: История зарубежной литературы XIX века: Учеб. для студ. пед. ин-тов... В 2 ч. / Н.П. Михальская и др. М., 1991. Ч. 2. С. 208), тогда же появился у него замысел книги «Цветы зла» (1857). Книга была встречена взрывом негодования. Состоялся суд, и она была признана безнравственной, а поэт обвинен в разврате. Для Бодлера характерна эстетизация смерти, распада, всего уродливого, порочного и противоестественного, например части скелета для него «большим подобны цветам» (там же, с. 211); своих возлюбленных он называет «мой бог, мой Вельзевул» (там же) или «черная Венера». О себе Бодлер пишет так: «Я сердца своего вампир, / глядящий с хохотом на мир / и сам бессильный улыбнуться» (там же, с. 212) и «труп меж трупами, в ком все давно мертво» (там же). Племени Авеля он говорит: «Словно лесные клопы, вы без счета!», а племени Каина: «Каина дети! на небо взберитесь! / Сбросьте неправого Бога на землю!» (там же, с. 214). Любовь к природе Бодлер считает проявлением тупости; на заповедь любить людей отвечает: «Не хочу!» (там же, с. 212). Своего благополучного и «невинного, честно-близорукого читателя благонравных книг» он презирает: «Когда у сатаны в науке / ты совершенства не достиг, / брось! Не поймешь ты этот крик» (там же, с. 214). Еще в ранние годы он стал «искать забвения в неестественных ощущениях», вине и гашише (Культура и культурология : Словарь / Сост. и ред. А.И. Кравченко. М., 2003. С. 177) и к сорока годам был уже совершенно болен. Вид идущего мрачного Бодлера пугал всех. Его «последние 14 месяцев жизни – паралич и афазия, потеря речи, как следствие полученного в молодости сифилиса, злоупотребления наркотиками и алкоголем» (с. 178).

^{XLIII} *Верлен Поль* (1844–1896) – один из основоположников символизма, был сыном офицера, служил чиновником парижской ратуши. Стихи начал писать под влиянием Бодлера. Отличительными их мотивами были глубокая беспредметная тоска, безотчетная меланхолия и вопли отчаяния. Из всех символистов был наиболее близким к жизни и ясным поэтом. В одном из стихотворений Верлен призвал поэтов отдавать предпочтение неясным, смутным образам и тонким нюансам и переливам, а не резким тонам. Символисты восприняли его слова как свой манифест, он упрекал их за это: «Нельзя же понимать “Поэтическое искусство” буквально» – и предостерегал от декадентских крайностей, что, однако, действия не возымело. В 1870 г. женился на своей семнадцатилетней возлюбленной. Парижскую Коммуну 1871 г. встретил восторженно и служил в бюро ее прессы. В том же году сблизился с юным, но уже растленным поэтом Рембо (1854–1891) и навсегда выбился из нормальной жизненной колеи. После падения Коммуны Верлен был гоним и скрывался вместе с Рембо в Бельгии, Англии. В ссоре с Рембо на улице Брюсселя выстрелил в него, ранил, тут же был схвачен полицейскими в 1873 г. приговорен бельгийским судом к двум годам заключения. В тюрьме внял увещаниям священника и даже написал книгу религиозных стихов «Мудрость». Вернувшись во Францию в 1877 г., примирился с властью, поселился в селе, искал опоры в крестьянском труде и вере. Однако алкоголизм возобладал, и Верлен умер в позорной нищете.

^{XLIV} *Далай-лама* (от монг. «далай» – «море мудрости» и тибет. «лама» – «высший», название монаха в ламаизме) – титул верховного священника и до присоединения в 1951 г. Тибета к Китаю одновременно политического лидера тибетцев.

^{XLV} *Медитация* (от лат. *meditatio* – размышление, обдумывание) – психические усилия человека, направленные на достижение состояния глубокой умственной сосредоточенности, отрешенности от внешних объектов, на снижение реактивности человека. Медитация широко применялась в различных религиях, например в пифагореизме, платонизме, неоплатонизме, суфизме и дзен-буддизме. Наиболее известной в наше время системой медитации является йога.

^{XLVI} *Святитель Григорий Нисский* (ок. 335–ок. 394; память 10/23 января) – епископ, учитель Церкви, младший брат свт. Василия Великого. Вел жестокую борьбу против аполлинариан и ариан и был изгнан ими с кафедры. После возвращения из ссылки принимал участие во II Вселенском (381) соборе, на котором восторжествовало Православие. Участвовал в разработке Символа веры, христианской догматики, символической экзегетики. Оставил после себя богатое богословское наследие.

^{XLVII} *Платонизм* – всякое философское учение, опирающееся на идеи Платона, в первую очередь на противопоставление чувственного мира миру идей; таковым можно признать всякое нематериалистическое учение. Чаще всего под платонизмом подразумевается неоплатонизм, просуществовавший до XIX в., иногда – неопифагореизм, гностицизм и герметизм и др. Свт. Григорий Нисский отличается глубоким знанием философии и свободным оперированием философскими аргументами; наибольшее влияние на него оказали Филон Александрийский и неоплатоники. Сближает свт. Григория с неоплатониками трактовка таких вопросов, как восхождение по ступеням богопознания и экстаз как высшая ступень постижения Бога, соединение души с Богом, представление о Боге как совершеннейшем бытии, благе и красоте. Наиболее близко к платоновскому учению свт. Григория о материи: если устранить из нее ее качества (цвет, форму, запах, твердость и т.д.), то от материи не остается ничего, то есть ее вовсе не существует. Сами же качества материи суть не что иное, как понятия, и ни одно из понятий не есть вещество; они становятся веществом, только когда сочетаются друг с другом.

^{XLVIII} *Экзегеты* (от греч. ἐξήγησις – объяснение, толкование) – богословы, занимающиеся трактовкой и объяснением смысла Священного Писания.

^{XLIX} Книга душеполезных поучений прп. аввы Дорофея была одной из самых первых и любимых книг православного народа. Еще в те времена, когда книги переписывались от руки, на Руси «в монашеской среде XIV–XV вв. очень распространены были сборники поучений на темы монашеской жизни, из которых наиболее авторитетными явились “Лествица” Иоанна Синаита, “Поучения” аввы Дорофея, “Слова постнические” Исаака Сирина» (*Лихачева О.П. Стефанит и Ихнилат // Литература Древней Руси. Библиографический словарь / Сост. Л.В. Соколова. М., 1996. С. 213*). «Поучения» аввы Дорофея многократно переиздавались. Так начиная с публикации их стараниями прп. Макария Оптинского в 1856 г. до революции вышло десять изданий книги, и с 1990 г. набирает силу новая волна ее переизданий. «Необходимо читать книгу аввы Дорофея и знать ее, как солдат знает пункты военной службы, – писал прп. старец Амвросий Оптинский. – Без сего нет утверждения в духовной жизни».

^L *Шампольон Жан Франсуа* (1790–1832) с двенадцати лет занимался кропотливым трудом по расшифровке иероглифов на Розеттском камне, найденном в Египте наполеоновскими солдатами в 1799 г., когда ему было еще девять лет. В девятнадцать лет стал профессором Гренобльского университета. В 1822 г. сделал в Парижской академии доклад о результатах своей двадцатилетней работы. Считается основоположником египтологии. Умер Шампольон от нервного истощения в возрасте сорока двух лет.

^{LI} *Досифеи* и *дорофеи* – имеются в виду *преподобный авва Дорофей* (ум. в 620; память 5/18 июня), автор «Душеполезных поучений и посланий», известнейшей в православной аскетике книги духовных наставлений, и его юный ученик *преподобный Досифей* (ум. в VII в.; память 19 февраля/3 марта), явивший своей жизнью подлинный образец послушания. Сказание о кротком и смиренном нраве прп. Досифея, покорности его своему авве до полного самоотречения и свидетельство о спасении его души за одно только его послушание содержится в названной книге аввы Дорофея.

^{LII} *Саломея* – девица, дочь Иродиады, плясавшая на пиршестве в день рождения царя Ирода, который доводился ей и отчимом, и двоюродным дедушкой, и потребовавшая, после того как угодила своим танцем Ироду: *Дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя* (Мф. 14, 6; ср.: Мк. 6, 22). Когда ее желание было выполнено, сама Саломея приняла из рук палача блюдо с головой святого Предтечи и отнесла ее своей матери. Имя Саломеи известно из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (кн. 18, гл. 5, § 4).

^{LIII} *Преподобный Иоанн Лествичник* (ок. 525 – после 600; память 30 марта/12 апреля и в Неделю четвертую Великого поста) – игумен Синайского монастыря святой Екатерины. Поступил в него в шестнадцатилетнем возрасте; через девятнадцать лет, укрепившись духовно, поселился отшельником у подножия горы Синай, в нескольких верстах от обители, и подвизался в отшельничестве сорок лет, выходя лишь по праздникам в храм на литургию. В старости был избран игуменом названного монастыря, через четыре года вернулся в свое уединение. Написал знаменитую «Лествицу», где в образе 30 ступеней изложил непадетельный способ восхождения к духовному совершенству. Путем, указанным прп. Иоанном, следовали и следуют православные монахи-исихасты. «Лествица» – одно из любимых чтений православных боголюбцев. В России она была издана уже в 1647 г. с толкованиями прп. Максима Грека и Нила Сорского.

^{LIV} *Преподобный Исихий Богослов, Иерусалимский* (ум. ок. 432; память 28 марта/10 апреля и в субботу сырную) – учитель Церкви. Ученик свт. Григория Богослова, в 412 г. был

рукоположен в пресвитера. Высоко почитался святыми отцами Церкви, как проповедник и знаменитый учитель. Им изъяснено и изложено с ясностью все Священное Писание. На русский язык переведено лишь «К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве», опубликованное во втором томе «Добротолюбия». Блж. Фотий почитал «Слово...» это «паче всякого другого писания пригодным для проводящих подвижническую жизнь ради наследия Царства Небесного».

^{LV} *Преподобному Григорию Синаиту* (ум. в 1310 или 1346; память 8/21 августа, в день собора Афонских святых – Неделю вторую по Пятидесятнице и в день Синайских святых – среду Светлой седмицы) и его ученикам принадлежит заслуга распространения древней монашеской традиции исихазма на Афоне и на всем православном Востоке. Родился прп. Григорий в Малой Азии в богатой семье, в двадцать лет был взят в плен турками, после освобождения принял постриг в иноческий чин и подвизался на Синайской горе. Удалившись из монастыря, посетил Иерусалим, долго путешествовал по Востоку, обучая умной молитве и аскетической жизни. Основал несколько келий на Афоне; в Парории, местности на границе Болгарии и Византии, основал скит, а затем четыре лавры, куда пришли многочисленные его ученики; в их окружении он и преставился. Имел дар прозорливости, был знаменитым церковным песнотворцем, ему приписывают Канон умиленный ко Господу нашему Иисусу Христу. В пятом томе «Добротолюбия» опубликованы два сочинения прп. Григория Синаита: «Главы о заповедях и догматах...» и «Наставление безмолвствующим», в которых он прекрасно изображает деятельный способ умно-сердечной молитвы. Творения его полезны как для начинающих подвиг духовного совершенствования, так и для более опытных в деле духовного трезвения.

^{LVI} Дидубийская церковь Пресвятой Богородицы была воздвигнута в средние века и перестроена в XIX в. в оригинально смешанном грузино-русском стиле. Ныне тбилиское предместье Дидубе – район грузинской столицы.

^{LVII} *Митрополит Мелхиседек* (Пхаладзе; 1876–1960) родился в семье псаломщика в Тифлисской губернии. Окончил духовное училище, Тифлискую Духовную семинарию и Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1915 г. принял священный сан и служил в Подольской епархии. После получения Грузинской Церковью автокефалии в 1917 г. вернулся на родину. В 1925 г. овдовел, принял монашеский постриг и в том же году был рукоположен во епископа. В 1943 г. был возведен в сан митрополита Урбнисского и стал настоятелем Дидубийской церкви в Тбилиси. С 1952 г. до своей смерти был Католикосом-Патриархом всея Грузии.

^{LVIII} *Метемпсихоз* (от греч. μεταμψυχωσις, от μετα- – пере- и -έμφυχος– оживление, одушевление; букв.: переодушевление) – греческий термин для обозначения переселения душ; его латинская калька – «реинкарнация». Классическая разработка учения о перевоплощении душ принадлежит философии Индии. В Европе эта идея существует уже с VI в. до Р.Х.: «Согласно пифагорейским мифам, любая душа может облечься в любое тело», – сообщал еще Аристотель («О душе», 407). Отсюда идея была заимствована Платоном. Принимал ее и Ориген, а за ним множество еретиков, а также всякого рода оккультисты, и в наше время – последователи новых восточных религий.

^{LIX} *Экстаз* (от греч. έκστασις – смещение, исступление, восторг) у Аристотеля понимался как переход, у Плотина – как некое сверхумное созерцание, когда душа, отбросив все чувственное и интеллектуальное, возвышается над бытием и соединяется со сверхбытием. Экстаз возможен только для души, очищенной катарсисом. Понятие экстаза присутствует в сочинениях Оригена, свт. Григория Нисского и в «Ареопагитиках». В этих сочинениях экстаз понимается как выход человека за пределы своего разума и телесных

ощущений – необходимое условие для личной встречи человека с Богом, снисходящим к нему и «выходящим» для этого из Своей Собственной сущности.

^{LX} *Мистерии* (от греч. μυστήριον – таинство, тайна) – тайные культы языческих божеств, в которых могли участвовать только посвященные, мисты. Состояли из драматизированных постановок того или иного мифа, сопровождавшихся определенными ритуалами, процессиями, заклинаниями, оргиями и пр. Первые мистерии были связаны с культами Осириса и Исиды в Египте, Таммуза в Вавилонии, Деметры в Греции и т.д.

^{LXI} *Онтологический* (от греч. οντος – сущее) – имеющий отношение к бытию, к его фундаментальным принципам, в отличие от феноменологического, представляющего собой явления в том виде, в каком они восприняты нашими органами чувств и отрефлексируются сознанием.

^{LXII} *Атман* – одно из основных понятий индуизма, обозначает душу, субъективное психическое начало, как индивидуальное, так и универсальное. Это субъективное начало соотносится с объективным началом – *брахманом*, первичной реальностью, абсолют, безликим божеством, являющимся единственной реальностью, лежащей в основе мира-иллюзии. Не существует ни тела человека, ни мысли, ни всего видимого мира, – это все майя, результат эманации брахмана. Постигание тождества атмана и брахмана открывает человеку возможность освобождения, достижения мокши, что составляет одну из основных заповедей индуизма. Учение об атмане и брахмане содержится в веданте и принято во всех ортодоксальных школах индуизма, особенно разработано в адвайта-веданте. Оно было, среди прочего, заимствовано теософией, задуманной как универсальная религия, синтез различных индийских религий, оккультизма и гностицизма и др.

^{LXIII} *Предикатом* (от позднелат. praedicatum – сказанное) в логике называется логическое сказуемое, указывающее на свойство субъекта, например, в высказывании: «Сократ – человек» – субъектом является слово «Сократ», а предикатом – свойство «быть человеком».

^{LXIV} *Платон* (427–347 до Р.Х.) был религиозным философом, политеистом, признавал переселение душ (метемпсихоз), развил идею метасоматоза – воплощения души в нескольких телах и концепцию анамнесиса – припоминания душой ее предыдущих рождений. Основанная Платоном ок. 385 г. до Р.Х., Академия просуществовала более тысячи лет, закрыта была в 529 г. императором Юстинианом.

^{LXV} *Спиноза* Барух (1632–1677) родился в Амстердаме в семье купца, учился на раввина в еврейском религиозном училище, но не окончил его, сблизился с республиканцами, коллегиями и меннонитами и был за это отлучен от синагоги в возрасте двадцати четырех лет. Стал изгоем, удалился в село и стал заниматься шлифовкой линз. В тридцать восемь лет анонимно опубликовал «Богословско-политический трактат», враждебный как христианству, так и иудаизму; авторство его было раскрыто, и началась травля Спинозы, как врага религии. Бог в его учении деперсонализируется и дезантропоморфизируется, Он не обладает никакой творческой силой и отождествляется с субстанцией и природой вообще. В системе Спинозы пантеизм достигает кульминации, ценность Священного Писания в деле познания истины решительно отвергается. Чудо называется у Спинозы чистым абсурдом, а человеческая свобода – единственной основой нравственности. Расчет выгоды объявляется рычагом и жизненным нервом всех человеческих действий. Спиноза считается основоположником научной критики Библии и предшественником французских просветителей и атеистов XVIII в. Спинозизм стал синонимом атеизма.

^{LXVI} *Дхарма* (санскр. «основа», «опора», на языке пали «дхамма») – весьма многозначный термин: это закон, обязанность, правило, добродетель и т.д. В большинстве религий Индии дхарма понимается как совокупность требований, соблюдение которых есть добродетель, а нарушение – грех. Рядоположенными дхарме понятиями являются кама – удовлетворение желаний, артха – материальное благополучие и мокша – освобождение. В буддизме дхармами называются мельчайшие неделимые частицы потока индивидуального сознания. В разных школах буддизма насчитывают обычно от 75 до 100 дхарм в человеке: дхармы чистого сознания, дхармы чувственные, дхармы психики и т. д. Активность дхарм порождает иллюзию мира страданий, сансару. Успокоение дхарм путем познания истины ведет к нирване – абсолютному покою.

^{LXVII} *Карма* (санскр. «действие, обязанность, деятельность») – непреложный закон справедливости, возмездия за совершённые поступки, а также совокупность стремлений и намерений, определяющих судьбу живого существа в его последующих перевоплощениях.

^{LXVIII} *Раджа* – княжеский титул в Индии.

^{LXIX} *Реинкарнация* (фр. *reincarnation*, от лат. *carnis* – мясо, плоть) – перевоплощение, одно из основных понятий индийских религий: индуизма, буддизма и джайнизма. Сущее мыслится как неуничтожимое, лишь меняющее свою оболочку в колесе жизни – сансаре, круговороте бытия, состоящем из шести миров: мира богов, асуров (низверженных богов), людей, животных, ненасытных духов прета (уродливых духов умерших людей) и мира адских мук. Вырваться из круга сансары в мир нирваны, в ничто, достичь мокши можно только из мира людей, даже не из мира богов. Реинкарнация упоминается в древних индийских эпосах, в египетской Книге мертвых, Авесте, Вандидах (зороастризм), у Будды, у американских индейцев зуни, в иудейской Каббале, хотя современные иудеи реинкарнацию отвергают (см. также прим. 58).

^{LXX} *Перпетуум-мобиле* (от лат. *perpetuum mobile* – вечно движущееся) – вечный двигатель, машина, которая, будучи раз запущена, работала бы беспрестанно долго. Идея вечного двигателя возникла в XIII в. и завладела умами; породив тысячи неудачных проектов, привела ко многим неожиданным открытиям. Лишь в конце XVIII в., после вековых бесплодных попыток, стало утверждаться мнение о невозможности создания вечного двигателя.

^{LXXI} *Логика и экстаз* – это гносеологические тупики, то есть попытки как рациональным, так и нерациональным, мистическим путем постичь существующую действительность обречены на неудачу. *Гносеология* – теория познания. Об экстазе как способе постижения истины см. прим. 59.

^{LXXII} *Силлогизм* – форма дедуктивного умозаключения, в которой из двух высказываний (посылок) следует новое высказывание (заключение), например: «Все люди смертны» (посылка); «Сократ – человек» (вторая посылка); «Следовательно, Сократ смертен» (заключение). Существуют и другие фигуры и модусы силлогизма. Силлогистика была разработана Аристотелем и до XVII в. считалась совершенной в своей законченности.

^{LXXIII} *Вивекананда* (Нарендранатх Датта, 1863–1902) был ближайшим учеником Рамакришны (1836–1886), создавшего неоведантизм – учение о единстве всех религий на основе индуизма. На Международном конгрессе религий в 1893 г. в Чикаго никому не известный Вивекананда выступил с пламенной речью и в одночасье стал общепризнанным во всем мире духовным учителем. В 1895 г. основал организацию «Миссия Рамакришны», призванную распространять на Западе его идеи и веданту и ставшую с 1897 г.

международной. Вивекананда в своем учении стремился соединить не только все религии, но и всю мораль, вообще все духовное начало в мире.

LXXIV Промышленный город Чикаго, выжженный в 1871 г. дотла, быстро был застроен небоскребами и вскоре стал вторым в США после Нью-Йорка. Он и был избран центром рабочего и демократического движения с забастовками и демонстрациями пролетариата. В 1870 г. сюда перебазировалась секция I Интернационала, в 1905 г. здесь была создана профсоюзная организация «Индустриальные рабочие мира», а в 1919 г. – Компартия США. Сюда же были брошены и семена новой идеи – объединения всех религий в одну. В 1893 г. в Чикаго проводилась Всемирная Колумбийская выставка, и к ней был приурочен так называемый I Всемирный Конгресс Религий. Лозунгом его стало привлечение внимания общественности к важности диалога между религиями для поддержания мира. Весьма деятельным инициатором конгресса был д-р Блиц, управляющий высшим советом ложи мартинистов США. На этом конгрессе был создан Мировой парламент религий и впервые поставлен вопрос о создании Организации Объединенных Религий (ООР), но все эти новообразования оказались мертворожденными. Дальнейшие попытки создания подобных организаций были так же безуспешны.

В 1930-е гг. был проведен Всеобщий конгресс вероисповеданий, в 1950-е создан Всемирный альянс религий, в 1952 г. в нью-йоркском пресвитерианском храме возобновлен Всемирный парламент религий 1893 года. В 1960 г. учрежден Храм понимания, действующий поныне, в 1986 г. – Всемирный совет вероисповеданий. Отголоском конгресса 1893 г. стал II Всемирный конгресс религий, созданный в том же Чикаго спустя ровно сто лет после первого конгресса, – в 1993 г. Чести его открытия был удостоен Шри Чинмой, что он и сделал характерным для него способом – пятиминутной медитацией. В 1995 г. возобновились попытки создания ООР, но ни один из предстоятелей современных влиятельных церквей и других религиозных объединений не дал своего согласия на участие в ее создании. В 2004 г. состоялось последнее событие, близкое по духу чикагскому конгрессу, – Всемирный форум религий, проведенный в Барселоне.

LXXV *Адвайта* (санскр. «недвойственность») – то, для чего не существует противоположности. Понятие философии адвайта-веданты – строго монистического направления веданты, – обозначающее брахмана, который есть единственно существующая реальность: «я» и мир, субъект и объект, индивидуальная душа и душа вселенной слиты воедино. В основе всего сущего лежит единое безличное абсолютное начало – брахман, а весь окружающий мир есть майя, иллюзия, возникшая по причине незнания. Кроме адвайта-веданты, существуют вишишта-адвайта Рамануджи (ограниченный монизм) и двайта-веданта (дуализм).

Адвайта-йога – нетрадиционная система йоги, включающая, кроме раджа-, джняна-, кундалини- и лайя-йоги, также цигун – систему китайских монахов, преследующую цель «овладения энергией». В 1995 г. в Симферополе был учрежден монастырь йогов этого направления, так называемый ашрам Гухьясамаджа, открывший свои филиалы еще в шести городах бывшего СССР.

LXXVI *Тантризм* (от санскр. «тантра» – хитросплетение, сокровенный текст, магия; так называются священные тексты шактистских сект в индуизме) – связанная с йогой и сексуальными действиями магическая практика, характерная для индуизма (шактизм, шиваизм, вишнуизм), буддизма и производных от них религий. «Тантрические понятия напоминают мифического змея, кусающего себя за хвост, так как обладают способностью беспрестанно превращаться из одного в другое, отчего любой текст всегда имеет двойное прочтение... Каждый тантрический текст также содержит две возможности экзегезы: референтным уровнем одной выступает тайный обряд, приводящий в результате к

сексуальному единению с целью просветления; референция другой находится на метафизическом уровне» (*Элиаде М., Кулиано И.* Словарь религий, обрядов и верований. М.; СПб., 1997. С. 82).

LXXVII *Лопатин* Лев Михайлович (1855–1920) был профессором Московского университета, редактором журнала «Вопросы философии и психологии» и председателем Московского психологического общества. Разработал свою систему психологически окрашенной философии («Положительные начала философии». М., 1886–1891), позиции его близки к соловьевским.

LXXVIII *Будда* (санскр. «просветленный») – Сиддхартха Гаутама, прозванный после случившегося с ним «просветления» Буддой Шакья-Муни. В 1956 г. буддисты праздновали 2500-летие смерти Будды, однако достоверных данных о фактах его жизни не имеется. Будда отверг учение брахманизма об атмане и утверждал, что во вселенной нет ничего, кроме страдания и угасания. Все космические процессы выводятся из незнания и омраченности, а спасение заключается в прекращении этого незнания, выходе из колеса перерождений (сансары) и достижении абсолютного покоя – нирваны.

LXXIX *Конфуций* (Кун Фу-цзы; 551–479 до Р.Х.) – древнекитайский мудрец, родился в семье военного, в двадцать семь лет поступил на службу в главную кумирню царства Лу и лишь в пятьдесят лет стал чиновником. Под конец жизни собрал вокруг себя небогатых учеников и задался целью сделать их идеальными людьми, во всех случаях жизни ведущих себя безупречно правильно. У Конфуция нет разработки проблем философии, космологии, логики, мифологии. Небо для него не божество, а неопределимое мировое начало. Цель Конфуция – найти срединный путь для человека и человечества, дао, который позволил бы сохранить равновесие между волей неба и земли. Конфуцианство не является религией в строгом смысле слова: оно не имеет жрецов, ритуал в нем совершают ученые чиновники, получающие посты после сдачи экзаменов. Главная добродетель, приближающаяся к религиозному долгу, – это почтительность ко всем, нарушение ее – «единственное кошунство для конфуцианца» (см. упомянутую книгу *Элиаде*, с. 224). Конфуцианская мораль была основой китайской государственности до 1911 г.

LXXX *Шиваисты* – индуисты, поклонники бога Шивы. Другое крупное направление индуизма составляют вишнуисты, поклонники бога Вишну, всего лишь десятым воплощением которого считается Будда. *Ламаисты* – последователи одного из направлений буддизма, воспринявшего бон-по – древние религии тибетцев, представляющие собой разновидность шаманства. Адепты бон-по претендуют на божественное происхождение из страны Шамбалы и имеют своего будду, не Гаутаму. Ламаизм стал государственной религией Монголии в XIII–XIV вв. Ламаистами являются также буряты, тувинцы и калмыки.

LXXXI *Махатма* (санскр. «великая душа») – особо выдающийся, духовный человек.

LXXXII *Хатха-йога* (санскр. «ха» означает вдох, «тха» – выдох) – раздел раджа-йоги, система физических упражнений, состоящая из определенных поз (асан) и дыхательных упражнений. Цель этой системы йоги – сделать дыхание спокойным и равномерным и, урегулировав дыхание, перейти к укрощению тела.

LXXXIII *Асана* – третья из восьми ступеней управления телом в йоге: обуздание (яма), соблюдение правил (нияма), позы (асана), регулирование дыхания (пранаяма), изоляция чувств (пратьяхара), внимание (дхарана), размышление (дхьяна) и сосредоточенность (самадхи). Асана – это занятие определенного положения и начало физических упражнений йогов. Но упражнения не должны сводиться к банальной гимнастике, нужно максимально

напрягать свое внимание, концентрируя его на каждом своем движении или соответствующем участке тела, чтобы таким образом набрать нужную энергию, распределить ее по каналам к чакрам в требуемом направлении и в итоге развить свою энергетическую структуру. Асан-поз имеется множество: это лев, герой, плуг и т.д.

LXXXIV *Кундалини* (от санскр. *кундала* – «свернувшаяся») – это сжатая информация, или энергия, геном будущего человека. Она свернута кольцами наподобие змеи в том сокровенном месте, где заканчивается позвоночник и которое называется муладхара-чакра. Заставить энергию подняться из этого положения через другие чакры по позвоночнику (сушумне) до тысячелестковой чакры, находящейся в высшей точке черепа, – цель занятий його. Такова, в частности, и задача тантра-йоги. Тантризм, как известно, сильно замешан на сексе. Потому во введении к тантра-йоге сразу оговаривается, что секс и сексуальная энергия используются для расширения сознания и порождения сущности третьего порядка. Сексуальные практики обязательны в тантра-йоге, но не являются главенствующими. Основной принцип в ней таков: нет ничего грязного, аморального, постыдного. Все материальное может и будет использовано для достижения духовного. Эти высказывания дословно содержатся на сайтах, дающих виртуальные уроки по тантра-йоге (см. также прим. 91).

LXXXV *Астральный план*, понятие теософии Блаватской, означает эмоционально-инстинктивную сферу человеческого бытия. Антропология Блаватской целиком скопирована из философии йоги, постулирующей семь начал в человеке. Известному европейцам со времен Платона делению человека на три природы – дух, душу и тело – в йоге соответствуют: 1) физическое начало, 2) эфирное начало, 3) прана (они составляют то, что мы понимаем как тело), 4) астральное начало (эмоции, инстинкты), 5) интеллект, самосознание составляют то, что мы называем душой, 6) духовный ум (интуиция, прозрение), космическое сознание, 7) дух – это дух в европейском понимании. Новшество Блаватской заключалось в переименовании перечисленных йогических начал в «тела»: физическое, эфирное, астральное, ментальное, каузальное (пребывающее), буддхическое (просвещенное) и нирваническое. Не говоря о том, что переименование это сильно отдает материализмом (ибо если все принадлежит телу, то что же будет тогда бессмертным и что будет вечно перевоплощаться и как, с другой стороны, бесплотный дух может быть телом), сами эти термины заменяются другими от одного ее сочинения к другому. Впрочем, последовательность и ясность как раз не входят в задачи Блаватской.

Согласно теософии, при каждом новом рождении личность получает новое астральное, физическое и ментальное тела. Астральное тело не обладает разумом, его свойство – тонко развитый инстинкт, оно есть оболочка желаний человека. Эти желания астральной оболочки вредят ее владельцу, он должен сопротивляться им. Если он будет поддаваться желаниям, то постепенно утратит способность сопротивляться им и отождествит себя с ними. Но если будет контролировать желания, т.е. будет вести жизнь теософа, то сократит их и к началу следующей реинкарнации выйдет с оптимальным их набором. Астральное тело выглядит, по мнению теософов, подобно вращающейся массе. В идеале она должна состоять из нескольких плавно движущихся разноцветных полос, но у обычного человека здесь могут бушевать до 50–60 вихрей желаний; они подобны открытым ранам, через которые вытекает вся его энергия.

Понятие астрального плана использовалось средневековой алхимией для обозначения греческого аида, то есть христианского ада. Для теософов это царство иллюзий, у них, как и у оккультистов, существуют специальные упражнения для тренировок по переносу сознания из физического плана в астральный и обратно. В стиль оккультистских учений, каким мы видели его на примере громоздких и недоказуемых построений гностиков, органично вливается теософское, чрезвычайно детализированное описание структуры этого астрального плана, включающей семь подразделений, и различных его обитателей. К

примеру, эти последние делятся на три типа: существа человеческие (живые и мертвые), нечеловеческие (элементалы, астральные тела животных, природные духи всех видов и дэвы) и искусственные (созданные сознательно и бессознательно) и т.д.

LXXXVI *Раджа-йога* (путь господства над собой), *джняна-йога* (путь познания, йога знания, или мудрости; возможны разные транскрипции названия) вместе с карма-йогой (путь действия) и бхакти-йогой (путь любви к богу) составляют четыре наиболее известных направления йоги. Раджа-йога стремится к тому, чтобы внутреннее «я» утвердило себя как повелитель (раджа) всех сил и способностей человека. Цель ее – дисциплина разума, концентрация его сил, медитация. Цель же джняна-йоги – соединение знания человеческого со знанием ничем не ограниченным, то есть с самим абсолютом, богом. По мысли Вивекананды, для этого «сейчас нужно отказаться от сектантства и национализма в вопросах религии. Представление о том, что всякое племя или страна должны иметь собственного Бога и отрицать иные веры, – суеверие, которое надо оставить в прошлом» (*Свами Вивекананда. Практическая веданта (избранные работы) / Пер. с англ. М., 1993. С. 178*). «Главное наслаждение джняна-йоги состоит в метафизических исследованиях. Они философы, ученые, проповедники, учителя и ученики» (*Рамачарака. Религии и тайные учения Востока. М., 2004, С. 177*). Перспективы для занимающихся джняна-йогой открываются весьма далекие: «На определенной ступени развития в практике джняна-йоги человек сознает, что познающий, познание и познанное представляют собой единую сущность, а не три различных... существует только познание, познание и познание» (*Вуд Э. Словарь йоги / Пер. с англ. Киев, 1996. С. 70*).

LXXXVII *Прана* – человеческое жизненное начало, жизненная сила, понимается она как дыхание и как энергия. Это один из видов жизненного ветра (вайю), связанный с сердечным центром и сердечным сплетением и потому со здоровьем и силой сердца. Другие ветры связаны с другими чакрами. *Всемирная энергия, прана* – это мировая душа, с которой стремится соединиться каждая индивидуальная душа. *Солнечное сплетение* – «самый большой аккумулятор пранической энергии, откуда она переливается в меньшие аккумуляторы, рассеянные по всему телу и к различным органам... Оно состоит из белого и серого мозгового вещества, так же как головной и спинной мозг... Название этого сплетения “солнечным” очень удачно, потому что из этого места, как из солнца, излучается энергия и сила ко всем частям тела, и даже большой мозг зависит в своей работе от энергии, посылаемой солнечным сплетением» (*Рамачарака. Религии и тайные учения Востока. С. 84–85*).

LXXXVIII *Мантра* – это самхит, магическое заклинание в индуистских и буддийских религиях, формула, используемая в тантризме для вхождения в состояние медитации. Мантра внушается ученику в ходе его инициации.

LXXXIX *Веды* (от санскр. «ведать», «знать», отсюда слова «ведовство», «ведьма») – самая древняя индийская религиозная литература; оформившиеся в канонической форме во II–I тысячелетиях до Р.Х. сборники священных песен, гимнов, магических заклинаний и жертвенных формул, использовавшихся при жертвоприношениях, в том числе человеческих. Всего Вед четыре: первая из них включает 1028 гимнов, вторая – 1549 песен, третья – около 200 гимнов, четвертая – 731 заклинание. Религии Индии, признающие Веды, считаются ортодоксальными.

XC *Упанишады* (санскр. «сидение около учителя», позднее: «сокровенное знание», «тайное учение») – древнеиндийские произведения религиозно-философского характера, объясняющие тайный смысл Вед. Это 108 текстов, древнейшие из которых восходят примерно к VI–III вв. до Р.Х.

^{ХСІ} *Лотосы* (падмы) – это чакры (санскр. «колесо, круг»), названные лотосами из-за сходства с этим цветком. Энергетический канал (сушумна) проходит по позвоночнику, а вдоль него располагаются шесть лотосов на уровне шести частей тела: ануса, половых органов, пупка, сердца, горла и бровей. У каждого лотоса различное число лепестков, сушумну же венчает тысячелепестковый лотос. «Разумеется, очень важно не возбуждать низшие чакры до тех пор, пока человек не обретет полный или, по крайней мере, очень сильный контроль над своим телом и эмоциями», – сказано в «Словаре йоги» (с. 103). Но известно ли о такой опасности тем, кто приступает к занятиям йогой, не имея под рукой этого словаря?

^{ХСІІ} *Маздеизм*, или религия магов, – религия населения Древнего Ирана, сосуществовавшая и переплетавшаяся с зороастризмом и имевшая с ним общую священную книгу – Авесту. Верховными божествами у маздеистов являются Ахурамазда – олицетворение добра и Анхра-Майнью – олицетворение зла, позднее к ним прибавился Митра. Маздеизм сводит до минимума роль Заратуштры и допускает погребение знатных людей, тогда как зороастрийцы предоставляют птицам поедать тела умерших, с тем чтобы «нечистый» труп не мог прийти в соприкосновение ни с одной из «чистых» стихий природы.

^{ХСІІІ} *Мтацминда* – гора, которую А.С. Грибоедов называл «самой поэтической принадлежностью Тбилиси». Она возвышается на 400 м. на правом берегу Куры, протекающей через город. К горе проведены подвесная канатная дорога и самый длинный в мире фуникулер. На Мтацминде располагается тбилисский парк культуры и отдыха, а с 1929 г. открыт пантеон выдающихся писателей и выдающихся деятелей Грузии. Первым, по его завещанию, был похоронен на Мтацминде Грибоедов.

^{ХСІV} *Метехи* – плато с желто-серой скалой, возвышающееся над Тбилиси на левом берегу Куры. На самой высшей его точке расположены развалины бывшего царского замка, а прямо перед ним, на самом краю плато, стоит древняя придворная церковь Метехской Божией Матери, доньяне украшающая город.

^{ХСV} *Нарикала* – крепость на Метехском плато, построенная в IV в. Вместе с Метехским замком была главным военно-оборонительным укреплением Тбилиси. В 1827 г. во время грозы в ее пороховой склад ударила молния; крепость с тех пор не восстанавливалась.

^{ХСVІ} *Святитель Афанасий Великий* (298 или 293 – 373; память 18/31 января и 2/15 мая) – архиепископ Александрийский с 326 г., отец Церкви. Он знал все книги Священного Писания так, как иной не знает и одной из них, по словам свт. Григория Богослова. Был близок с прп. Антонием Великим и другими знаменитыми египетскими пустынножителями. Принимал участие в I Вселенском соборе, сорок семь лет занимал святительскую кафедру, в тяжелый период арианских смут был единственным православным епископом на всем Востоке, и судьба вселенского Православия отождествлялась с его судьбой. Вел суровую борьбу с арианами и терпел от них непрерывные злоключения, пятнадцать лет своего епископства провел в изгнании, в том числе шесть – в пустыне. Мирно скончался, немного не дожив до торжества Православия на II Вселенском соборе (381). Его учение о единосущии Бога Сына Богу Отцу вошло в Символ веры.

^{ХСVІІ} *Князья Трубецкие*, Сергей Николаевич (1862–1905) – профессор философии Московского университета и Евгений Николаевич (1863–1920) – профессор философии права в Киеве и затем в Москве, родились в большой (детей было десять) и богомольной семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. С 1886 г. братья были близкими друзьями и продолжателями дела Соловьева. В гимназический период утратили веру в Бога,

увлеклись позитивизмом Милля и Спенсера, затем скептицизмом. Под влиянием Шопенгауэра, Достоевского, Хомякова и Соловьева, а также музыки Бетховена братья вернулись в лоно Православной Церкви. С.Н. Трубецкой в 1905 г. в присутствии Государя произнес речь о необходимости ограничения самодержавной власти и в том же году умер от кровоизлияния в мозг, когда приехал в Петербург, чтобы отстаивать право университетской автономии. Е.Н. Трубецкой отстаивал идею независимости Церкви от государства, был инициатором создания издательства «Путь».

^{xcviii} Блок. А. Сочинения: В 2 т. М., 1995. Т 1. С. 298–299.

^{xcix} *Эмпирика* – практическая деятельность, далекая от интеллектуальных исканий, от теоретизирования, противопоставляется также романтике. Эмпиризмом (от греч. *ἐμπειρία* – опыт) называется направление в теории познания, признающее источником знания чувственный опыт в противоположность рационализму, отдающему первостепенную роль разуму.

^c *Святитель Феофан, Затворник Вышенский* (Говоров, 1815–1894; память 10/23 января), родился в семье священника, окончил духовное училище, духовную семинарию и Киевскую Духовную Академию, магистр богословия. Еще до окончания курса принял монашеский постриг. Служения его были многообразны, направлялся он на Святую Землю, в Константинополь, был ректором Петербургской Духовной Академии. С 1859 г. – епископ Тамбовский, в 1861 г. присутствовал при открытии мощей свт. Тихона Задонского, в 1866 г. ушел на покой, в 1872 г. – в затвор, прекратив все сношения с людьми. В своих комнатах устроил малую церковь во имя Богоявления Господня, где служил литургию совсем один, причем в последние одиннадцать лет служил ежедневно. Каждый день он получал от двадцати до сорока писем и отвечал на них. От изданий своих книг святитель не получал ничего, питался он очень скудно: в скоромные дни одним яйцом и стаканом молока. Как руководитель в деле христианского совершенствования, свт. Феофан незаменим: нет ни одной детали духовной жизни, которая ускользнула бы от его внимания. Им переведены «Добротолубие» в пяти томах, «Невидимая брань», «Древние иноческие уставы» и написаны «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «О молитве и трезвении», несколько книг писем и многие другие сочинения.

^{ci} *Святитель Игнатий (Брянчанинов)* (1807–1867; память 30 апреля/13 мая) – краса русского иночества, человек явивший жизнью своей подвиг самоотвержения, близкий к исповедничеству. Родился он в дворянской семье, с детства выказал дивные дарования, любовь к церкви и молитве. В шестнадцать лет был отдан в Главное инженерное училище, где проявил редкие способности и был любим самим Государем Императором Николаем Павловичем. Во время учебы святитель часто бывает на Валаамском подворье и в Невской лавре, среди иноков которой подвизались ученики старца Паисия Величковского. После встречи в 1826 г. с иеромонахом Леонидом, будущим старцем Оптинским, он записал: «Сердце вырвал у меня Леонид, теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу». В 1827 г. свт. Игнатий поступает в Александро-Свирский монастырь, в 1831 г. принимает постриг в малую схиму, в 1834 г., по воле Его Императорского Величества, становится настоятелем Сергиевой пустыни близ Петербурга, а в 1857 г. наречен во епископа Кавказского и Черноморского. В 1861 г. святитель удаляется на покой в Николо-Бабаевский монастырь и целиком посвящает себя написанию духовных сочинений. Последнюю литургию свт. Игнатий отслужил на Пасху 1867 года, а в неделю жен-мироносиц предал Богу свою святую душу. На погребение его в монастырь стеклось до пяти тысяч человек. «Аскетические опыты», «Отечник», «Приношение современному монашеству» и другие сочинения свт. Игнатия – любимейшее чтение иноков и боголюбивых мирян.

^{СП} «Добротолюбие» (от греч. *φιλοκαλία* – любовь к прекрасному, возвышенному, доброму) – наилучший сборник сокровищ духовной мудрости, содержащий истолкование сокровенной жизни в Господе Иисусе Христе. В него вошли сочинения избранников Божиих, описавших свой опыт шествования спасительным путем духовной жизни: святых Антония и Макария Великих, Исаака и Ефрема Сириных, Максима Исповедника, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея и многих иных. Для вступивших на путь духовного совершенствования и не имеющих опытного руководителя книга эта незаменима.

В 1777 г., по поручению свт. Макария Коринфского, к исправлению и редактированию книг «Добротолюбие», «Евергетинос» и «О постоянном причащении Божественных Таинств» приступил прп. Никодим Святогорец. Через пять лет «Добротолюбие» было им подготовлено и издано святым Макарием в Венеции в 1782 г., через одиннадцать лет – в Москве, в славянском переводе прп. Паисия Величковского. В 1857 г. епископ Игнатий Брянчанинов опубликовал в Петербурге дополненное издание перевода прп. Паисия, а в 1876–1890 гг. был издан русский перевод «Добротолюбия» в пяти томах, подготовленный свт. Феофаном Затворником с помощью Московской Духовной Академии и монахов Оптиной пустыни.

^{СП} См., например: Ис. 1, 28, 30.

^{СIV} *Преподобный Исаак Сирин, епископ Ниневийский* (ум. в VI в., память 28 января/10 февраля) – древний христианский подвижник, аскет, учитель монахов. В юности принял монашеский образ в монастыре святого Матфея. Усовершенствовавшись в добродетели, удалился в пустынную келию на большом расстоянии от обители. По просьбе граждан Ниневии стал их епископом, но через несколько месяцев снова удалился в монастырь. Прп. Исаак Сирин оставил большое количество наставлений подвижникам благочестия. Во втором томе «Добротолюбия» опубликованы его «Подвижнические наставления», четыре столетия распространявшиеся в списках. Поучения прп. Исаака исполнены глубоких психологических сведений, относящихся к самым неуловимым состояниям души.

^{CV} «*Маленький принц*» написан французским писателем Антуаном де Сент-Экзюпери (1900–1944). В главе 21 описывается встреча Маленького принца с Лисом. «Как чудесно будет, когда ты меня приручишь! – говорил Маленькому принцу внезапно появившийся Лис.– Пожалуйста... приручи меня!.. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!». Принцу совершенно некогда было приручать его, к тому же он любил свою розу, да и не знал, как приручают животных, но Лис его научил: «Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи... Но с каждым днем садись немного ближе». А когда Лис добился своего, Маленькому принцу нужно было уходить, и Лис сказал следующие памятные слова: «Я буду плакать о тебе... Ты всегда в ответе за тех, кого приручил».

^{CVI} *Схигумен Савва* (в миру Николай Михайлович Остапенко; 1898–1980) родился на Кубани в благочестивой крестьянской семье. В 1911 г. окончил двухклассное училище, с 1916 г. проходил службу в армии, в 1923 г. окончил Московское военно-инженерное училище, в 1932 г. – строительный техникум, в 1948 г. – Московскую Духовную семинарию. По окончании ее в 1948 г. принял монашеский постриг, в 1952 г. рукоположен в иеромонахи и назначен на должность эконома Троице-Сергиевой лавры. В 1955 г. указом Святейшего Патриарха Алексия I переведен в Псково-Печерский монастырь, где некоторое время исполняет обязанности благочинного обители. В 1973 г. принял постриг в схиму. Блаженная кончина его последовала 27 июля 1980 г. На отпевании присутствовало множество его духовных чад и почитателей, поскольку отец Савва стяжал славу удивительного старца, по молитвам которого обильно подавалась просящим чудесная помощь от Бога, и наставника, редкого по своей духовной мудрости и опытности.

Изречение схиигумена Саввы автор приводит по своим личным воспоминаниям (см.: *Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Тайна спасения. Беседы о духовной жизни. Воспоминания. М., 2002. С. 379).